

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

С Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1

2024

www.kisi.kz

**Сравнительный анализ теоретических воззрений
на роль национализма в социально-политических
процессах**

Гани Ельмуратов,
Гульсара Каппасова,
Мейрамгуль Алтыбасарова,
Мадина Рахимбаева

**Региональная политика в отношении северных
регионов Республики Казахстан и Канады:
общее и особенное**

Риззат Тасым,
Марина Онучко,
Нурбек Пусырманов

**Концепты «Государство кочевых узбеков» и
«Улуса Чагатая» в политике национального
строительства Узбекистана**

Мырзабек Тойганов,
Жаслан Нурбаев,
Жаньысыл Киюбек

Межэтнические отношения в полиэтничном обществе
Башир Алию Якасай

**Социальные детерминанты здоровья как измерение
государственной политики: сравнительный анализ**

Эльдар Бакпаев,
Адильхан Мухамедьяров,
Багыш Габдулина,
Данагуль Копежанова

**Потребность и пути обновления современного
международного порядка**
Нурлан Нурсейт

**Этнические особенности социально-экономического
неравенства в Республике Казахстан**

Талгат Калиев,
Гали Дінмұхаммед

**Рефлексивная деятельность как инструмент
повышения качества образования**

Кульзада Кудайбергенова
Сабира Исалдаева
Асел Абен

ISSN 1562-6318

0 1

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Гани Ельмуратов, Гульсара Каппасова, Мейрамгуль Алтыбасарова, Мадина Рахимбаева	Сравнительный анализ теоретических воззрений на роль национализма в социально-политических процессах	7
--	--	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Риззат Тасым, Марина Онучо, Нурбек Пусырманов	Региональная политика в отношении северных регионов Республики Казахстан и Канады: общее и особенное	18
Мырзабек Тойганов, Жаслан Нурбаев, Жанысыл Киюбек	Концепты «Государство кочевых узбеков» и «Улуса Чагатай» в политике национального строительства Узбекистана	34
Башир Алию Якасай	Межэтнические отношения в полиэтническом обществе	43
Эльдар Бакпаев, Адилхан Мухамедьяров, Багыш Габдулина, Данагуль Копежанова	Социальные детерминанты здоровья как измерение государственной политики: сравнительный анализ	49
Нурлан Нурсейт	Потребность и пути обновления современного международного порядка	57

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Талгат Калиев, Гали Динмухаммед	Этнические особенности социально-экономического неравенства в Республике Казахстан	75
Кульзада Кудайбергенова Сабира Исалдаева Асел Абен	Рефлективная деятельность как инструмент повышения качества образования	89

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Меруерт Әсіл

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в. Тираж.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Ғани Елмұратов, Гүлсара Қаппасова, Мейрамгүл Алтыбасарова, Мадина Рақымбаева	Әлеуметтік-саяси процестердегі ұлтшылдықтың рөлі туралы теориялық көзқарастарды салыстырмалы талдау.	7
---	--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Риззат Тасым, Марина Онучко, Нұрбек Пұсырманов	Қазақстан Республикасы мен Канаданың солтүстік аймақтарына қатысты өңірлік саясаты: ортақтығы мен ерекшелігі	18
Мырзабек Тойғанов, Жаслан Нұрбаев, Жанысыл Қиюбек	Өзбекстанның ұлттық құрылыс саясатындағы «Көшпелі өзбектер мемлекеті» және «Шағатай ұлысы» тұжырымдамалары	34
Башир Алию Якасай	Көпэтносты қоғамдағы этносаралық қатынас	43
Эльдар Бақпаев, Әділхан Мұхамедияров, Бағыш Габдулина, Данагүл Көпежанова	Денсаулықтың әлеуметтік детерминанттары мемлекеттік саясаттың өлшемі ретінде: салыстырмалы талдау.	49
Нұрлан Нұрсейіт	Қазіргі халықаралық тәртіпті жаңарту қажеттілігі мен жолдары	57

АҚТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Талғат Қалиев, Ғали Дінмұхаммед	Қазақстан Республикасындағы әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктің этникалық ерекшеліктері	75
Күлзада Құдайбергенова, Сабира Исалдаева, Әсел Әбен	Рефлексиялық іс-әрекет білім сапасын жоғарту құралы ретінде	89

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бекірова
Беттеу: Меруерт Өсіп
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. Таралымы:

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Gani Yelmuratov,
Gulsara Kappassova,
Meiramgul Altybassarova,
Madina Rakhimbaeva** Comparative analysis of theoretical views on the role of nationalism in socio-political processes 7

POLITICS AND SOCIETY

- Rizzat Tasym,
Marina Onuchko,
Nurbek Pussyrmanov** Regional policy in relation to the northern regions of Kazakhstan and Canada: general and special 18
- Myrzabek Tuyganov,
Zhaslan Nurbayev,
Zhanylsyn Kiyubek** The concepts of the “State of Nomadic Uzbeks” and the “Chagatai Ulus” in the policy of national construction of Uzbekistan 34
- Bashir Aliyu Yakasai** Inter-ethnic relation in a multi-ethnic society 43
- Eldar Bakpayev,
Adilkhan Mukhamedyarov,
Bagysh Gabdulina,
Danagul Kopezhanova** Social determinants of health as a dimension of State policy: a comparative analysis 49
- Nurlan Nurseiit** The need and ways to update the Modern International Order 57

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Talgat Kaliyev,
Gali Dinmukhamed** Ethnic features of socio-economic inequality in the Republic of Kazakhstan 75
- Kulzada Kudaibergenova,
Sabira Isaldaeva,
Assel Aben** Reflexive activity as a tool for improving the quality of education. 89

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
chief expert of the KazISS under the President
of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Arzikulov
Editor-corrector: Akmaral Bakirova
Layout: Meruert Asyl

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by .
Copies: .

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник ИФПР Комитета науки МНВО РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, главный эксперт Казахского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике

Редакциялық кеңес

- Еркін Тұқымов** – Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** – «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** – ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің ФСДИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** – «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Мартин Брусис** – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Европаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** – Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** – РФА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы

Editorial Board

- Yerkin Tukumov** – Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Rakhman Alshanov** – President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
- Gulmira Ileuova** – Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
- Gulnar Nasimova** – Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** – Chief Research Fellow of the IFPR of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** – Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
- Martin Brusis** – Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** – Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chuftrin** – Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

МРНТИ:
11.15.37

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ НА РОЛЬ НАЦИОНАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Гани Ельмуратов¹,
Гульсара Каппасова^{2*},
Мейрамгуль Алтыбасарова³,
Мадина Рахимбаева⁴

¹ Профессор кафедры «Социальные науки, журналистика и информация», НАО Торайгыров Университет, кандидат политических наук, email: ganielmuratov71@gmail.com

² Ассоциированный профессор (доцент) кафедры «Социальные науки, журналистика и информация», НАО Торайгыров Университет, PhD, email*: gulsara_k@bk.ru

³ Профессор кафедры «Социальные науки, журналистика и информация», НАО Торайгыров Университет, кандидат политических наук, email: mika_al68@mail.ru

⁴ Старший преподаватель кафедры «Социальные науки, журналистика и информация», НАО Торайгыров Университет, email: www.madina.pvl@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.01>

Аннотация. В статье представлен анализ различных концепций национализма как социально-политического явления. Многообразие подходов к пониманию феномена национализма свидетельствует об отсутствии единой универсальной теории. Предпринята попытка рассмотреть достаточно сложную проблематику нации и национализма, основываясь на наиболее влиятельных концепциях. Основное внимание уделено ключевым теориям нации и национализма, сложившимся в XX веке.

По основным методам исследования и анализа проблематики национализма можно выделить следующие направления исследований. Прежде всего, примордиализм, который обосновывает уникальность феномена национализма. Коммуникативное направление рассматривает национализм как основной инструмент модернизации традиционного общества. Конструктивистские теории рассматривают нации и национализм как результат целенаправленной деятельности.

Нация, согласно конструктивизму, является искусственным социальным образованием. С точки зрения функционалистов, зарождение и развитие национализма связано с реализацией определенной социальной функции. Представители функционализма основную задачу национализма видят в обеспечении стабильности общественных процессов.

Формирование национализма связано с модернизацией общества, появлением обязательного образования и общих культурных ценностей. Проведенный анализ позволил авторам сделать вывод о том, что данные подходы могут являться основой для исследований феномена национализма и выработки практических методов для решения задач в области национальной политики в полиэтничном государстве.

Ключевые слова: *нации, национализм, национальное самосознание, национальная политика, политическая теория, политическая идеология, примордиализм, конструктивизм, функционализм, марксизм.*

ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ ПРОЦЕСТЕРДЕГІ ҰЛТШЫЛДЫҚТЫҢ РӨЛІ ТУРАЛЫ ТЕОРИЯЛЫҚ КӨЗҚАРАСТАРДЫ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Гани Елмұратов¹, Гүлсара Қаппасова^{2*}, Мейрамгүл Алтыбасарова³, Мадина Рақымбаева⁴

¹КЕАҚ Торайғыров Университеті, «Әлеуметтік ғылымдар, журналистика және ақпарат» кафедрасының профессоры, Павлодар, Қазақстан, саяси ғылымдарының кандидаты, email: ganielmuratov71@gmail.com

²КЕАҚ Торайғыров Университеті, «Әлеуметтік ғылымдар, журналистика және ақпарат» кафедрасының қауымдастырылған профессоры (доцент), Павлодар, Қазақстан, PhD, email*: gulsara_k@bk.ru

³КЕАҚ Торайғыров Университеті, «Әлеуметтік ғылымдар, журналистика және ақпарат» кафедрасының профессоры, Павлодар, Қазақстан, саяси ғылымдарының кандидаты, email: mika_al68@mail.ru

⁴КЕАҚ Торайғыров Университеті, «Әлеуметтік ғылымдар, журналистика және ақпарат» кафедрасының аға оқытушысы, email: www.madina.pvl@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада ұлтшылдықтың әлеуметтік-саяси құбылыс ретіндегі әртүрлі концепцияларына талдау жасалған. Ұлтшылдық феноменін түсінудегі көзқарастардың әртүрлілігі біртұтас әмбебап теорияның жоқтығын көрсетеді. Ұлт пен ұлтшылдықтың біршама күрделі мәселелерін ең ықпалды тұжырымдамаларға сүйене отырып қарастыруға талпыныс жасалды. Негізгі назар XX ғасырда қалыптасқан ұлт пен ұлтшылдықтың түйінді теорияларына аударылады.

Ұлтшылдық мәселелерін зерттеу мен талдаудың негізгі әдістеріне қарай зерттеудің келесі бағыттарын бөліп көрсетуге болады. Ең алдымен ұлтшылдық құбылысының бірегейлігін негіздейтін примордиализм. Коммуникативті бағыт ұлтшылдықты дәстүрлі қоғамды жаңғыртудың негізгі құралы ретінде қарастырады. Конструктивистік теориялар ұлттар мен ұлтшылдықты мақсатты әрекеттің нәтижесі ретінде қарастырады. Ұлт, конструктивизм бойынша, жасанды әлеуметтік бірлік. Функционалистер көзқарасы бойынша ұлтшылдықтың пайда болуы мен дамуы белгілі бір әлеуметтік функцияны жүзеге асырумен байланысты. Функционализм өкілдері ұлтшылдықтың негізгі міндетін әлеуметтік процестердің тұрақтылығын қамтамасыз етуден көреді.

Ұлтшылдықтың қалыптасуы қоғамның жаңаруымен, жалпыға міндетті білім мен жалпы мәдени құндылықтардың пайда болуымен байланысты. Жүргізілген

талдау авторларға бұл тәсілдер ұлтшылдық феноменін зерттеуге және көпэтносты мемлекетте ұлттық саясат саласындағы мәселелерді шешудің практикалық әдістерін әзірлеуге негіз бола алады деген қорытынды жасауға мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: ұлттар, ұлтшылдық, ұлттық бірегейлік, ұлттық саясат, саяси теория, саяси идеология, примордиализм, конструктивизм, функционализм, марксизм.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THEORETICAL VIEWS ON THE ROLE OF NATIONALISM IN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Gani Yelmuratov¹, Gulsara Kappassova^{2*}, Meiramgul Altybassarova³, Madina Rakhimbaeva⁴

¹Professor of the Department of Social Sciences, Journalism and Information, Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan, Candidate of Political Sciences, email: ganielmuratov71@gmail.com

²Associate Professor (associate Professor) of the Department of Social Sciences, Journalism and Information, Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan, PhD, email*: gulsara_k@bk.ru

³Professor of the Department of Social Sciences, Journalism and Information, Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan, Candidate of Political Sciences, email: mika_al68@mail.ru

⁴Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Journalism and Information, NAO Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan, email: www.madina.pvl@mail.ru

Annotation. The article presents an analysis of various concepts of nationalism as a socio-political phenomenon. The variety of approaches to understanding the phenomenon of nationalism indicates the absence of a single universal theory. An attempt has been made to consider the rather complex problems of the nation and nationalism, based on the most influential concepts. The main attention is paid to the key theories of the nation and nationalism that developed in the 20th century.

According to the main methods of research and analysis of the problems of nationalism, the following areas of research can be distinguished. First of all, primordialism, which substantiates the uniqueness of the phenomenon of nationalism. The communicative direction considers nationalism as the main tool for the modernization of traditional society. Constructivist theories view nations and nationalism as the result of purposeful activity. The nation, according to constructivism, is an artificial social entity. From the point of view of functionalists, the origin and development of nationalism is associated with the implementation of a certain social function. Representatives of functionalism see the main task of nationalism in ensuring the stability of social processes.

The formation of nationalism is associated with the modernization of society, the emergence of compulsory education and common cultural values. The analysis carried out allowed the authors to conclude that these approaches can be the basis for researching the phenomenon of nationalism and developing practical methods for solving problems in the field of national policy in a multi-ethnic state.

Keywords: nations, nationalism, national identity, national policy, political theory, political ideology, primordialism, constructivism, functionalism, marxism.

Введение

В настоящее время национализм является одной из ведущих мировых политических идеологий. В новое время национальное движение получило боль-

шое распространение в Англии XVII в, поддержанное широкими слоями буржуазии. Национализм стимулировал развитие английского промышленного капитализма, также был катализатором политических реформ. Феномен национализма впервые широко проявил себя во время революций в Америке и в Европе в последней четверти XVIII века. В последующем, дав толчок к формированию и укреплению национальных государств, вызвал распад колониальных империй в XX веке. Укрепление национальных государств сопровождалось эффективной экономической трансформацией. Впервые термин национализм ввел в научный обиход немецкий философ Гердер в XIX веке [1].

Одной из характерных черт современных глобальных политических процессов является подъем национального самосознания, национальной идентичности. Наряду с расширяющимися глобализационными и интеграционными процессами, в различных регионах мира обостряются проблемы национального сепаратизма. Для поддержания социальной стабильности в государстве, обеспечения региональной и международной безопасности большое значение имеет реализация эффективной национальной политики.

Решение проблем наций и этносов имеет первостепенное значение для государственных структур, стремящихся к построению политически стабильного государства. В этой связи изучение роли национализма в современных общественных процессах, его влияния на политическую сферу остается весьма актуальным. В мировой политической науке существует достаточно большое количество теорий и концепций, анализирующих достаточно сложную проблематику национализма. Рассматриваются различные формы и особенности национализма как политических движений и идеологий, факторы и условия, способствующие формированию наций, национальной идеологии и национально-самосознания.

Постановка проблемы исследования. Несмотря на довольно долгий в историческом смысле отрезок времени, примерно два века, в течение которого осуществлялось концептуальное осмысление проблем нации и национализма, до сих пор не сформирована общая для всех направлений наук теория о сущности данного феномена. Исследователи выделяют общие положения, характерные для всех теорий наций и национализма.

Прежде всего, нация – это особая общность, обладающая уникальными качествами; соответственно, интересы и ценности нации в рамках националистического мышления преобладают над интересами и ценностями других групп; каждая нация стремится к обретению наибольшей независимости, которая выражается в политической и культурной автономии или суверенитете [2].

Сложность однозначной трактовки понятия национализм подчеркивал английский исследователь, политолог Х. Сетон-Уотсон. В своей работе «Нации и государства: исследование происхождения наций» (1977 г.), он указывал, что небольшие национальные сообщества также стремятся к самостоятельности, национальному самоопределению, удовлетворению национальных интересов, как и крупные: «...националистические идентичности и проекты продолжают опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные отношения и на заявленную связь с наследственными территориями. В этом заключался важный источник культурного содержания, эмоциональной привязанности и организационной силы таких идентичностей и проектов» [3].

Современными политологами национализм определяется как политическая

практика и идеология, стремящаяся к определенному приоритету какой-либо нации, созданию условий для формирования национальной идентичности, когда индивид осознает свою неразрывную связь с данной этнической группой.

Целью данной работе является попытка проанализировать наиболее влиятельные концепции, посвященные национализму, определить оказывающие на него влияние факторы, выявить его роль и значение в политических процессах.

Объектом исследования являются феномены «нация» и «национализм» в контексте политической теории.

Предметом исследования выступает научно-теоретический дискурс проблем «нации» и «национализма», представленный теориями мировой научной мысли с середины XIX и до начала XXI в.

В истории исследования проблем нации, национального движения представителями мировой научной мысли нужно выделить следующие периоды. Прежде всего, XIX в и начало XX в. во всеобщей истории — это период европейских революций, укрепление ведущих этносов в Европе, образовавших крупные государства, широкий подъем национально-освободительных движений. Национальные доктрины, принципы национального строительства нашли отражение в трудах немецких и французских мыслителей XIX века: И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Дж. Ст. Милля, Ж.-Ж. Руссо, Э. Ренана, М. Вебера и др.

20-60-е гг. XX в. являются периодом возникновения новых национальных государств, причем не только в Европе, но и в бывших колониях и протекторатах. Первоначально исследователи национализма в основном интересовались историей и историографией проблематики. Позже ученые начали заниматься построением теоретических конструктов.

В 60-70-х гг. в исследованиях на первый план выходит политический контекст национальных движений.

Период конца XX в. в исследовании проблематики национализма характеризуется вкладом в соответствующие теоретические изыскания представителей различных наук: социологии, политологии, антропологии. Теоретические концепции предшествующих периодов были развиты и подвергнуты критике в работах Дж. Бройи, Р. Брубэйкера, И. Валлерстайна, К. Вердери, С. Хантингтона и др.

Методология и методы исследования. Методология исследования национализма основывается на принципе единства исторического и логического, это диктуется необходимостью выявить причинно-следственные связи, используя общетеоретические методы: методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Сочетание исторического и компаративистского методов позволяет выявить как универсальную природу национализма, так и разнообразие проявлений национализма, его типов и форм. Методология отдельных теорий наций и национализма включает в себя также системный и структурно-функциональный анализ, институциональный, социологический, диалектический и другие методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ научных трудов по проблематике национализма позволил провести определенную систематизацию теорий и концепций, посвященных природе данного феномена.

Современные взгляды на природу национализма, в основном, сложились в

середине XX века. Данные концепции посвящены анализу условий возникновения, эволюции и целей национализма. Проблематикой национализма в начале прошлого века заинтересовались американские ученые К. Хейес и Х. Кон. Свои труды они посвятили вопросам происхождения национализма, историческим условиям и факторам, способствующим его зарождению, оформлению данного феномена в политическое движение и идеологию.

Работы Х. Кона посвящены происхождению национализма. В понимании исследователя, важнейшим фактором возникновения нации является национальная идея, и, соответственно, национализм. Становление национализма, как утверждал в своей работе Х. Кон «Идея национализма», происходило по двум основным направлениям. Так, в Англии, Франции, Нидерландах, Швейцарии и США национализм был в основном политическим (иначе говоря, гражданским), а в Центральной и Восточной Европе, а также в Азии, – этническим.

По мнению Х. Кона, «западный» тип национализма характеризовался как рациональный, гражданский, а «восточный» – как органический, иррациональный. Ученый определял национализм как новое историческое явление, так как в предшествующие эпохи народы существовали в рамках крупных империй. Х. Кон указывал, что «в конце XVIII века национализм проявился почти одновременно в нескольких европейских странах – пришло его время в эволюции человечества» [4].

К. Хейес, анализируя понятия нации и национальности, приходит к выводу, что для представителей нации не важна этническая однородность, а национальность определяется на основе общности языка и культуры. Согласно К. Хейесу можно выделить следующие этапы формирования национализма: формирование идеи в виде доктрины; поддержка доктрины гражданами; закрепление идей национализма в обществе. К. Хейес рассматривал национализм как политическое движение [5].

Автором так называемого коммуникативного подхода в понимании национализма является немецкий исследователь К. Дойч. Согласно данной теории, национализм рассматривается в качестве ведущего фактора, обеспечивающего переход общества от традиционной формы к современной. Производство и трансляция информации с помощью общей знаковой системы является основой для формирования современных наций [6].

Проблемы государственного суверенитета, войны и межнациональные конфликты, различные аспекты и особенности складывания тоталитарного общества, права и свободы национальных меньшинств, феномен национального государства в контексте международных отношений – таковы направления, рассматриваемые в трудах Ч. Тилли, М. Манна, Х. Арндт и др.

В своем труде «Истоки тоталитаризма», Х. Арндт рассмотрела реализацию идеи нации, право нации на самоопределение. По мнению ученого, в рамках каждого политического образования, общности разделялись на тех, кто принадлежал к «нации», и тех, кто к ней не принадлежал: первые известны как народы, имеющие государство, вторые включали меньшинства, признаваемые таковыми согласно договорам, и народы, не имеющие признаваемой государственности [7].

В 80-е гг. на дальнейшую разработку понятий нации и национализма оказывают влияние идеи так называемых модернистов: Э Геллнера «Нации и национализм», Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», Э. Хобсбаума, Т. Рэйн-

джера «Изобретение традиций». Взгляды этих ученых произвели переворот в изучении феномена нации и национализма.

Нация и национализм теперь рассматриваются в неразрывной взаимосвязи, как сложные социальные и исторические явления. Модернистские теории национальной истории признают неизбежным фактором процесса формирования нации, соответственно целью национализма является нация.

К концу XX века в общем сложились следующие направления в исследовании национализма: примордиализм, функционализм, конструктивизм, инструментализм. Определенный вклад в изучение проблематики нации и национализма внесли также сторонники марксизма.

Согласно примордиализму, своего рода прообразы наций и национальных движений имели место во все периоды истории цивилизации. Автором термина «примордиализм» явился американский ученый Э. Шилз, в конце 50-х гг. Взгляды примордиалистов были широко распространены и влиятельны до 80-х гг. Э. Шилз акцентировал исследовательский интерес на так называемом родственном качестве во внутрисемейных отношениях [8].

Ученые, исследовавшие этничность, также уделяли внимание «кровным узам». Так, историк Г. Айзекс утверждал о сосуществовании базовой групповой идентичности, которая для каждого индивида является следствием рождения в определенной общности в определенное историческое время. По мнению исследователя, эта идентичность у любого человека основана на следующих элементах: физическое тело, имя (как индивидуальное, так и название общности), язык, на котором он говорит, религия, происхождение и история общности, в которой он родился, национальная или этническая принадлежность, место рождения, культура [9].

Примордиализм принадлежность индивида к нации связывал с национальной принадлежностью предков. Основные потребности человека, по мнению примордиалистов, определяются этнической идентичностью. Существует множество различных идей в русле данного подхода. Например, представители социобиологического направления считают, что этнос изначально объективно существует и представляет естественную целостность человека как вида. Одним из представителей примордиализма является Л. Гумилев. В своих теоретических построениях он основывается на социобиологическом детерминизме. По мнению ученого, этнос «тот или иной коллектив людей, противопоставляющий себя прочим аналогичным коллективам, имеющий свою внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, и органические характеристики», является особенной биофизической реальностью, которая заключена в социальную оболочку [10].

Участие представителей этноса в политической жизни определяется биологической природой индивида. Представитель эволюционно-исторического направления в примордиализме Э. Смит полагал, что национализм связан с эволюцией современных обществ. Национализм, по Э. Смицу, это определенная идеология, направленная на сохранение автономии и этнической идентичности. По определению Смита, нация – это народ, разделяющий территорию, общие мифы, историческую память, массовую общественную культуру, общую экономику, а также общую систему прав и обязанностей, в то время как этния – это союз, общность населения с преемственностью мифов и исторической памятью, чувством солидарности и единства исторической территории,

по крайней мере, среди своей элиты [11].

В 60-х гг. XX в. появился так называемый конструктивизм. Данная система взглядов на национализм не случайно получил распространение в полиэтничных государствах. Согласно конструктивизму, национализм результат определенной целенаправленной деятельности человека по его искусственному созданию. Здесь необходимо обратиться к труду Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», где автор рассматривает нацию именно как воображаемое явление [12].

Своего рода образ нации, сообщества формируется и транслируется в сознание индивидов через средства массовой информации. Этот процесс формирования нации, национального образа происходит в определенном ограниченном политическом пространстве.

В данном случае можно провести параллель со взглядами К. Дойча на роль социальной коммуникации. Основная идея функционализма в том, что общественные явления оказывают прямое влияние на социально-политическую стабильность в каком-либо сообществе или социуме. Представители функционализма появление национализма связывают с трансформацией социальной структуры социума в контексте перехода от аграрного типа к индустриальному. Индустриальное общество – это более высокая ступень развития, следовательно, происходят качественные изменения в экономической и социальной сфере. Более эффективной становится вертикальная социальная мобильность, так как в политическом поле появляются соответствующие демократические институты. Благодаря возможности широко и доступно артикулировать интересы различных групп и слоев развивается электоральное пространство и выборные процедуры

На актуальность изучения феномена нации и национализма указывала американский политолог и антрополог К. Вердери. Задача исследования данной проблематики, по ее мнению, актуальна как в политическом смысле, так и в нравственном и мировоззренческом. Нация является аспектом политического и символично-идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувствования [13].

Идеологию национализма и национальных движений изучал также английский ученый Э. Кедури. В труде «Национализм» исследователь предложил следующие выводы: формирование наций – это естественный процесс; нации обладают определенным набором характеристик; стремление нации к самоопределению и влиянию на государственную политику является вполне легитимным. По мнению Э. Кедури, на определенном этапе своего развития национализм может выступать катализатором политического радикализма. И хотя к национальному суверенитету стремятся все нации, не всем удастся добиться его сохранения. Устойчивым суверенитетом обладают только крупные, многочисленные нации [14].

Геллнер Э. рассматривал национализм как политический принцип, с неизбежной однородностью нации и государства, то есть этнической (национальная общность) и политической (государство) единиц. По мнению исследователя, для индустриального общества необходима строго однородная культура, в отличие от аграрного типа общества. Приведением языка и культуры к единому стандарту должно заниматься государство на основе стандартизированной системы образования. Выполняя данную функцию, политические структуры

обеспечивают основу для образования единой нации, формирования национальной идентичности [15].

Нация предстает как олицетворение «высокой культуры» в социальном и политическом сегментах общественной жизни. Э. Хобсбаум рассматривал политику в качестве основного фактора складывания этнической общности. По его мнению, нация это воплощение «изобретенных традиций», являющихся «совокупностью общественных практик ритуального или символического характера, регулируемых при помощи признаваемых явно или по умолчанию правил, направленных на внедрение определенных ценностей и норм поведения путем повторений, которые автоматически подразумевают преемственность с прошлым» [16].

На основе определенных правящими элитами традиций происходит социализация через распространение ценностей, примеров поведения, идей, более жизнеспособными становятся институты, властные отношения и статусы. В целом происходит интеграция прежде разнородного общества. Исследователь указывал на наличие двух видов национализма. Это прежде всего характерный для крупных сообществ массовый гражданский политический, и присущий национальным меньшинствам этнолингвистический национализм.

Представитель неомарксизма Т. Нэйрн исследовал неравномерность развития экономической сферы в индустриальном обществе. В данном обществе происходит форсированное построение капиталистической модели экономики. Необходимым средством мобилизации для отстающих обществ в этих условиях выступает национализм. Недостаток политических и экономических ресурсов в указанных обществах мешает эффективному противодействию более развитым в экономическом и политическом отношении сообществам. Правящие группы в качестве способов создания единой общности используют доступные и понятные рядовому индивиду чувства и идеи. В подобных обществах ведущая роль в формировании общей идентичности принадлежит интеллигенции, которая на основе обычаев, мифов, фольклора способствует образованию единой национальной культуры [17].

Своеобразным симбиозом конструктивизма и релятивизма представляется инструменталистский подход к исследованию национализма. Согласно инструментализму, культурные символы являются инструментом политической элиты. Дж. Бройи в своих исследованиях основывается на политической функциональности и рациональности национализма, квалифицирующие его как «политические движения оппозиции, которые нацелены на приобретение и использование власти государства и оправдать свои цели в терминах доктрины национализма» [18].

По мнению Бройи, национализм – это особый род политики, обладающий особым политическим контекстом. Национализм служит средством борьбы за общественные ресурсы и политическую власть.

Заключение (выводы)

Таким образом, анализ различных концепций и взглядов на проблематику наций и национализма позволяет сделать следующие выводы:

1. Теории нации и национализма рассматривают данные социальные явления преимущественно в политическом контексте.
2. Феномен нации имеет социальную природу, однако основные факторы,

влияющие на формирование данного сообщества, относятся к миру политического: стремление к национальному самоопределению и государственному суверенитету.

3. Национализм признается влиятельным политическим движением. Как сказано выше, с начала научного осмысления проблемы национализма исследователи высказывались о ведущей роли национализма как политической идеологии в революционных преобразованиях в Европе XVII-XIX вв.

4. Появление и развитие национализма как политического движения находится в тесной взаимосвязи с политическими процессами. Данный феномен может выступать как организующая и ведущая идеология во время революций и так же в период политической модернизации общества.

5. С данной точки зрения революцию можно рассматривать как результат столкновения интересов различных национальных сообществ и стремления нации к государственному суверенитету.

6. Национальное движение может выступать также катализатором политической модернизации, мобилизуя нацию на строительство обновленного общества с эффективными политическими структурами.

Список литературы

1. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977.
2. Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
3. Крэйг Калхун. Национализм / пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 73.
4. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 27–61.
5. Хейес, Карлтон Д.Х. Национализм. – М.: Прогресс, 2010. – 125 с.
6. Дойч К. Рост наций. Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Празаускас. М.: УРАО, 2000.
7. Арендт Х. Истоки тоталитаризма [1951]. М.: Центрком, 1996. С. 317.
8. Парсонс Т., Шилз Э. (ред.). К общей теории действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. Академический проект. М., 2000.
9. Isaacs H. The Idols of the Tribe. N. Y., 1975.
10. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
11. Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 235–264.
12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества – М.: Канон-Пресс–Ц, 2001. - 288с.
13. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. – М., 2002.
14. Кедури Э. Национализм / Э. Кедури; пер. с англ. А. А. Новохатько. – 4-е изд., расш. – СПб.: Алетейя, 2010. – 136 с.
15. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

16. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. : пер. с англ. / Э. Хобсбаум. – СПб. : Алетейя, 1998. – 306 с.
17. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 347–364.
18. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.

References

1. Gerder, I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva / I. G. Gerder. – М.: Nauka, 1977.
2. Malahov, V. S. Nacionalizm kak politicheskaja ideologija / V. S. Malahov. – М. : KDU, 2005. – 320 s.
3. Krjejjg Kalhun. Nacionalizm / per. A. Smirnova. М.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. S. 73.
4. Kon H. Ideja nacionalizma // Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i nacionalizma. М. : Novoe izdatel'stvo, 2010. S. 27–61.
5. Hejes, Karlton D.H. Nacionalizm. – М.: Progress, 2010. – 125 s.
6. Dojch K. Rost nacij. Jetnos i politika: Hrestomatija/Avt.-sost. A.A. Prazauskas. М.: URAO, 2000.
7. Arendt H. Istoki totalitarizma [1951]. М.: Centrkom, 1996. S. 317.
8. Parsons T., Shilz Je. (red.). K obshhej teorii dejstvija // Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija. Akademicheskij proekt. М., 2000.
9. Isaacs H. The Idols of the Tribe. N. Y., 1975.
10. Gumilev L.N. Jetnosfera: istorija ljudej i istorija prirody. М., 1993.
11. Smit Je.D. Nacionalizm i istoriki // Nacii i nacionalizm. М.: Praksis, 2002. S. 235–264.
12. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva – М.: Kanon-Press–С, 2001. - 288s.
13. Verderi K. Kuda idut «nacii» i «nacionalizm»? // Nacii i nacionalizm. – М., 2002.
14. Keduri Je. Nacionalizm / Je. Keduri; per. s angl. A. A. Novohat'ko. – 4-e izd., rassh. – SPb.: Aletejjja, 2010. – 136 s.
15. Gellner Je. Nacii i nacionalizm / Je. Gellner. – М. : Progress, 1991. – 320 s.
16. Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. : per. s angl. / Je. Hobsbaum. – SPb. : Aletejjja, 1998. – 306 s.
17. Nejrн T. Internacjonalizm i vtoroje prishestvie // Nacii i nacionalizm. М.: Praksis, 2002. S. 347–364.
18. Broii Dzh. Podhody k issledovaniju nacionalizma // Nacii i nacionalizm / per. s angl. i nem. L.E. Perejaslavcevoj, M.S. Panina, M.B. Gnedovskogo. М.: Praksis, 2002. S. 201–236

МРНТИ
11.07.21

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КАНАДЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Риззат Тасым^{1*},
Марина Онучко²,
Нурбек Пусырманов³

¹Докторант факультета журналистики и политологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, e-mail*: rizz_e@mail.ru

²Кандидат политических наук, профессор кафедры политологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, e-mail: onuchko@mail.ru

³Доктор PhD, директор Института истории государства Министерства науки и высшего образования РК, г. Астана, e-mail: nurbekp89@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.02>

Аннотация. Данная статья содержит основные выводы, полученные авторами сравнительного исследования Канадского опыта региональной политики. Проведен PESTEL-анализ для выявления общего и особенного в региональной политике Канады по отношению к северным территориям. Итоговые выводы, рассмотренные в статье, представляет интерес для понимания назревших и будущих проблемных вопросов Казахстана в региональном управлении.

Ключевые слова: регионализм, территории Канады, Северный Казахстан, региональное развитие, модель управления, государственное управление, прагматизм, национальная безопасность, PESTEL-анализ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН КАНАДАНЫҢ
СОЛТҮСТІК АЙМАҚТАРЫНА ҚАТЫСТЫ Өңірлік саясаты:
Ортақтығы мен ерекшелігі

Риззат Тасым^{1*}, Марина Онучко², Нұрбек Пұсырманов³

¹Журналистика және саясаттану факультетінің докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., e-mail*: rizz_e@mail.ru

²Саяси ғылым кандидаты, саясаттану кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., e-mail: onuchko@mail.ru

³Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Мемлекет тарихы институтының директоры, PhD, Астана қ., e-mail: nurbekp89@gmail.com

Аңдатпа. Бұл мақала Канаданың аймақтық саясатының тәжірибесін салыстырмалы зерттеу бойынша авторлардың негізгі тұжырымдарын қамтиды. Канаданың солтүстік аумақтарға қатысты аймақтық саясатындағы жалпы және ерекше жағдайды анықтау үшін PESTEL талдауы жасалды. Мақалада қарастырылған қорытынды тұжырымдар Қазақстанның өңірлік басқарудағы қалыптасқан және болашақтағы проблемалық мәселелерін түсінуге қызығушылық тудырады.

Түйін сөздер: аймақшылдық, Канада аумақтары, Солтүстік Қазақстан, аймақтық даму, басқару моделі, мемлекеттік бақару, прагматизм, ұлттық қауіпсіздік, PESTEL-талдау.

REGIONAL POLICY IN RELATION TO THE NORTHERN REGIONS OF KAZAKHSTAN AND CANADA: GENERAL AND SPECIAL

Rizzat Tasym^{1*}, Marina Onuchko², Nurbek Pussyrmanov³

¹ PhD student at the Faculty of Journalism and Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, e-mail*: rizz_e@mail.ru

² Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, e-mail: onuchko@mail.ru

³ PhD, Director of the Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, e-mail: nurbekp89@gmail.com

Annotation. This article contains the main conclusions obtained by the authors of a comparative study of the Canadian experience of regional policy. A PESTEL analysis was carried out to identify common and special features in Canada's regional policy in relation to the northern territories. The final conclusions discussed in the article are of interest for understanding the urgent and future problematic issues of Kazakhstan in regional governance.

Keywords: regionalism, territories of Canada, Northern Kazakhstan, regional development, management model, state administration, pragmatism, national security, PESTEL analysis.

Введение

Говорить об актуальности данной темы можно без сомнения, поскольку проблема неравенства в социально-экономическом развитии стран, регионов, отдельных районов внутри государств и значительные различия в уровне и качестве жизни населения, проживающих на данных территориях является одним из важнейших глобальных вызовов современности.

В текущий период развития Казахстана усиливается потребность в повышении качества государственного управления на всех его звеньях и уровнях, включая оказание различных услуг населению. В свою очередь, этому призвано способствовать увеличение уровня участия заинтересованных граждан и институтов гражданского общества в обсуждении социально значимых вопросов и путей их решения. Особенно такая взаимосвязь власти и общества проявляется на уровне отдельных административно-территориальных единиц в рамках действующей системы местного самоуправления.

Необходимо отметить особое положение, в котором находятся северные регионы страны. Так как специфика их развития, обусловленная близостью регионов к границе, определяется как периферийная территория по отношению к центру.

Исходя из мировой практики, можно констатировать, не способность самостоятельно выйти из кризиса отсталых и малоосвоенных территорий. В таких случаях, основным условием выступает государственная поддержка целевого назначения. При этом, повышенная неоднородность страны в региональном плане, усложняет ее развитие, выдвигая большие требования к региональной политике. Региональный аспект играет ключевую роль в проблеме политико-экономической безопасности Казахстана. Оно основывается на идее национального единства и недопущения в регионах сепаратизма, а также неконтролируемых процессов в масштабе страны [1].

На сегодняшний день: «Северный Казахстан экономико-географический регион, в его состав входили: Северо-Казахстанская область, Костанайская область, Павлодарская область, Акмолинская область и столица страны г. Астана. Ранее здесь находилась также и Кокчетавская область (до упразднения). Ныне после последних административно-территориальных реформ было решено включать в Северный Казахстан три области Акмолинскую, Северо-Казахстанскую и Костанайскую область. Все регионы, кроме Акмолинской области и г. Астана, граничат с Российской Федерацией» [2].

По состоянию на 1 февраля 2023 года население Северного Казахстана составляет 2 153 918 человек. Северный Казахстан, в языковом плане, считается самым русским регионом страны. Этнический состав носит смешанный характер. Кроме гг. Астана и Кокшетау, в остальных двух областных центрах преобладает русское население [3].

Значительный промышленный потенциал Северного экономического района связан с выгодным экономико-географическим положением и наличием ресурсов: здесь сосредоточено более 90% разведанных запасов боксита и железной руды Казахстана, добывается 35% угля, около 30% циркония, а также 25% урана и 15% золота. Для данного района характерны пищевая промышленность, химические производства, цветная металлургия, горнодобывающие отрасли, крупные хозяйства выращивают зерновые культуры, имеются предприятия машиностроения.

Север, в сельскохозяйственном отношении, главная житница страны. Здесь с момента освоения целины, сосредоточены основные посевные площади яровой пшеницы. При этом, из-за часто повторяющихся засух невысокие урожаи, несмотря на огромные размеры полей. В восточных районах повсеместно выращивают просо, также в посевных площадях заметная доля подсолнечника. Наряду с этим, Север является важным животноводческим районом с преобладанием овцеводства, коневодства, свиноводства и мясо-молочного скотоводства. Пригородный тип сельского хозяйства ярко выражен вблизи областных городов [4].

Таким образом, Северный экономический район можно подразделить на три самостоятельных промышленных подрайона, отличающихся по промышленной специализации.

Перспективы дальнейшего развития определяются возможностью позиционирования региона не только как экспортера сырьевых ресурсов, но и как поставщика средне- и высокотехнологичных товаров и сервисных услуг.

К сожалению, нет единого мнения в вопросах выработки стратегии и концепции развития северного региона. Учитывая слабую заселенность территории страны, сырьевые богатства и стратегическое положение страны, различные угрозы имеют высокий уровень для государства.

Необходимость оценки состояния, перспектив развития региона и разработка адекватных мер по прогнозированию, выявлению и устранению недочетов, особенно в условиях больших территории, предопределены стремительными глобализационными процессами и их силой влияния на страну.

Может показаться, что Канада и Казахстан никак не связаны между собой, ведь они разделены океаном и находятся на противоположных сторонах света. Однако наши страны во многом схожи, и мы можем активно обмениваться опытом.

Имея огромную территорию, и Казахстан, и Канада входят в список самых малозаселенных государств мира. Это ставит перед нами общие задачи, связанные с объединением страны, построением национальной инфраструктуры, расширением сферы услуг и развитием экономики в отдаленных населенных пунктах.

Опыт Канады в освоении северных территории в таких областях, как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и образование, отлично подходит под условия Северного Казахстана и создает много возможностей для их реализации.

Таким образом, анализ Канадского опыта развития Северных территории является необходимым для дальнейшего исследования теоретических основ формирования региональной политики и методологических проблем развития Северного Казахстана.

Методология исследования

Для данного исследования был использован всеобщий диалектический подход (системно-структурный, системно-функциональный), аналитический, сравнительный, историко-логические методы, а также PESTEL-анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Федерализм и унитаризм в контексте региональной политики

Административно-территориальное устройство тесно связано с государственным устройством. Деятельность органов публичной власти для выполнения своих установленных функций осуществляется в соответствии с выстроенной структурой на разделенных составных частях территории страны [5]. При этом, территориальная организация не сводится исключительно к административно-территориальному или государственному устройству. Территориальная организация – междисциплинарное понятие. Так как, она имеет более широкий характер, затрагивая также параметры территориальных единиц, лежащие в основе экономического районирования государства.

Особо отметим, что не обязательно должны совпадать региональное деление страны и таксономические характеристики государственного устройства.

К примеру, Ю.В. Ким отмечает: «Под регионами могут подразумеваться как субъекты федерации, так и иные территориальные образования, обособляемые и группируемые по экономическим, управленческим, программно-целевым, ситуативным и иным критериям (крупные естественные экономические районы, территориально и экономически связанные территории разных стран, территориально и экономически связанные страны и пр.)» [6].

Экономическое районирование и административно-территориальное деление образуют территориально-организационную систему государства, ее формирование определяется требованиями государственной региональной политики [7].

Практически преобразовательной деятельностью государства призвана быть региональная политика, которая синтезирует разноплановые приемы и экономические, административно-управленческие, конституционно-правовые, информационные и др. средства регулирования развития регионов и страны.

Региональная политика – это часть экономической политики государства. Комплексное применение обширного инструментария региональной политики, обусловленный экономическим содержанием решаемых задач, должно иметь «адресно-локализованный» характер. В функциональном плане региональная политика более динамична, так как она может иметь различное содержание, одно в унитарном, иное федеративном государстве. При этом, особо отметим, что от формы государственного устройства не зависит ее результативность.

Так как можно привести множество примеров федераций, где региональная политика находится в зачаточном состоянии (Россия, Нигерия, Венесуэла) и унитарных государств с эффективной региональной политикой (Финляндия, Франция, Италия) [8].

Тенденции в Казахстане в рамках реформирования системы местного самоуправления свидетельствуют о готовности руководства страны расширить базу участия заинтересованных граждан и их объединений в процессе управления делами общества и государства, а также увеличить степень ответственности, прежде всего, акимов всех уровней перед населением вверенных им административно-территориальных единиц. Поэтому в данном процессе важно учитывать их потребности и интересы, а также

развивать формы и механизмы этого участия.

Трансформация региональной политики: отход от ресурсной экономики

Канада имеет достаточно удачное расположение, с точки зрения экономико-географического положения страны, с относительно хорошим наличием транспортных сетей, торговых партнеров и ресурсов, которое в свою очередь расширяет возможности развития собственного экономического сектора. При этом сильно влияет на качество жизни населения, существующая разница в развитии ее регионов.

По административно-территориальному делению, официально, страна состоит из десяти провинций и трех территорий. Нами проанализированы Северный, Восточный и Западный регионы страны, с целью осуществления более четкого определения особенностей дифференциации Канады.

Самый северный и обширный регион Канады - Северная Канада (или Север). Определение, с экономико-географической и политической точки зрения относится к трём территориям Канады: Северо-западным территориям, Нунавуту и Юкону. Как «Крайний север» обозначается часть канадского севера за полярным кругом (Канадская Арктика). Данные территории почти не заселены, хотя занимают порядка 40% площади всей Канады. Примечательный факт, что на расстоянии не более 150 км от границы с США проживает приблизительно 80 % населения Канады [9].

Экономической основой Северной Канады являются большие запасы газа, нефти, золота, свинца, а также традиционно занимающиеся охотой и рыболовством, проживающие в ней коренные народы. Несмотря на то, что Канада ориентируется на потребительский фактор размещения и экспорт, на севере находится исключительно малое количество производств.

В экономическом плане более развитым районом страны, чем северные территории является Восточная Канада. Данное обстоятельство привлекает людей на постоянное проживание именно в эту часть страны. В сравнении с остальными территориями и провинциями Онтарио имеет самую большую численность населения, по состоянию на 1 февраля 2023 года численность составило 15 386 407 млн. чел. [10].

Рассматривая общую характеристику регионов Канады, можно сделать вывод о том, что от экономико-географического положения каждого района, напрямую зависят причины и факторы их экономической дифференциации и уровня жизни населения. Этим обусловлены возможности развития территорий: становление определенных сфер промышленности, инфраструктуры, заселенности и сферы услуг.

Этим связано особая форма децентрализации региона, так в густонаселённых провинциях местные органы имеют большую степень независимости и более развитую структуру, а в таких малонаселенных провинциях, как Остров Принца Эдуарда, Ньюфаундленд и Лабрадор, местное самоуправление, нуждаясь в поддержке правительства, носит более императивный характер. Довольно объемная часть бюджета северных провинций зависит от федеральных субсидий. Несмотря на то, что такая децентрализация приводит к проблемам финансирования, это способствует некоторому сглаживанию неравенства между регионами Канады.

Между тем, в Канаде мы наблюдаем тенденцию к сильному проявлению

экономической дифференциации регионов, так Северная Канада имеет наиболее низкий уровень жизни в сравнении с западно-восточными частями страны, приводя к сильной неравномерности уровней социально-экономического развития Канады.

По состоянию на начало 2023 года население северных территорий Канады оценивается в 130 423 тыс. человек [11]. Плотность населения крайне низкая при значительной площади около 40% территории страны, к примеру, в Нунавуте данный показатель на уровне 0,02 человека на кв/км. Основные социально-экономические проблемы региона: высокая стоимость жизни, низкая доступность инфраструктуры, низкая доступность базовых услуг, таких как социальная защита, образование, медицина - отчасти обусловлены данным обстоятельством.

В связи с разрушением традиционного уклада жизни сообществ коренных народов севера, обостряются социально-экономические проблемы северных территорий. К примеру, коренное население составляет 25% населения Юкона, 50% населения Северо-западных территорий и 85% населения Нунавута. Данный регион является наименее благополучным в стране с точки зрения социально-экономических аспектов и очень уязвим к процессам изменения климата. Этим актуализируется проблематика устойчивого развития северных территорий Канады.

Так на Севере Канады, противоречие между деятельностью по добыче полезных ископаемых и устойчивым экономическим развитием до Второй мировой войны почти не ощущалось. В то время считалось, что развитие добычи полезных ископаемых, нефти и газа может привести к общей диверсификации региональной экономики, что приведет к стабильному росту. Однако в 1960-е годы начали возникать некоторые опасения по поводу развития, основанного на эксплуатации природных ресурсов. Так как исследования проблем моногородов начали выдвигать на первый план проблемы экономического развития в сообществах, зависящих от природных ресурсов [12].

Критика освоения добывающих ресурсов как источника устойчивого экономического роста усилилась в 1990-е годы, когда экономисты, работающие с международными макроэкономическими данными, начали замечать, что те страны, которые в значительной степени полагались на эксплуатацию добывающих ресурсов, как правило, имели более низкие темпы роста.

Данное обстоятельство является результатом ряда проблем. Некоторые указывают на завышенный курс национальной валюты из-за доминирования добывающего сектора (так называемая «голландская болезнь») или на волатильность цен на сырьевые товары как на важные причины ресурсного «проклятия» [13].

В большинстве объяснений ресурсного проклятия отмечаются негативные последствия доступа региона к сверхприбылям, которые часто связаны с освоением добывающих ресурсов, и вытекающее из этого так называемое «поиск ренты». Одно из объяснений состоит в том, что наличие сверхприбылей в ресурсодобывающем регионе означает, что образование становится менее важным, что приводит к снижению сравнительного уровня образования [14]. Другие подчеркивают, что та же самая сверхприбыль приво-

дит к высокой степени коррупции и насилия [15] и оказывает негативное влияние на любые стимулы к сбережениям [16].

Несмотря на то, что было проведено много исследований, подчеркивающих негативное воздействие разработки природных ресурсов в северной Канаде, доступ к сверхприбылям никогда не упоминался в этом контексте. Действительно, чаще упоминается отсутствие доступа к этим «фискальным связям» [17]. Кроме того, учебные заведения на канадских территориях обычно считаются высококачественными [18] и, как таковые, менее подвержены проблемам, связанным с ресурсным проклятием.

Усиление полномочий местных сообществ дали коренным общинам региона большую степень контроля и уверенность в том, что они могут извлечь выгоду из развития добывающей промышленности.

С передачей полномочий территориальные правительства Юкона и Северо-Западных территорий теперь имеют больший контроль над разработкой ресурсов в своих регионах, включая сбор фискальных пособий за счет налогообложения и роялти [19].

В настоящее время во всех регионах северной Канады действуют относительно строгие системы регулирования, гарантирующие, что проекты имеют адекватные стратегии смягчения для противодействия любым потенциальным негативным воздействиям [20].

По заявлению членов местного самоуправления, теперь у них имеется гораздо лучшее представление о потенциальных социальных последствиях и о том, как с ними бороться.

Для желающих участвовать в принятии общественно-политических решений жителей северного региона создают многогранные проблемы, связанные с разбросанностью северных сообществ, а также большими расстояниями между северными сообществами и традиционными местами производства научных знаний правительственными учреждениями и университетами, относительная слабость коммуникационной инфраструктуры и высокая стоимость проезда.

Таким образом, на первый план выходит географическая «связность» – развитость физической инфраструктуры для свободного продвижения товаров и людей. Инфраструктурная связность страны также оказывает влияние на политическую стабильность.

Связь (Интернет, радио, автомобильно-железная дорога) в такой большой стране, как Канада, играет важную роль в политико-социальном развитии, гражданской активности и в экономическом росте.

На северных 2/3 Канады, где интернет и радиотелевидение являются инструментами демократического самовыражения и гражданского участия особенно очевидна важность коммуникационной инфраструктуры. Население севера остро реагирует на политические и экономико-социальные вызовы с позиции географической и, что более важно, изоляции «знаний», по мере того, как растет потребность в добыче ресурсов.

Главная цель развития коммуникационной инфраструктуры — вовлечение граждан для принятия решений в области развития.

Технологический потенциал будет являться основополагающим и эффективным с которыми и через которые могут говорить северные граждане, только при определенных организационных и социальных условиях, таких

как надлежащий уровень финансирования, восприимчивые общественные институты, наличие соответствующих институтов на местном уровне для реагирования и мобилизации граждан.

Одним из ключевых приоритетов в рамках стратегических планов развития Канады является социально-экономическое развитие северных территорий (Северо-Западные территории, Нунавут и Юкон).

Не модифицируя версии ресурсной экономики, а реализовывать новое видение для развития северных территорий, базируются на опыте самой Канады и Северной Европы. Определяющей основой управления данных северных стран является правила, процедуры и нормы, связанные с природно-ресурсным потенциалом.

Учет интересов всех сторон, затрагиваемых использованием и освоением ресурсов является обязательным условием управления. Из-за того, что не учитываются обстоятельства и факторы устойчивого экономико-социального и экологического развития северного региона, не в полной мере отвечают условиям и особенностям активов Севера модели соучастия на основе патернализма и корпоративной социальной ответственности. На моделях и инструментах, учитывающих возможности развития и ресурсы местных сообществ, находя баланс между экологическими, экономическими и общественно-культурными проблемами базируется современный подход к решению проблем развития северных территорий.

По итогу, новые модели развития сырьевых регионов реализуются в зарубежных северных странах. Данная модель исследователями названа «экономика места» или локальная экономика. В них экономическое развитие опирается на инновации и прочную основу развития сообщества. Чтобы реагировать своевременными и активными способами при изменяющихся социально-экономических условиях используются различные возможности потенциала сообщества, такие как социальная сплоченность, социальный и человеческий капитал. Таким образом, способность жителей мобилизовывать и организовывать свои ресурсы и активы для достижения целей развития, которые они считают важными понимается нами как потенциал сообщества. Эти цели могут быть новаторскими, когда создаются и реализуются новые концепции или активными, когда люди сталкиваются с проблемой.

Обсуждение результатов

Перманентным фактором развития Канады является близость к США как источнику капитала и крупному рынку сбыта. К примеру, в пределах 1,5 часовой автомобильной доступности от территории США расположены 16 из 20 крупнейших канадских городов. В современных условиях, специфика влияния данного фактора важна не столько близостью к США, а конкурентными преимуществами Канады, делающие выгодным перенос производств на территорию Канады. Неоднократно, подчеркиваются в официальных материалах по инвестиционной привлекательности Канады, ее сравнительные преимущества по отношению другим развитым странам, и в частности к США. Аналогичные процессы, в какой-то степени, протекают по другую сторону США в Мексике. В целях снижения издержек на производство создана известная линия предприятий «макиладорас» вынесенных за границу США.

Если Мексика предоставляет американским компаниям относительно дешевый труд сборщиков конвейерной продукции или рабочих текстильных производств, то Канада труд высококвалифицированных специалистов (Программисты, биологи, медицинские работники). Еще раз ярко подчеркивается разница в качестве рабочей силы/человеческого капитала. Важно подчеркнуть, что аналогичные преимущества Канады, в условиях общей глобализации, стали работать и в отношении других развитых стран мира, не только в отношении США.

Таблица 1. PESTEL-анализ

	Казахстан	Канада
POLITICAL	<p>В очередном Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» из озвученных 10 новых инициатив 2 напрямую касается регионального развития. В частности, пункт 8 «Совершенствование административно-территориального устройства страны» и пункт 9 «Децентрализация местного самоуправления» [21].</p> <p>Огромная разница между плотностью населения областей и в их социально-экономическом развитии являются основными факторами поиска оптимальной модели административно-территориального устройства Республики Казахстан.</p> <p>Политические реформы К.К. Токаева ориентированные на децентрализацию власти и обновления системы территориального устройства должны поспособствовать повышению эффективности властных институтов на местах.</p> <p>Вторая большая часть изменений относится к вопросам управления. В данный момент, мы наблюдаем биполярное (дуальное) представление о регионе как объекте управления (централизация и децентрализация).</p> <p>Становиться очевидным, что Президентом К.К Токаевым делается упор именно на вторую составляющую.</p> <p>А также можно сделать вывод, о том, что уже реализуемая система выборности сельских и районных акимов может стать начальным этапом постепенного внедрения прямых выборов более поздних этапах и акимов областей.</p>	<p>Канада является северной страной по своему географическому расположению. 70% ее территории относятся к умеренному, субарктическому и арктическому климатическим поясам. За все время существования канадского государства, интерес со стороны канадского общества к северным регионам был периодическим и довольно редким. Север воспринимался южной Канадой как «отдельная часть страны», практически всю первую половину XX века, что фактически разделяло страну на две части (север и юг). Региональные предпочтения канадцев одна из главных причин такого «невнимания» к Северу. Север, безусловно, часть канадской идентичности, касательно самоидентификации канадцев как северной нации.</p> <p>При этом, все представления канадского общества, до недавнего времени, о Севере сводилась к «дикий природе» (wildlife) с холодными, снежными и длительными зимами, но не более того.</p>
ECONOMICAL	<p>Государственная программа развития регионов на 2020-2025 годы и национальный проект «Сильные регионы - драйвер развития страны» являются недостаточными [22].</p> <p>Потому что, на наш взгляд, региональная политика в Казахстане должна отталкиваться от следующих приоритетов: 1) Прочная научно-методическая основа регионального развития;</p>	<p>Ключевым приоритетом в рамках стратегических планов развития Канады является социально-экономическое развитие северных территорий – Северо-Западных территорий, Нунавута, и Юкона. Особо выделим следующие программные документы: Северная стратегия Канады и</p>

ECONOMICAL	<p>2) Определение новых подходов в управлении регионами; 3) Масштабное улучшение инфраструктуры регионов; 4) Повышение качества жизни в регионах страны.</p> <p>За тридцатилетний период в Казахстане применялись различные подходы в вопросах регионального управления и развития, к примеру, теория регионального ядрообразования, теория осей развития и теория кластеров. Однако из-за вышеуказанной слабой теоретической базы и хаотичного исполнения, перечисленные подходы оказались провальными. Данное обстоятельство вновь обуславливает необходимость научно-методического сопровождения регионального развития.</p>	<p>документ «Арктическая и северная политика» и федеральная стратегия устойчивого развития. В экономике северного региона страны значительную роль занимают не только сырьевые, но и креативная отрасль обрабатывающей промышленности называемыми «отраслями модернизации».</p> <p>Примечателен пример выросшего на производстве снегоходов канадского гиганта «Бомбардье».</p> <p>Основатель компании Жозеф-Арман Бомбардье, чтобы «облегчить перемещение по заснеженным сельским дорогам Квебека» сконструировал свой первый снегоход в 1922 году в возрасте 15 лет. На базе производства специальных самолетов так называемые «Самолеты тундры»/«Bush planes для полетов в малонаселенные северные районы, сложилось, по сути, Канадское самолетостроение.</p> <p>Успешным ответом на вызов редкой плотности населения в северных районах страны, очевидно, стало уровень развития дистанционного образования. Это и положительный результат существующей специальной программы развития образования для коренных народов. Важнейшим фактором стал высокий уровень образования, институциональная среда, а также «новый» фактор в виде креативности, интеллекта, компетенции, человеческого капитала. На «оплодотворении» старых, ресурсных отраслей творческой энергией и интеллектом строится современная региональная экономика Канады.</p>
SOCIAL	<p>Резким сокращением численности населения Северный регион Казахстана уже характеризуется давно.</p> <p>Традиционно больше всего затрагивают миграционные процессы сельскую местность. В основном является причиной переезда такие социальные проблемы, как отсутствие централизованного водоснабжения, плохие дороги, вопрос закрытия больниц. А для населения более молодого возраста к числу определяющих причин относятся экономические причины (в основном низкие зарплаты).</p>	<p>Большинство канадцев позитивно относятся к мигрантам: канадское общество – самое толерантное по отношению к мигрантам. Есть данные что 68% населения Канады согласны с утверждением, что «миграция – это скорее возможности, чем проблема». В официальных материалах по инвестиционной привлекательности страны, канадцы подчеркивают именно высокий уровень толерантности местного сообщества,</p>

SOCIAL	<p>«Серпін», «С дипломом в село», масштабной кампании по переселению граждан из трудноизбыточных южных регионов на север страны и расселению кандасов существенных изменений не произошло. Основную часть выбывших эмигрантов (99,9%) в СНГ из региона принимает Россия. Решаются на столь кардинальные перемены в основном граждане трудоспособного возраста с высшим или среднеспециальным образованием. Абитуриенты предпочитают поступать в российские вузы приграничных городов (стоимость обучения дешевле).</p>	<p>высокую степень личной безопасности. Российский демограф М. Клупт приводит объяснение данного феномена: в Канаде жесткая миграционная политика, и говоря, об иммигрантах, канадцы имеют ввиду «отобранных», прошедших ценз мигрантов. К примеру, главным канадским городом «визуальных меньшинств» стал не бедный рабочий пригород, как можно бы предположить. Маркэм известен как «Кремниевая долина Севера», здесь расположены штаб-квартиры таких фирм как AT & T Canada, Apple Canada, HP, Sun Microsystems of Canada Inc, GEAC, AMD, Toshiba of Canada Limited, Compaq Canada Inc, IBM Canada, Lucent Technologies итд.</p>
TECHNOLOGICAL	<p>Области Северного Казахстана не входят в группу областей с высокими научно-производственными потенциалами и достаточно благоприятными экономическими условиями для создания высокотехнологичных наукоемких производств и не обладают уникальными запасами минеральных ресурсов стратегического характера. Агропромышленные комплексы областей Северного Казахстана являются ведущими в формировании продовольственного потенциала республики. Ускоренная модернизация требует качественного по базовым для региона направлениям прорыва, основанного на инновациях, создании новых точек роста экономики, концентрации производственных и трудовых ресурсов.</p>	<p>Малые фирмы образуют инновационно-технологический кластер севера Канады (50% из них занято менее 7 человек). Современные инновационные достижения Канады, плод деятельности малого предпринимательства, малых фирм, созданного при содействии или на базе университетов. Так как, именно малые фирмы часто являются полигоном инноваций. Иная характерная особенность-роль человеческого капитала. Научную степень (PhD имеет почти треть (29,7%) занятых на фирмах кластера.</p>
ECOLOGICAL	<p>По итогам 2022 года общий уровень газификации республики составил 59% (от численности населения), соответственно, 11,6 млн человек имеют доступ к газу. Тем не менее уровень газификации населения Северного Казахстана является не достаточным. Дальнейшую газификацию Акмолинской и Северо-Казахстанской областей предлагается осуществить путем строительства 2 и 3 этапов магистрального газопровода «Сарыарка» после увеличения мощности газопровода «Бейнеу-Бозой-Шымкент». Спрос на экологически чистые энергоресурсы особо актуален в зимние периоды, так как г. Астана и областные центры Северного Казахстана по-прежнему «утопают в смоге» и лидируют в мировых рейтингах по уровню загрязнения воздуха. Магистральный газопровод «Сарыарка», вдоль</p>	<p>Адаптация к изменениям климата, защита окружающей среды, обеспечение устойчивого экологического и социально-экономического развития канадского Севера - один из главных приоритетов. Переход на источники энергии, не сопровождающихся выбросами углерода в атмосферу, сбережение экосистем (ограничение негативного воздействия на окружающую среду) учитывается при экономическом планировании. На крайнем севере, таяние полярных льдов увеличивает время навигации по Северо-Западному проходу. По экономической привлекательности данный пролив будет</p>

ECOLOGICAL	<p>которого подведена соответствующая инфраструктура и установлены необходимые пусковые комплексы, был построен еще в 2019 году. Однако темпы подключения населения столицы и Акмолинской областей к долгожданному газу остаются на довольно низком уровне. Переговоры между Россией и Казахстаном о газификации идут достаточно плотно, но окончательного решения до сих пор нет.</p>	<p>составим с северным морским путем (СМП) вокруг арктического побережья России (В случае освоения от льда). Значимость заключается в том, что значительно сокращается путь из Восточной Азии в Восточное побережье Канады и США, а также в Европу и для прохода по нему Канаде не требуется транзитные платежи, в отличие от маршрута через Панамский канал.</p>
LEGAL	<p>Особо отметим, что основным мотивом обновления, застывшей политики децентрализации в Казахстане является необходимость демократизации системы управления. Благодаря реформам по децентрализации, в частности, создание законодательной базы органов местного самоуправления. Основными достижениями данной политики в контексте ее влияния на подотчетность местных акимов является делегирование им сохранения и самостоятельного расходования части собранных налогов, а также создание местных представительских органов, избираемых гражданами напрямую.</p>	<p>За большинство социальных программ Канады, как образование, здравоохранение и «за все, что касается природы исключительно местного значения или находящейся в их собственности» отвечают провинции внутри своих территориально-административных границ. Уникальная структура среди федераций во всем мире заключается в том, что все провинции, вместе взятые, получают больше прибыли, чем федеральное правительство. Несмотря на то, что на начальных этапах своего исторического развития Федеративная система Канады имела высокую степень централизации, ныне она характеризуется равновесием между централизацией и децентрализацией.</p>

Источник: составлено авторами

Заключение

Имеющие с Канадой идентичные характеристики экономико-географического положения акторы международных отношений могут сформировать для себя на основе данной аналитики экологическую, социальную и иную политику на региональном уровне, оценить влияние экономической дифференциации регионов на уровень жизни.

В мировой экономике становится явным то, что региональная стратегия на Севере не может успешно функционировать, поддерживая промышленные инвестиции в ресурсные отрасли и делая акцент на развитии только социальной сферы. За рубежом в северных странах реализуются новые модели развития, включающие стратегию перехода от пространственной экономики к локальной экономике (экономике на месте), в которой к ресурсной экономике добавляются диверсифицированные возможности местного сообщества. Необходимой предпосылкой для создания платформы, на которой общины могут использовать потенциальные возможности экономического развития является внимание к развитию инфраструктуры и потенциала сообщества. Формирование партнерства между государством, местным сообществом, бизнесом и наукой, необхо-

димое условие экономики, ориентированной «на место».

От сравнений с Казахстаном не уйти, так как для Казахстана Канада интересна во многих аспектах, несмотря на то что типологически Канада, более сопоставима с Бенилюксом и Скандинавией. В первую очередь, это опыт обхождения с обширными пространствами: поддержание качества жизни на редконаселенных территориях, освоение ресурсов удаленных месторождений, налаживание и поддержка тысячекилометровых путей сообщения. Примечательно, что именно канадцы разработали важнейшие положения экономической теории коммуникаций, как бы отвечая на вызов обширных пространств своей страны.

Представляется важным опыт управление развитием обширных сельских пространств, удаленные от больших городов на невиданные для большей части стран мира расстояния; адаптация и интеграция огромных (по сравнению с местным населением) потоков мигрантов почти со всего мира; сосуществование исторически проживающих бок о бок народов англоканадцев и франкоканадцев; существование «первых наций» (эскимосы и индейцы) в современных условиях.

В завершении подчеркнем насущную необходимость для современного Казахстана изучения новейшего канадского опыта трансформации экономики и местного самоуправления, опыт развития новых наукоемких секторов, параллельно с эффективным функционированием первичных отраслей.

Статья подготовлена в рамках научного проекта (BR21882308) программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)»

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.02.2023 г.) [Электронный ресурс]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860
2. Елюбаев, Р. Б. Реализация внешнерегиональных инициатив Республики Казахстан на примере Северного Казахстана / Р. Б. Елюбаев // Вестник Омского регионального института. – 2019. – № 1. – С. 120-124.
3. Официальный сайт Бюро национальной статистики. [Электронный ресурс]: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/>
4. Официальный сайт Акимата Северо-Казахстанской области, [Электронный ресурс]: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko/activities/459?lang=ru>
5. Васильева Л.Н., Гранберг А.Г., Кистанов В.В., Адамеску А.А. и др. Государственно-территориальное устройство России (экономические и правовые основы). - М.: ДеКА, 2003. - 448 с.
6. Ким, Ю. В. Федерализм, регионализм и региональная политика: вопросы методологии / Ю. В. Ким // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6(63). – С. 56-66.
7. Маршалова А.С., Новосёлов А.С. Управление экономикой региона : учеб. пособие / ИЗОПП СО РАН.–Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001. – 404 с.
8. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение (экономика и управление): Учеб. пособие. - Ростов н/Д : МарТ, 2000. - 319с.
9. Custred G. Security Threats on America's Borders // Immigration policy and the

terrorist threat in Canada and the United States (англ.) / Edited by Alexander Moens and Martin Collacott. — Vancouver: Fraser Institute, 2008. — P. 96. — ISBN 0889752354.

10. Агентство национальной статистики Канады. [Электронный ресурс]: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1710000901> Statistics Canada. Table 17-10-0009-01 Population estimates, quarterly. DOI: <https://doi.org/10.25318/1710000901-eng>
11. Агентство национальной статистики Канады. [Электронный ресурс]: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1710000901>
12. Lucas, R. E., & Prescott, E. C. (1971). Investment Under Uncertainty. *Econometrica*, 39(5), 659–681. <https://doi.org/10.2307/1909571>
13. Davis, G.A. and Tilton, J.E. (2005), The resource curse. *Natural Resources Forum*, 29: 233-242. <https://doi.org/10.1111/j.1477-8947.2005.00133.x>
14. Gylfason, T. (2001) Natural Resources, Education, and Economic Development. *European Economic Review*, 45, 847-859. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(01\)00127-1](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(01)00127-1)
15. Pendergast, S. M., Clarke, J. A., & van Kooten, G. C. (2011). Corruption, Development and the Curse of Natural Resources. *Canadian Journal of Political Science*, 44(02), 411-437. <https://doi.org/10.1017/S0008423911000114>
16. Atkinson, G., & Hamilton, K. (2003). Savings, Growth and the Resource Curse Hypothesis. *World Development*, 31, 1793-1807.
17. Berger KW. Communications. *Annals of Otology, Rhinology & Laryngology*. 1977;86(2):260-260. doi:10.1177/000348947708600221
18. Alcantara, C., Cameron, K. and Kennedy, S., 2012. Assessing Devolution in the Canadian North: A Case Study of the Yukon Territory. *ARCTIC*, 65(3).
19. L. Huskey & C. Southcott (Eds.), *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts* (pp. 35-56)
20. Noble, B., & Hanna, K. (2015). Environmental Assessment in the Arctic: A Gap Analysis and Research Agenda. *Arctic*, 68(3), 341–355. <http://www.jstor.org/stable/43872253>
21. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» от 16.03.2022. [Электронный ресурс]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>
22. Государственная программа развития регионов на 2020-2025 годы. [Электронный ресурс]: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-regionov-na-2020-2025-gody-9111157>

References

1. Zakon Respubliki Kazakhstan «O natsional'noi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 26.02.2023 g.) [Elektronnyi resurs]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860
2. Elyubaev, R. B. Realizatsiya vneshneregional'nykh initsiativ Respubliki Kazakhstan na primere Severnogo Kazakhstana / R. B. Elyubaev // Vestnik Omskogo regional'nogo instituta. – 2019. – № 1. – S. 120-124.
3. Ofitsial'nyi sait Byuro natsional'noi statistiki. [Elektronnyi resurs]: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/>
4. Ofitsial'nyi sait Akimata Severo-Kazakhstanskoi oblasti, [Elektronnyi resurs]: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko/activities/459?lang=ru>
5. Vasil'eva L.N., Granberg A.G., Kistanov V.V., Adamesku A.A. i dr. Gosudarstvenno-territorial'noe ustroistvo Rossii (ekonomicheskie i pravovye osnovy). - M.: DeKA, 2003. - 448 s.
6. Kim, Yu. V. Federalizm, regionalizm i regional'naya politika: voprosy metodologii / Yu. V. Kim // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2008. – № 6(63). – S. 56-66.
7. Marshalova A.S., Novoselov A.S. Upravlenie ekonomikoi regiona : ucheb. posob / IEOPP SO RAN.–Novosibirsk: Sibirskoe soglashenie, 2001. – 404 s.
8. Ignatov V.G., Butov V.I. Regionovedenie (ekonomika i upravlenie): Ucheb. posobie. - Rostov n/D : MarT, 2000. - 319s.
9. Custred G. Security Threats on America's Borders // Immigration policy and the terrorist threat in Canada and the United States (англ.) / Edited by Alexander Moens and Martin Collacott. — Vancouver: Fraser Institute, 2008. — P. 96. — ISBN 0889752354.

10. Agentstvo natsional'noi statistiki Kanady. [Elektronnyi resurs]: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1710000901> Statistics Canada. Table 17-10-0009-01 Population estimates, quarterly. DOI: <https://doi.org/10.25318/1710000901-eng>
11. Agentstvo natsional'noi statistiki Kanady. [Elektronnyi resurs]: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1710000901>
12. Lucas, R. E., & Prescott, E. C. (1971). Investment Under Uncertainty. *Econometrica*, 39(5), 659–681. <https://doi.org/10.2307/1909571>
13. Davis, G.A. and Tilton, J.E. (2005), The resource curse. *Natural Resources Forum*, 29: 233-242. <https://doi.org/10.1111/j.1477-8947.2005.00133.x>
14. Gylfason, T. (2001) Natural Resources, Education, and Economic Development. *European Economic Review*, 45, 847-859. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(01\)00127-1](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(01)00127-1)
15. Pendergast, S. M., Clarke, J. A., & van Kooten, G. C. (2011). Corruption, Development and the Curse of Natural Resources. *Canadian Journal of Political Science*, 44(02), 411-437. <https://doi.org/10.1017/S0008423911000114>
16. Atkinson, G., & Hamilton, K. (2003). Savings, Growth and the Resource Curse Hypothesis. *World Development*, 31, 1793-1807.
17. Berger KW. Communications. *Annals of Otology, Rhinology & Laryngology*. 1977;86(2):260-260. doi:10.1177/000348947708600221
18. Alcantara, C., Cameron, K. and Kennedy, S., 2012. Assessing Devolution in the Canadian North: A Case Study of the Yukon Territory. *ARCTIC*, 65(3).
19. L. Huskey & C. Southcott (Eds.), *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts* (pp. 35-56)
20. Noble, B., & Hanna, K. (2015). Environmental Assessment in the Arctic: A Gap Analysis and Research Agenda. *Arctic*, 68(3), 341–355. <http://www.jstor.org/stable/43872253>
21. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana «Novyi Kazakhstan: put' obnovleniya i modernizatsii» ot 16.03.2022. [Elektronnyi resurs]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>
22. Gosudarstvennaya programma razvitiya regionov na 2020-2025 gody. [Elektronnyi resurs]: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-regionov-na-2020-2025-gody-9111157>

THE CONCEPTS OF THE “STATE OF NOMADIC UZBEKS” AND THE “CHAGATAI ULUS” IN THE POLICY OF NATIONAL CONSTRUCTION OF UZBEKISTAN

Myrzabek Tuyganov¹

Zhaslan Nurbayev^{2*}

Zhanylsyn Kiyubek³

¹ Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabylybayev, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru

² Advisors to the Director of KazISS, e-mail*: zhasulannurbayev@gmail.com

³ PhD student at the Department of Regional Studies of ENU named after L.N. Gumilyov, e-mail: kiyubek@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.03>

Abstract. Nation-building is considered as a way of opposing centrifugal forces, in order to preserve the civil identity of multinational states. In modern science, the process of nation-building is associated with «identity», «identification», mainly implying civil and political identity. After the collapse of the Soviet Union, all countries began an active search for their own identity as the basis of nation-building, and this search is largely connected with history. Historical memory plays the role not only of preserving and transmitting information, but also of an ideological component - the unifier of an ethnos, a civil nation with the state into a single whole. The state as a subject of nation-building introduces ideologically actualized historical concepts into the historical consciousness of the nation. These concepts are actively introduced into a wide public discourse, where a special role is assigned to the scientific community. Based on the analysis of scientific works and discursive data, an attempt is made to show the place and role of the concepts «Chagatai ulus» and «state of nomadic Uzbeks» in the nation-building process of modern Uzbekistan. The article shows the content and meaning of these concepts, the trends of their development both in the official scientific environment and in the broad public discourse.

Keywords: *nation-building, nation, national identity, Chagatai ulus, the state of nomadic Uzbeks.*

ЎЗБЕКСТАННИҢ ҰЛТТЫҚ ҚҰРЫЛЫС САЯСАТЫНДАҒЫ
«КӨШПЕЛІ ӨЗБЕКТЕР МЕМЛЕКЕТІ» ЖӘНЕ «ШАҒАТАЙ ҰЛЫСЫ»
ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРЫ

Мырзабек Тойғанов¹, Жаслан Нұрбаев^{2*}, Жанысыл Қиюбек³

¹ ҚР Ішкі істер министрлігі Ш. Қабылбаев ат. академиясы, Қостанай, Қазақстан, полиция подполковнигі, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru

² ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ директорының кеңесшісі, e-mail*: zhasulannurbayev@gmail.com

³ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің аймақтану кафедрасының докторанты, e-mail: kiyubek@gmail.com

Аңдатпа. Ұлт құрылысы көпұлтты мемлекеттердің азаматтық-құқықтық сәйкестігін сақтау мақсатында орталықтан тепкіш күштерге қарсы тұру тәсілі ретінде қарастырылады. Қазіргі ғылымда «сәйкестілік» (идентичность), «сәйкестендіру» (идентификация) негізінен азаматтық-саяси бірегейлікті білдіретін ұлт құру процесімен байланысты. Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін барлық елдер ұлт құрылысының негізі ретінде өздерінің жеке басын белсенді түрде іздей бастады және бұл іздеу негізінен тарихпен байланысты. Тарихи жады ақпаратты сақтау және беру ғана емес, сонымен бірге идеологиялық компонент - этносты, азаматтық ұлтты мемлекетпен біртұтас тұтастыққа біріктіруші рөлін атқарады. Мемлекет ұлт құрылысының субъектісі ретінде ұлттың тарихи санасына идеологиялық тұрғыдан өзекті Тарихи тұжырымдамаларды енгізеді. Бұл тұжырымдамалар ғылыми қоғамдастыққа ерекше рөл берілген кең қоғамдық дискурста белсенді түрде енгізіледі. Ғылыми еңбектер мен дискурсивті деректерді талдау негізінде қазіргі Өзбекстанның ұлт құрылысы процесінде «Шағатай ұлысы» және «көшпелі өзбектер мемлекеті» тұжырымдамаларының орны мен рөлін көрсетуге әрекет жасалды. Мақалада осы тұжырымдамалардың мазмұны мен маңызы, олардың ресми ғылыми ортада да, кең қоғамдық дискурста да даму тенденциялары көрсетілген.

Түйін сөздер: ұлт құрылысы, ұлт, ұлттық бірегейлік, Шағатай ұлысы, Көшпелі өзбектер мемлекеті

КОНЦЕПТЫ «ГОСУДАРСТВО КОЧЕВЫХ УЗБЕКОВ» И «УЛУСА ЧАГАТАЯ» В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

Мырзабек Тойғанов¹, Жаслан Нұрбаев^{2*}, Жанысыл Қиюбек³

¹ Костанайская академия МВД РК имени Ш.Кабылбаева, подполковник полиции, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru

² Советник директора КИСИ при Президенте РК, e-mail*: zhasulannurbayev@gmail.com

³ Докторант кафедры регионоведения ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, e-mail: kiyubek@gmail.com

Аннотация. Национальное строительство рассматривается как способ сопротивления центробежным силам с целью сохранить гражданскую и правовую идентичность многонациональных государств. В современной науке термин «идентичность», «идентификация» главным образом связаны с процессом создания нации, под которой понимается гражданско-политическая идентичность. После распада Советского Союза все страны начали активно искать собственную идентичность как основу национального строительства, и этот поиск во многом связан с историей. Историческая память – это не только хранение и передача информации, но и идеологическая составляющая – этнос, гражданская нация, государство. Государство как субъект нациестроительства

вносит в историческое сознание нации идеологически значимые исторические понятия. Эти концепции активно включаются в широкий общественный дискурс, в котором научному сообществу отводится особая роль. На основе анализа научных трудов и дискурсивных данных предпринята попытка показать место и роль концепций «Шагатайский улус» и «Кочевое узбекское государство» в процессе государственного строительства современного Узбекистана. В статье показано содержание и значение этих понятий, тенденции их развития как в официальной научной среде, так и в широком общественном дискурсе.

Ключевые слова: национальное строительство, нация, национальная идентичность, чагатайское величие, кочевое узбекское государство

Introduction

According to V.A. Tishkov, "nation—building" is the process of forming a national identity, the essence of which is to create a sense of patriotism and general solidarity towards one's state. The object of this process becomes a community of people under its jurisdiction. The main question is the content of the basic conceptual concepts of nation-building, as well as what components should constitute a civil-political identity and what mechanisms and tools should be used to form this identity [1]. In our study, we will adhere to this definition.

The object of the study is the process of nation-building in the Republic of Uzbekistan. Subject: the place and role of the concepts "state of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus" as elements of nation-building in Uzbekistan. The aim is to study the trends in the application of the concepts of "the state of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus" by official and unofficial discourse in the process of nation-building.

Methods

The dialectical approach associated with the identification of opposite aspects within the framework of nation-building in Uzbekistan, ensuring its movement as a historical and socio-political phenomenon, has become the methodological basis.

Modern social processes are necessarily connected with information and communication technologies and their influence on the public consciousness of concrete historical communities. Such a complex phenomenon as nation-building is largely ensured and depends on the level of development of the Internet space, the involvement of ordinary citizens in it. In Uzbekistan, according to the data of 2022, 80.4% of the country's population was connected to the global web [2]. Based on the above, the discourse analysis of the Internet space allowed us to identify the most relevant approaches to the use of the concepts of the Chagatai ulus and the state of nomadic Uzbeks in the process of nation-building.

The synthesis of discourse analysis with political analysis allowed us to explore important aspects of the application of these concepts in the nation-building of Uzbekistan.

Discussion

The study of the nation-building process in Uzbekistan is a new direction in the social and humanitarian sphere. The interdisciplinary nature of the problems of nation-building determines the need to turn to theoretical and empirical sources that are heterogeneous in content and form. Nation-building incorporates political theory and practice, the process of forming systems of ideas and values directly related to historical science as a form of public consciousness. The term "political history" is also considered in two aspects – as the history of the political development of the country and as the policy of the state on the interpretation of history, as well as

determining its role and place in the development of society.

The main concepts used in the study of the nation-building process are "ethnos", "nation", "people" and, of course, "state". These concepts are closely interrelated, and a different approach to the definition of each of them forms specific interpretations of the processes of national and state construction. In ethnosociology, there are three main approaches to the definition of an ethnos: the primordialist, constructivist and instrumentalist [1].

The primordialist concept has been studied since the introduction of the concept of "primordialism" by the American sociologist E. Shills. In Russia, A.G. Dugin applied a dialectical approach to revealing the essence of primordialism. Later, the sociobiological (P. Van den Berge, L.N. Gumilyov) and evolutionary-historical (Y.V. Bromley, H. Isaacs, K. Blue, etc.) trends arise in primordialism. The concepts of ethnicity, nation and nationalism are particularly relevant in the study of nation-building issues. The nation is considered by some authors as a derivative of nationalism, that is, nationalism generates a nation. As long as certain communities do not realize unity and nationalism does not manifest itself, then the nation as a political phenomenon will not arise (B. Anderson, E. Smith). Supporters of the exclusivity of the state adhere to a similar position in form – it generates a nation and a people (I. Wallerstein).

V.A. Tishkov defines a nation as a community of people united within the framework of a sovereign state, while it is characterized by a certain degree of civic solidarity and it is distinguished by loyalty to the state and its legitimate authority. The State is a system of institutions created by the nation, to which this sovereign territorial community delegates power. Thus, in addition to the functions of management, organization and protection, the state receives "the right to compulsion and obligations to preserve and support ethnic and cultural diversity" [1].

Many works have been devoted to the research of nation-building in Uzbekistan, both locally and abroad. It is symptomatic that there are diametrically opposite positions regarding the issues of the origin of the Uzbek ethnic group. It should be noted that in Uzbekistan itself, the issues of nation-building from the point of view of the role of historical figures in history, as well as their implementation into a wide public discourse, are actively discussed. Moreover, this discussion goes beyond Uzbekistan, which creates a favorable environment for constructive, from a scientific point of view, objective research of the problem.

Research results

In the nation-building of modern Uzbekistan, the concepts of "the state of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus" play an important role. The significance of these historical state formations has characteristic features that reflect the historical policy of Uzbekistan in the context of nation-building.

It should be noted that in the nation-building of post-Soviet countries, as a rule, fundamental works that have done by official scientific circles play a key role. This is due to two reasons: the first is related to the political features of state-building, the second is also related to politics, but in the field of science. In the first case, we are talking about politics in general, which is characterized by a certain control over the formation of an ideological space, where a special role is assigned to historical consciousness. In addition, social inertia, on the one hand, the geopolitical need to preserve national identity in the context of globalization and globalism, on the other, predetermined a particularly reverent and protective attitude towards the historical consciousness of the people by the state. The words of the first President I. Karimov: "History is the basis of the spirituality of the people" [3, p. 21], "Losing history for

a person is like losing life" [3, p. 10], "Self-awareness begins with knowledge of history" [3, p. 5] express not only the attitude of the state to history, but also represent the structure of the relationship between the state and historical science, reflecting the form of the nation-building policy of Uzbekistan.

Proceeding from V.A. Tishkov's definition, nation-building as a process of forming national identity includes the process of forming an important emotional component - a sense of patriotism. Patriotism is important only as a mass phenomenon formed in each individual as a representative of a particular society. The most open and receptive to ideas, slogans and propaganda of patriotism, as well as the main object of patriotic education, generally, is the youth. It determines the perspective of the development of society and the state as a unique subject and as a subject of international relations. Uzbekistan is quite actively pursuing youth policy, institutionalized in the Youth Union of Uzbekistan. Since 2001, the main youth structure has been the "Kamolot" movement, which in 2017 was transformed into the Youth Union of Uzbekistan.

It must be noted that in the tasks of the "Kamolot" Charter, special importance was given to patriotic education, but without reference to historical consciousness. Among such tasks, the following can be distinguished: "... – patriotic, spiritual and moral education of the younger generation, countering the spread of ideas of religious intolerance and extremism among young people; - achieving active participation of young people in the implementation of the principle "From a strong state to a strong society", relying on the energy, knowledge, talents and potential of younger generation; - definition and implementation of a long-term strategy of organizational, spiritual and educational activities aimed at educating the youths in the spirit of devotion to the idea of national independence" [4]. With the coming to power of Sh. Mirziyoyev, youth policy has become a priority area that has undergone changes. Along with the rebranding of the "Kamolot" movement, there was a shift in content through the formulation of new tasks. In the Charter of the Youth Union of Uzbekistan, the key task becomes "the education of young people, in particular, unorganized youth in spiritual and moral terms and in the spirit of military patriotism, the formation of their consciousness of historical memory, national pride and self-knowledge, involvement in events, a sense of respect for national and universal values" [5].

Thus, the tasks of youth policy are filled with an element of the historical military-patriotic plan, and "unorganized youth" is also singled out as a condition for universal coverage of the establishment of social justice. New tasks require new solutions and actions. We believe that the work of the new stage of youth policy, as one of the key elements of nation-building, is the collective work edited by A. Askarov "The History of the origin of the Uzbek people" [6], which was published in 2018. Of course, this is not the only work of this type (especially considering the development of Internet technologies), but from the point of view of historicism and political pragmatism, it can be considered as a fairway of the ideological field of Uzbekistan in nation-building.

The development of the structure of approaches to the ideological formation of state policy can also be considered a characteristic direction of nation-building in the Republic of Uzbekistan. It is based on the promotion of increasing the role of historical memory in the long-term social and state development, focused on the solidarity of society in the context of its relationship with the state.

The second is the policy in the field of science, in which the features of competitive freedom are weakly manifested. Therefore, based on the tasks assigned to us, we consider the appeal to the most authoritative and fundamental sources as the main theoretical and methodological vector.

The analysis of historical works shows that the state formations that existed on the territory of modern Kazakhstan and Central Asia consider the concepts of "Chagatai ulus" and "state of nomadic Uzbeks" in three main aspects: from the standpoint of political education, from the point of view of the emergence of the ethnonym "Uzbek", and in the context of the ethnogenesis of the Uzbek people.

A broader or regional form of identity of the peoples of Central Asia is the Turkic one, which is directly related to the origin of the Uzbek people and the ethnonym "Uzbek". It should be noted that Pan-Turkism cannot be unambiguously assessed as a positive or negative phenomenon. It all depends on the specific situation. In addition, for all Turkic peoples, Pan-Turkism is included in the context of nation-building in one or another of its interpretations and roles. The significance of the Pan-Turkist idea in nation-building is determined by many factors: the political interests of state power, quantitative and qualitative indicators of the impact on public consciousness, the expression of the ethnos' attitude regarding the question of its place and role in Turkic history.

One of the features of nation-building in the modern history of Uzbekistan is the idea of Pan-Turkism [7]. However, Pan-Turkism, as a theory and practice, is a unity of political and cultural trends. In Central Asia, pan-Turkism is mainly represented by a cultural component, including reflected in the nation-building of each state. At the same time, being in the cultural field, Pan-Turkism is associated to political practices, primarily in the field of ideology.

Therefore, trying to revive the idea of Turkestan and proclaiming Uzbekistan as its center, the state should ensure this project at the cultural and historical level. One of these lines passes through the prism of the attitude and interpretation of the historical concepts of "the state of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus".

The modern history of Uzbekistan is based on the recognition of the Turkic tribes as the ethno-political basis of the Uzbek people, despite the close interaction with other ethnogroups of the Central Asian area. "The Turkic ethnic foundation, laid in the IX-X centuries, served as a solid foundation for the political unification of the people, which would later be called the "Uzbek people" [6, p. 433]. On the one hand, as already noted, this is an objective history and an objective approach based on scientific facts. On the other hand, it is an ideological tool in the context of political history, which has the resource to formulate Pan-Turkist rhetoric.

It is interesting to note that the official historiography of Uzbekistan criticizes the vulgar approach of Soviet science for "constructivism" and the absence of the principle of historicism, which denied the ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the region and believed that all modern peoples of Central Asia (Uzbeks, Tajiks, Kazakhs, Kyrgyzs, Karakalpaks and others) have no historical roots and their present state is the political derivative, the political structure of the Soviet government [6, p. 482]. However, A. Askarov notes: "Such a position on the issue of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia contradicts historical reality. The name "Uzbek" should first of all be understood as the settled rural population engaged in irrigated agriculture, and the urban population engaged in handicrafts and trade, as well as the nomadic Uzbeks of Dashti-Kipchak who came to these lands at the beginning of the XVI century, who were at the head of political power" [6, p. 482]. The last thought is the recognition of the historical fact of the mixing of ethnic groups of nomadic and settled areas on the territory of modern Uzbekistan still carries a shade of elitist Pan-Turkist rhetoric in the ethnogenesis of the Uzbek people as opposed to other fraternal Turkic peoples.

Currently, extremely speculative approaches can be found in the public domain in attempts to deepen the Pan-Turkization of the history of Uzbekistan, in particular

the period of the Chagatai ulus and the state of nomadic Uzbeks. For example, R. Abdullayev's article "Uzbeks are nobles of the Turkic peoples, and Sarts are entrepreneurs of Central Asia" [8], to which H. Kamol gave his debatable answer, in the work "About Dashti Kipchak – the Homeland of the Uzbeks" [9]. The title of R. Abdullayev's article has a significant effect. At the same time, it should be noted that the concept of "the state of nomadic Uzbeks" and the ethnonym "Uzbek" are used by the authors of Pan-Turkist rhetoric in their works.

Such interpretations of the concepts of "The State of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus" can lead to an increase in the emotional background in patriotic education as a process of nation-building. At the same time, Pan-Turkist rhetoric will not be able to provide equal and constructive dialogue between Turkic ethnic groups at the mental level, at the level of the collective unconscious in the future.

In contrast to the regional Pan-Turkist idea, since Uzbekistan gained independence, a special place in nation-building has been occupied by the concept of Amir Timur, as a person who laid the foundations of state-building, and indirectly referred to the personality of the first president of Uzbekistan I. Karimov as the founder of a new independent state [10]. At the same time, the analysis shows that the concepts of Amir Timur and the state of nomadic Uzbeks play a special role in the ideological and competitive struggle between Uzbek and Tajik ethnic groups, as well as states. Meanwhile, despite the active promotion of these concepts in the broad public discourse, both peoples consider local ancient autochthonous inhabitants to be the ultimate basis of their ethnogenesis.

If we compare President Sh. Mirziyoyev with his predecessor, it should be noted that he does not associate himself, at least until now, with any historical figure. Based on the definition we have adopted by V. A. Tishkov, one of the properties of nation-building is the connection of society with the state. In transition countries, including the period of I. Karimov in Uzbekistan, this connection referred to the connection of society with the first person of the state. Thus, the nation was solidified with the state, therefore, with I. Karimov, whose prototype was Amir Timur. The Uzbek national identity was connected with the personality of Amir Timur.

So, in 2016, the Embassy of Uzbekistan in Azerbaijan published an article "Amir Temur - the pride of the Uzbek people", which said: "Through many centuries, the star of Amir Temur, who left an indelible mark in world history, shines just as brightly for today's generations. His life path serves as an example for young citizens of Uzbekistan who strive to become his worthy heirs" [11]. Of course, President Sh. Mirziyoyev is pursuing a policy of visible continuity with I. Karimov, but at the same time he is gradually creating grounds for a qualitative transformation of the ideological space.

In modern Uzbek discourse, the concept of "Chagatai ulus" is considered as one of the most significant stages in the formation of the Uzbek ethnic group and the state. Moreover, in some situations, the role of the concept of "Chagatai ulus" rises before all others, including the concept of "the state of nomadic Uzbeks" [12].

Chagatai is presented here as the most successful representative of the Genghis Khan dynasty, because only his name was assigned to the entire dynasty, the military elite of Transoxiana of the XV century, not controlled by the Chagataids, and the whole state. The Chagatai ulus and the term "chagatai" became those collective entities that ensured the consolidation of nomads and settled peoples into one community. In addition, Chagatai is presented as a generous and loyal ruler to the indigenous population: "Chagatai granted the Dulats territory in the south of the Tien Shan. The Dulats called their territory Manglai-Sube or the Southern Side" [12]. For comparison, in Kazakh historiography, not Chagatai himself, but his descendants

left Zhetyysu to the local emirs of the Dulat tribe after its collapse due to a long confrontation with the descendants of Ogedei [13].

At the same time, this direction of discourse significantly lengthens the history of the final formalization of the Uzbek people and state.

"Later, during the struggle of the Timurids with Muhammad Sheibani, the population of Transoxiana, for some time, began to be called the "Chagatai people" (Chagatai eli), in contrast to the newcomers of the Uzbeks. According to ethnographic data, a part of the population of Transoxiana at the beginning of the 20th century quite steadfastly retained the self-designation "chagatai" [12]. Consequently, the bearers of the self-designation "Chagatai" were those who opposed the Uzbeks who came from the steppe as the indigenous population of the modern territories of Uzbekistan.

In a similar form of discourse, in the context of nation-building in Uzbekistan, the concept of "Chagatai ulus" and outgoing, "chagatai", "chagataids", leads to opposite conclusions, forcing us to rely on earlier stages of ethnogenesis as key and final, creating a precedent for the rise of the ethnonym "chagatai" over the ethnonym "Uzbek".

Approaches to the formation of awareness of the exalted role of the Uzbek people based on the concepts of "Chagatai ulus" and "state of nomadic Uzbeks" also take place according to some Uzbek researchers. As V. E. Abirov notes, today "various studies of the greatness of the history of the Uzbek people have appeared, the search for its origins began in the distant past, in the ethnos that lived in ancient times. However, attempts to define and describe the greatness of the people were sharply criticized by the first President Islam Karimov" [14].

Conclusion

Nation-building in Uzbekistan is characterized by various approaches, which are based on a dual idea, where on the one hand there is a revival of the ethno-national Uzbek identity as the titular ethnic group of this territory, on the other - the formation of a political Uzbek nation of a multi-ethnic entity, where each ethnic group is equal with everyone in rights, and of course, in the right to consider itself as part of the Uzbek people. It is important to note the careful and attentive attitude of the government to historical memory, its actualization in society, and especially among young people.

In the modern discourse of nation-building in Uzbekistan, there are trends in the formation of a new nationalism based on the historical concepts of "the state of nomadic Uzbeks" and "Chagatai ulus". At the same time, some authors absolutize the role of one concept and leave the role of another out of focus. Such approaches are not able to form an integral historical picture of ethnogenesis and the emergence of the state, which in the future is fraught with biased assessments, and in turn, distortions in social development.

The concept of "state of nomadic Uzbeks" differs from the "ulus of Chagatai", primarily by focusing on the personality of Abulkhair. In contrast, the concept of "Chagatai ulus" is focused on the population of the state. Hence the two opposing positions of the authors in relation to the concepts:

1 - recognizing the exceptional role of the personality of Abulkhair, only a part of the population of the state of nomadic Uzbeks (in some – only the "military elite") participated in the ethnogenesis of the Uzbek people and political processes on the territory of Uzbekistan;

2 – recognizing the historical role of Chagatai, exceptional importance is attached to the population of the Chagatai ulus, which has become the basis of the Uzbek ethnic group.

The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN No. BR18574101).

References

1. Astafyeva E.M. Nation-building in a heterogeneous society: the problem of choosing a path Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38103/1/iuro-2016-149-05.pdf> (accessed: 09.03.2023)
2. Nosachev P. IT in Central Asia As Uzbekistan and Kazakhstan turn into a digital hub. Appendix to the Republican business weekly "Kursiv". - Italics GUIDE, 2023. Available at: https://kz.kursiv.media/wp-content/uploads/2023/03/bg_kz.pdf (accessed: 02.04.2023)
3. Karimov I. There is no future without historical memory. – Tashkent, 1998. – С.128
4. The Charter of the public youth movement of Uzbekistan "Kamolot". Available at: https://www.rea.ru/ru/org/branches/tashkent/sveden/struct/Documents/Polojenie_KAMOLOT.pdf (accessed: 10.05.2023)
5. The Charter of the Youth Union of Uzbekistan. Available at: <https://www.railway.uz/upload/iblock/9c1/3izife51noqsmrmxkn2ugdvhv0f9qrn.pdf> (accessed: 01.07.2023)
6. Askarov A. "The history of the origin of the Uzbek people", Tashkent: IPTD "Uzbekistan", 2018. -664 p.
7. Abashin S. Nation-building and nationalism: Central Asia. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiestroitelstvo-i-natsionalizm-srednyaya-aziya/viewer> (accessed: 12.07.2023)
8. Abdullaev R. "Uzbeks are nobles of the Turkic peoples, and Sarts are entrepreneurs of Central Asia". Available at: https://kapital-rus.ru/articles/article/uzbeki_dvoryane_tyrkskih_narodov_a_sarty_predprinimateli_centralnoj_azii/#comments (accessed: 08/18/2023)
9. Kamol H. About Dashti Kipchak – The Homeland of the Uzbeks. Available at: <https://edq.kz/2017/11/09/o-dashti-kipchake-rodina-uzbekov/> (accessed: 12.08.2023)
10. Alimdzhanov B. The great "historical" past: how a new national identity was created in Uzbekistan and Tajikistan. Available at: <https://cabar.asia/ru/velikoe-istoricheskoe-proshloe-kak-sozdavalas-novaya-natsionalnaya-identichnost-v-uzbekistane-i-tadzhikistane> (accessed: 13.04.2023)
11. Amir Temur - the pride of the Uzbek people. Available at: <https://www.trend.az/casia/uzbekistan/2511680.html> (accessed: 08/13/2023);
12. Chagatai ulus. Available at: <http://dkm.gov.uz/ru/cagatajskij-ulus> (accessed: 07.07.2023)
13. Chagatai Ulus in the history of the Kazakhs. Available at: https://history-state.kz/ru/?ELEMENT_ID=1678 (accessed: 14.05.2023)
14. Abirov V. E. Questions of the ethnogenesis of the Uzbek people in ethnographic studies of Uzbekistan in the years of independence. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-etnogeneza-uzbekskogo-naroda-v-etnograficheskikh-issledovaniyah-uzbekistana-v-gody-nezavisimosti/viewer> (accessed: 19.06.2023).

INTER-ETHNIC RELATION IN A MULTI-ETHNIC SOCIETY

Bashir Aliyu Yakasai

¹ Faculty of Philosophy and Political Science
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
e-mail: Bashirayakasai@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.04>

Abstract. The relationship between various ethnic groups in a pluralistic society is quite parallel with how two or more ethnicities relate in societies compare to where the ethnic groups are two or three. The idea of avoiding conflicts, and tying unity, harmony and peace may be hard to sense. Scholars of Sociology have identified some factors to which multiethnic environment would be peaceful and livable, raising the topic that concerns inter-ethnic relation to align with the concept of culture, social identity, economic political and issues. These terms all have their particular influences on how multiethnic society would be, either a land of peace or its opposite. This study precisely analyzes and lays description to what factors relatively have influence towards the relationship of many ethnic groups in a multiethnic society. The paper studies the fact that culture may have its role on how many ethnic groups live in a single society, while social identity political as well as economic factors matter in formation of inter-ethnic relations in a pluralistic society.

Keywords: *Ethnicity, Nation, Ethnic Identity, Multiethnic Society, Inter-ethnic Relation, Tribes, Peace, Conflict*

КӨПЭТНОСТЫ ҚОҒАМДАҒЫ ЭТНОСАРАЛЫҚ ҚАТЫНАС

Башир Алию Якасая

Философия және саясаттану факультеті, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, e-mail: Bashirayakasai@gmail.com

Аңдатпа. Плуралистік қоғамдағы әртүрлі этникалық топтар арасындағы қарым-қатынас этникалық топтардың екі немесе үш болғанымен салыстырғанда, қоғамдардағы екі немесе одан да көп этностардың қарым-қатынасымен параллельді. Қақтығыстарды болдырмау және бірлік, келісім мен бейбітшілікті байланыстыру идеясын түсіну қиын болуы мүмкін. Әлеуметтану ғалымдары этносаралық қатынасқа қатысты тақырыпты мәдениет, әлеуметтік бірегейлік, экономикалық саясат және мәселелер ұғымымен үйлестіре отырып, полиэтникалық ортаның бейбіт және өмір сүруге қолайлы болатын кейбір факторларын анықтады. Бұл терминдердің барлығы көпэтникалық қоғамның бейбітшілік елі немесе оған қарама-қарсы ел болатынына ерекше әсер етеді.

Бұл зерттеу көпэтносты қоғамдағы көптеген этникалық топтардың қарым-қатынасына қандай факторлардың салыстырмалы түрде әсер ететінін нақты талдап, сипаттайды. Мақалада мәдениеттің біртұтас қоғамда қанша этникалық топ өмір сүретінінде өз рөлі болуы мүмкін, ал плюралистік қоғамда этносаралық қатынастардың қалыптасуында саяси және экономикалық факторлардың әлеуметтік сәйкестігі маңызды екендігі зерттеледі.

Түйін сөздер: *Этнос, ұлт, этникалық сәйкестік, көпұлтты қоғам, этносаралық қатынас, тайпалар, бейбітшілік, қақтығыс.*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Башир Алию Якасай

Факультет философии и политологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Bashirayakasai@gmail.com

Аннотация. Отношения между различными этническими группами в плюралистическом обществе вполне аналогичны тому, как две или более этнические группы относятся в обществе по сравнению с тем, где этнических групп две или три. Идея избегать конфликтов и связывать единство, гармонию и мир может быть трудной для понимания. Ученые-социологи определили некоторые факторы, благодаря которым многонациональная среда будет мирной и пригодной для жизни, подняв тему, касающуюся межэтнических отношений, чтобы она соответствовала концепции культуры, социальной идентичности, экономических, политических и других проблем. Все эти термины имеют свое особое влияние на то, каким будет многоэтническое общество, будь то земля мира или ее противоположность. Данное исследование точно анализирует и описывает, какие факторы относительно влияют на взаимоотношения многих этнических групп в полиэтническом обществе. В статье рассматривается тот факт, что культура может иметь свою роль в том, сколько этнических групп проживает в одном обществе, в то время как социальная идентичность, политические и экономические факторы имеют значение в формировании межэтнических отношений в плюралистическом обществе.

Ключевые слова: *этничность, нация, этническая идентичность, полиэтническое общество, межэтнические отношения, племена, мир, конфликт.*

Introduction

The existence of harmonized relationship between people of different cultures and ethnic background is a social study, of which relates to the identity politics. Each ethnic group in an appropriate society has a trace of its ethnic background or sole history, and so other identity factors may give it a lot of variances between another ethnic group. Features like traditions, language or religion might bring a difference between one ethnic group and another. The availability of pluralistic societies has become more wider in most of our modern world. Hence, concerns about interethnic relations have increased. Even as individuals of differing ethnic backgrounds live and work in closer proximity than ever before, concerns of ethnicity and ethnic

identity often bring about volatile responses in many people.

As we face it, rarely does a day pass without reports of some new incidents of ethnic conflict around some parts of the world. Undeniably, each society, each community and each incident involve a particular set of historical, situational or psychological twists, which makes it difficult to generalize the matter on the nature of interethnic relations. Scholars of social science have attempted to find systematic ways to comprehend the nature of interethnic relations at large, and interethnic “communication” behavior. The basic literature they created presents a wide range of concepts, theories, and results that offer in-depth knowledge into how and why different ethnic groups and individuals interact with one another. While psychologists have tried to understand the factors within individuals and the immediate social situations that help explain ingroup communication behaviors (for example communication between people of the same background) and outgroup communication behaviors that is between people from different backgrounds. From the perspective of sociologists, they examined interethnic relations mainly from the societal instance, focusing on macro-structural factors like social stratification and economic distribution. Furthermore, anthropologists have come up with case studies of interethnic relations in specific societies, and sociolinguists and scholars of communication have focused on the processes and the outcomes of face-to-face interethnic interactions. Each of the aforementioned groups of scholars have their own literature they developed on inter-ethnic relations. For the fact that the relationship between two or plural ethnic groups might be peaceful or with less conflict, some relationships may be harsh and sour, based on the factors these scholars outlined.

Methodology

As a social studies, this research is qualitative descriptive study using ethnographic methods approach. Spradley (1997: 12) explained ethnography as a culture that studies other cultures, of what is a building encompassing knowledge of research techniques or various descriptions culture and build a systematic understanding of the infinite human culture from the perspective of people who have studied the relevant culture. The study analyzed the qualitative data by observing, understanding and giving the interpretation of each data or facts and literature to the meaning and descriptions described under the narrative words into statements. Following the trail track of literature by different social scientists and the knowledge idea they developed for studying inter-ethnic relationship or the formation of ethnic identity as a field of study on its own.

Discussion

Inter-Ethnic Relation

The word "ethnicity" is coined in the field of sociology simply as a label to term a social group and to distinguish it from other social groups based on common features of national origin, religion, language, and race. In this group-level meaning, ethnicity then becomes the objective character, quality, or condition of a social group as well as an individual's background in an ethnic group. While we give “Multiethnic Society” a meaning; we could say that this is the existence of many ethnic groups in a single society or nation. So, referring to Multiethnic society we sought to notice the real need for relationship between these ethnic groups. Ethnic identification as a theory was developed through the school of psychology, which

posits the fact that an individual may belong to a certain social group like religious or even occupational. To dig further, ethnicity studies and understanding ethnic background is a sole subject in anthropology and sociology. But all these schools agree that there might be the existence of relationships between one social group and another. Through ancient times, we can recall the existence of trade between one nation and another, or war alliance between a state and its counterpart or domestically the record of marriage between a citizen of one state with another. In more ancient times, some marriages between distinctly different tribes and nations were due to royalty trying to form alliances with or to influence other kingdoms or to dissuade marauders or slave traders [1]. The distribution of economic resources in a single country between different citizens of different background could be a reason for identifying a factor for connecting relationship or friendship, or even the market demands between an appropriate ethnic group and the other. In modern theory of ethnic relation, some scholars of sociology believe that the utmost factor that determines the kind of relationship that would reign in a given multiethnic society is based on the social relationship they have with one another. Such scholars added that social factors like culture, communication and social stratification have a huge implication on the outcome of how these ethnic groups would relate. The practical fact here is that most scholars of sociology laid that people rapidly feel the sense of mutual understanding through social interaction. They mentioned that social interaction is the main event through which a peaceful relationship can exist between people of different background, and so they cited the promotion of social events like, inter-cultural activities, inter-religious events, games or organizing same educational environment between different ethnic groups. Communication tends to be the key to opening a new phase of mutual understanding between the sender and the receiver. People of cross ethnicity can comprehend one another through communication. To scholars of anthropology, inter-ethnic marriage is a key that simply leads to a peaceful inter-ethnic relationship in a pluralistic society.

Social Interaction

In an auxiliary level social interaction is necessary for social activities. Social interaction is any activity organized for individuals to meet other individuals or group against another. The activity could be in the form of scolding greetings, friendship, handshake, visit one another, or even a voluntary work that can be said to have been done or happened is social interaction (Soekanto, 2004: 61) [2]. Each interethnic encounter has its unique circumstance, in which some factors may be of greater relevance to the relationship of these ethnic groups and play a more noted role than others. Additionally, the forms of social interaction on the social ethnic unity in a multiethnic community can be seen from various means such as support in terms of the market or economic interaction. The market is public place where people interact. Markets here referred to as the local market which are often found in many large societies as a spot to meet and buy or sell to and from each other. Nevertheless, interethnic marriage is another element that in history is believed to harmonize interethnic societies. In more ancient times, some marriages between distinctly different tribes or nations were mostly due to royalty trying to form alliances with or to influence other kingdoms or to dissuade marauders or slave traders. Two examples, Hermodike I c.800BC and Hermodike II 600BC were Greek princesses from the house of Agamemnon who married kings from what is now Central Turkey [3]. In most multiethnic societies where peace reigns, one

would find a history of inter-marriage among these tribes. Marriage as an element for peace and unity among them, will also lead to the formation of acculturation among the assorted ethnic groups. One study conducted in Africa showed that the regions with higher levels of inter-ethnic marriages have lower levels of ethnic conflict [5]. When we regard social interaction as a factor for the determination of inter-ethnic relation, we as well may pick the topic of how the state administration (whether local or federal) organizes or promotes inter-cultural events which could be like sports, educational, competition or even religious summits to unite the whole society irrespective of ethnic background.

Communication

Interethnic communication occurs whenever at least one involved person takes an ingroup-out-group psychological orientation. As explained by Tajfel (1974), John Turner and Howard Giles (1981), and Marilyn Brewer (1979, 1986), the participants in interethnic communication tend to see themselves and their interaction partners along ethnic lines. The extent to which ethnic categorization influences communication, according to Rupert Brown and John Turner (1981) and Tajfel and Turner (1986), varies on the “intergroup-interpersonal continuum” [6]. At one end, communication encounters between two or more individuals whose behaviors are fully determined by their particular ethnic group categorization is a thread which can tie peace and understanding between them. In the other hand, those are encounters in which the participants are not in any way affected by ethnic categories and, instead, they communicate with each other based entirely on the personal relationship that exists between them. Thus, we can see that the raised factor of communication can determine the relationship that may exist between people of different ethnicity or cultural background. A single word can tend to make a person have a different comprehension or intention in mind towards the person who casts the word. Terms like racism, stereotype or hatred can be easily perceived through verbal communication (or sometimes physical expression). Here, we can see how strong communication proves to be a factor in the determination of inter-ethnic relations.

Politics and Ethnic Identity

The idea of Nationalism, patriotism and political identity in modern political thoughts make it more hot for most multiethnic societies to live in peace. These are some determiners peace or conflict in multiethnic communities. How the state creates, develops and manages the pluralistic society would decide the livability of the environment. This means the distribution of resources, fairness in rule of law and government representation and listening of masses problems are all some effects that might affect the peace or its vice in such societies. Nowadays, most of such states with multiethnic societies preach and try to indoctrinate “Nationalism” and “Patriotism” into the citizens to make them forget the cultural and ethnic differences they have between them, but then in issues relevant to self-identity people still go back to their origin in identifying who they are, or designed to be identified as a particular tribe or ethnic group when ethnic matters relevant to ethnic identity rises. Many political scientists agree on the fact that this could be a nightmare or a great threat guaranteeing the reign of peace and harmony in pluralistic environments. Relating the relations between national, ethnic, ‘racial’, religious and cultural groups in multiethnic societies leads to differential outcomes, which

depends on historical and demographic factors. In some countries this could simply be a focus on majority-minority relations (ethno-territorial, linguistic, religious, cultural minorities) in the nation-state. Ethnic identities belong to the process of organizing the world as ordered multiplicity and to the process of contestation of the hierarchies of the world system (Wallerstein, 2004) [7]. They create symmetries, based in identity representations of groups, between state powers and the image of distinct social subgroups with distinct biographies i.e (languages, origins, bodies, group/ethnic religions, etc.). So, this shows that an individual in a society can be identified simply by skin colour, ethnic background, religion, language or even a region of origin or residence. Such ideologies may differ among people within a single society, finding thousands of people with different identities living in one society. The differences in identity will lead to misunderstandings and conflicts, but creating the spirit of nationalism and patriotism especially to the young population of the society can bring a sense of unity and harmony to a pluralistic society.

Conclusions

In general, it's factual that we all agree that conflicts arise whenever there are differences in people, be it difference in ethnic background, interest, religion or language. Though, some factors can mitigate unforeseen conflicts and infiltrate peace in multiethnic societies. Social interaction which constitutes aspects like cultural events, social activities, marriages, competition between people of different ethnic backgrounds is mentioned as a major aspect in this paper. Furthermore, the reality in communication between persons of different identity or ethnic background can easily be a meter to measure relationship in multiethnic society. The third point noted in this paper outlined how state-nation takes the matter of ethnic and political identity or we may say how state with multiethnic societies inspires the citizen towards the fight for nation building, and the sense of being identified as a national citizen instead of being identified through ethnicity. In conclusion, the peace of societies that are homes to people of different ethnic background is based on by the factors mentioned in this study, which are social interaction, communication and politics or the impact of identity implied in the appropriate nation..

References:

1. Inter-Ethnic Marriage <https://en.wikipedia.org/wiki/> Retrieved 17 October 2023
2. Soekanto, Soerjono. 2004. *Sosiologi Suatu Pengantar*. Jakarta : PT Raja Grafindo Persada.
3. *The Cambridge Ancient History*, edited by John Boederman, Cambridge University Press, 1997, pg 832
4. *Mycenaean Origin of Greek Mythology*, Martin Nilsson, 1983 Univ of California Press, p. 48.
5. <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2021/12/09/what-interethnic-marriage-rates-tell-us-about-ethnic-conflict-and-cooperation-in-africa/> Inter Ethnic Marriage in Africa
6. Content encyclopedia.com // <https://www.encyclopedia.com/media/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/intercultural-communication-interethnic-relations-and>
7. *The Dynamics of Migration and Settlement in Europe* José Bastos , Aitor Ibarrola-Armendariz , João Sardinha , Charles Westin and Gisela Will Pg 202-220

SOCIAL DETERMINANTS OF HEALTH AS A DIMENSION OF STATE POLICY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Eldar Bakpayev¹,
Adilkhan Mukhamedyarov²,
Bagysh Gabdulina³,
Danagul Kopezhanova^{4*}

¹ Doctoral student at L.N.Gumilyov Eurasian National University,
e-mail: eldar.bakpaev@mail.ru

² Doctoral student at L.N.Gumilyov Eurasian National University,
e-mail: A_Muhamedyar@mail.ru

³ Professor of L.N.Gumilyov Eurasian National University
e-mail: bagish68@yandex.ru

⁴ PhD, associated professor of L.N.Gumilyov Eurasian National
University, e-mail*: dana_enu_81@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.05>

Abstract. This article explores the role of social determinants of health in the collaborative efforts across various sectors of state social policy, emphasizing their significance in promoting societal health and well-being. Public health policy is underscored as a critical social imperative, with a particular focus on analyzing key international treaties recognizing the right to health as a distinct human rights category. The authors argue that the social determinants approach, which considers health in a broader societal context, is crucial. This approach recognizes the impact of actions extending beyond the health sector on overall well-being.

Keywords: *health, human rights, social determinants, World Health Organization, Alma-Ata Declaration, Astana Declaration*

ДЕНСАУЛЫҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТТЫҢ ӨЛШЕМІ РЕТІНДЕ: САЛЫСТЫРМА- ЛЫ ТАЛДАУ

Эльдар Бақпаев¹, Әділхан Мұхамедияров², Бағыш Габдулина³,
Данагүл Көпежанова^{4*}

¹ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты,
e-mail: eldar.bakpaev@mail.ru

² Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты,
e-mail: A_Muhamedyar@mail.ru

³ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры

электрондық поштасы: bagish68@yandex.ru

⁴ PhD, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің доценті, e-mail*: dana_enu_81@mail.ru

Андатпа. Бұл мақала денсаулықтың әлеуметтік детерминанттарының мемлекеттік әлеуметтік саясаттың әртүрлі секторлары бойынша бірлескен күш-жігердегі рөлін зерттеп, олардың қоғамның денсаулығы мен әл-ауқатын ілгерілетудегі маңыздылығына баса назар аударады. Қоғамдық денсаулық сақтау саясаты денсаулыққа құқықты адам құқықтарының ерекше категориясы ретінде мойындайтын негізгі халықаралық шарттарды талдауға ерекше назар аудара отырып, маңызды әлеуметтік императив ретінде атап өтіледі. Авторлар денсаулықты кеңірек әлеуметтік контексте қарастыратын әлеуметтік детерминанттар тәсілі шешуші мәнге ие деп санайды. Бұл тәсіл денсаулық сақтау секторынан тыс әрекеттердің жалпы әл-ауқатқа әсерін мойындайды. Социальные детерминанты здоровья как измерение государственной политики: сравнительный анализ.

Түйін сөздер: денсаулық, адам құқықтары, әлеуметтік детерминанттар, Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы, Алматы декларациясы, Астана декларациясы.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЯ КАК ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Эльдар Бакпаев¹, Адильхан Мухамедьяров², Бағыш Габдулина³, Данагуль Копежанова^{4*}

¹Докторант Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, e-mail: eldar.bakpaev@mail.ru

²Докторант Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, e-mail*: A_Muhamedyar@mail.ru

³Профессор Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева электронная почта: Bagish68@yandex.ru

⁴Кандидат биологических наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, e-mail: dana_enu_81@mail.ru

Аннотация. В этой статье исследуется роль социальных детерминант здоровья в совместных усилиях различных секторов государственной социальной политики, подчеркивая их значение в укреплении здоровья и благополучия общества. Политика общественного здравоохранения подчеркивается как важнейший социальный императив, при этом особое внимание уделяется анализу ключевых международных договоров, признающих право на здоровье как отдельную категорию прав человека. Авторы утверждают, что подход, основанный на социальных детерминантах, который рассматривает здоровье в более широком социальном контексте, имеет решающее значение. Этот подход признает влияние действий, выходящих за рамки сектора здравоохранения, на общее благополучие.

Ключевые слова: здоровье, права человека, социальные детерминанты, Всемирная организация здравоохранения, Алма-Атинская декларация, Астанинская декларация.

Introduction

In today's world, healthcare holds a significant place in a country's social policies, recognizing the independent value of citizens' well-being as a vital component of the nation's overall capacity. The right to health is considered a key element of the "common good," as articulated in the World Health Organization (WHO) Constitution [1]. According to the WHO Constitution, the enjoyment of the highest attainable standard of health is one of the fundamental rights of every human being without distinction of race, religion, political belief, economic or social condition [1].

This right is also backed by Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights, which declares that "Everyone has the right to a standard of living adequate for the health and well-being of himself and of his family, including foods, clothing, housing and medical care" [2].

In 1976, the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights came into effect. Article 12 of this document specifies that the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health is established in accordance with international law. The Covenant affirms that the right to health is closely interconnected with the realization of other human rights outlined in the Universal Declaration of Human Rights [3].

At the international conference in Almaty, Kazakhstan, in September 1978, representatives from 134 nations adopted the Alma-Ata Declaration, outlining healthcare goals. The Declaration stresses the unacceptability of health inequalities on political, social, and economic grounds. It asserts that "health, as a state of complete physical, mental, and social well-being — not just the absence of disease — is a fundamental human right." The Alma-Ata Declaration highlights achieving the highest health level as a crucial global task, requiring collaboration across social and economic sectors [4].

Certainly, the preservation of both individual and societal health constitutes a fundamental social function of the state. We believe that strengthening the social role has been the main developmental trend in the healthcare sector over the past few decades.

Problem Statement and Research Objective

According to the concept of "social interest," human rights result from social construction based on "public interests." Supporters of this concept argue that the consensus among states on including the right to health in international human rights treaties was achieved through a broad social process [5].

Supporters of this concept mainly rely on libertarian views, arguing that a government's ability to provide economic and social rights depends on having the necessary resources. According to this perspective, the right to health shouldn't be seen separately from other rights like education and housing, as they all require financial support. This approach requires us to prioritize and decide where limited resources should be directed to fulfill social rights, including the right to health. However, it's important to note that some researchers may not consider the possibility that social factors can worsen people's health [6].

However, the central challenge emerges during decisions regarding the allocation of state funds, necessitating distribution among various sectors, including healthcare, housing, and education. Researchers contend that the failure to address this matter at the international legal level suggests a lack of adequate justification for the right to health [7, p. 315].

In our view, there isn't a clear method that specifies exactly how legal, economic, and political resources should be allocated to ensure the realization of the right to health and other social rights.

Nevertheless, when we explore academic viewpoints built on the notion of "social interest," we can logically conclude that the right to health is fundamentally grounded on the communal objective of attaining the highest possible level of human health.

Social, economic, political, ecological, and cultural factors collectively shaping health are denoted as social determinants of health. Equitable access to education, official employment, a decent income, adequate housing, disability coverage, and other elements collectively contribute to the preservation of health.

The positive impact emanates from the presence of crucial elements such as infrastructure, skilled personnel, advances in medical science, and innovative technologies. Consequently, the most dependable strategy for safeguarding the health of the population involves a cohesive and coordinated effort across all government sectors, specifically targeting the social determinants of health.

In the present-day global landscape, the international community emphasizes the importance of safeguarding all fundamental human rights, recognizing their interconnected and inseparable nature. Among these, the right to health holds particular systemic significance. Hence, the objective outlined by the authors in this article is to examine the social determinants of health as a crucial aspect within the realm of state policy.

Literature overview

It is discernible that diverse aspects of the right to health have occupied a central position in the discourse among scholars. Overall, scholars interpret health as a complex and multifaceted category. Philosophical scholars stated that spiritual health is a fundamental component of human wellbeing in a society. Specifically, according to Hegel, health is permeated with both objectivity and subjectivity. He perceives it as a condition of the social organism, intricately linked to an elevation toward spiritual existence [8, p. 531].

As mentioned earlier, UN experts base their conclusions on a natural approach to human rights. They included this natural approach in international human rights treaties because they wanted to focus primarily on the strategic goal of development, which is the well-being of society [9]. In particular, J. Humphrey points out that the inclusion of provisions reflecting this approach in the Universal Declaration of Human Rights are of advisory nature and are non-regulatory [10].

Nevertheless, from our perspective, the degree to which the right to health is guaranteed within states is employed as a key criterion in evaluating the effectiveness of public policies in the healthcare domain at the political level. We align with D. Norman's assertion that social interests, serving as a conceptual basis for human rights, can attain the status of rights only when their role and the consequent obligations are acknowledged and recognized by states—the entities responsible for fulfilling these commitments [7, p. 15].

In general, although the right to health has become one of the categories of human rights at the international level, we see that key conceptual aspects regarding this right are not thoroughly developed in the scholarly discourse. Most legal scholars have labeled this situation as "intermediate" [11]. That is, the existence of the right to health is acknowledged; however, there is no unified understanding regarding

specific measures for the consistent implementation of the right to health in practice.

The pioneer of neoclassical economics, A. Marshall, refers to the health of the population as the foundation of material wealth and, consequently, the source of societal progress [12]. This is corroborated in the theory of "human capital," whose founder, G. Becker, views health capital as investments in individuals necessary for enhancing their productivity through the formation, maintenance, and fortification of their health. He introduced the concept of social returns on human capital that refer to the broader societal benefits derived from investments in individuals' health and skills [13].

As views on population health evolve, experts explore health not only as an economic concept but also as a social one. Notably, scholars like N. Adler and K. Newman argue that a nation's well-being is closely tied to the socio-economic activities of its population, directly correlated with their health [14]. Consequently, health assumes the role of a social determinant. In reality, disparities in socio-economic conditions have varied effects on other factors more directly linked to health levels, including healthcare, environmental conditions, and lifestyle.

Scholars contend that health is a crucial condition for the well-being not just of individuals but also of society as a whole. Undoubtedly, it stands as a key factor in the state's social policy. Despite the studies delving into theoretical aspects of healthcare development within social policy, we believe there is an ongoing relevance for a comprehensive investigation into issues associated with the social determinants of health—a crucial component of modern state policies.

In conclusion, experts agree that health is essential for both individuals and society as a whole. It's a key factor in shaping how a country plans its social policies. While there are studies on healthcare development in social policy, there's still a need to look into issues related to the things that affect people's health. This remains crucial for how countries make their modern policies.

Research Methodology

The study employed a fundamental set of interdisciplinary methods, with a primary emphasis on the functional method. This approach facilitated the exploration of connections between social dynamics and the political, economic, and institutional aspects of healthcare policy. The use of systemic-structural and institutional methods allowed for the demonstration of the multi-layered nature of state healthcare policy. These methods were instrumental in highlighting the central role of the state in shaping social policy and implementing the right to health. Moreover, they played a crucial role in identifying key normative acts associated with ensuring this right.

Discussion

As per the World Health Organization's Constitution, "the enjoyment of the highest attainable standard of health is one of the fundamental rights of every human being." A comparative examination of the WHO Constitution [1] and the Universal Declaration of Human Rights [2] reveals a broader conception of health within the WHO framework. This is primarily explained by the fact that the role of this global institution extends beyond narrow confines, encompassing various activities aimed at promoting healthcare development and enhancing people's well-being.

It's noteworthy that the WHO actively prioritizes social determinants of health. The Secretariat incorporates social determinants of health into its work across all levels of the Organization.

The approach rooted in social determinants has been incorporated into the strategies of various other programs. Presently, the emphasis on addressing social determinants of health is evident in over 80 cooperation strategies with countries. The WHO's internal knowledge network on health determinants, involving 16 Organization's programs, has been deliberately established to integrate the social determinants-based approach into WHO programs [15].

The WHO Secretariat supports applying this integrated approach at the country level, especially in primary healthcare. The organization's mission, as outlined in its work program, is to "strengthen health, maintain global security, and provide services to vulnerable population groups" [16].

Furthermore, acknowledging the crucial need to address health disparities on a global scale, the WHO instituted the Commission on Social Determinants of Health. Additionally, Article 12, Section 2, of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights places responsibilities on states to secure a specific standard of health and ensure widespread community access to medical services [3]. It can be clarified that this formulation articulates the goal of the state healthcare system.

Subsequent major international human rights treaties have not only reaffirmed the right to health, but also elaborated on it in many ways. In particular, equitable access to preventive and health care for all, including refugees and other migrants, is directly or indirectly provided for in a number of international legal and political human rights instruments, such as the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990 [17].

The right to health has been further reinforced in regional acts. For instance, consider the European Social Charter of 1961, adopted under the Council of Europe's guidance (Strasbourg, May 3, 1996) [18]. According to this charter, health serves as a measure of life quality and constitutes an essential aspect of an individual's social, economic, and cultural development.

As per regional regulations, it's worth noting that the core principles of the European Union regarding health are outlined in Article 168 of the Treaty on the Functioning of the European Union. This article, amended in accordance with the Lisbon Treaty, emphasizes that "a high level of human health protection shall be ensured in the definition and implementation of all Union policies and activities." [19].

We also consider the activities of the WHO Regional Office for Europe, of which the Republic of Kazakhstan is a member, to be significant. The Regional Office for Europe is one of the six regional offices of the organization, each of which has its unique program. Currently, the WHO Strategy is being implemented in this region, detailed in the framework of the European Work Programme for 2020-2025 – "United Actions to improve health in Europe", which was adopted at the 70th session of the Regional Committee for Europe in 2020 [20].

Another notable example in the European region underscores the interconnection of the health system with social determinants. The Protocol on Water and Health, an extension of the 1992 Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes, mandates the region's countries to establish goals and provide progress reports in areas such as water and sanitation access and the reduction of water-related diseases [21].

Furthermore, it is essential to acknowledge the significant role played by various UN agencies, bodies, and programs, not limited to WHO alone, in actively contributing

to the advancement of national health systems. Entities such as UNICEF, ILO, UNIFEM, the United Nations Population Fund, the World Bank, IMF, UNAIDS, and other UN agencies collaborate effectively with participating States, leveraging their collective expertise to reinforce the socio-economic foundation of public health.

It should be noted that WHO's initiatives are closely aligned with partner institutions in the broader multilateral system beyond the UN framework. The WHO secretariat collaborates with numerous global and regional governance bodies. This indicates the establishment of an informal United Nations platform on the social determinants of health, aimed at coordinating information and advocacy, conducting research, building capacity, and providing collaborative technical assistance to Member States.

International cooperation has the potential to enhance the flow of information, resources, expertise, and knowledge among countries. Global governance entities, such as WHO and other international organizations, play a crucial role in facilitating the exchange of experiences. They can streamline the provision of essential technical resources and current data by participating countries through clearinghouses and networks.

Therefore, in our view, adding a separate category, human right to health, in both core international and regional human rights treaties, will prioritize this right in the political agendas of states. This prioritization is further underscored by the obligation of participating states to undertake requisite measures to guarantee the right to health for everyone.

Most importantly, the WHO assists countries in developing national healthcare programs. According to the Tallinn Charter of the WHO, "Within the political and institutional framework of each country, a health system is the ensemble of all public and private organizations, institutions and resources mandated to improve, maintain or restore health. Health systems encompass both personal and population services, as well as activities to influence the policies and actions of other sectors to address the social, environmental and economic determinants of health"[22].

In preparing any nationwide plan, countries should formulate strategies that prioritize the protection of both individual and societal health. It is noteworthy that the Astana Declaration was adopted during the global conference on primary healthcare, "From Alma-Ata to Universal Health Coverage and Sustainable Development Goals," held in Astana on October 25-26, 2018. In this significant document, WHO member states reaffirmed their commitment to "addressing the economic, social, and environmental determinants of health and striving to reduce risk factors through the adoption of the 'Health in All Policies' approach" [23].

Conclusion

The social determinants approach is grounded in recognizing the extensive societal value of health and the acknowledgment that factors influencing health extend well beyond the health sector.

The social determinants approach assumes that health inequalities cannot be eliminated without eliminating social inequalities.

In recent years, researchers of public health have focused on determining factors that directly affect health and contribute to health inequalities. The WHO Commission on Social Determinants of Health, established in 2005, stands on the idea that the origins of unhealthy lifestyles are rooted in the broader social environment.

In conclusion, addressing the social determinants of health requires action at both

national and global levels. It is crucial to empower countries through effective global strategic leadership to support their efforts in addressing these determinants.

References

1. WHO | Basic documents [Electronic resource]. - 2009. - URL: https://apps.who.int/gb/bd/pdf_files/BD_49th-en.pdf (accessed: 01.02.2023).
2. Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource]. - 2009. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: 01.02.2023).
3. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [Electronic resource]. - 2019. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed: 01.02.2023).
4. Alma-Ata Declaration [Electronic resource]. - 2009. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/almaata78.shtml (accessed: 01.02.2023).
5. Buchanan A. Justice and Health Care. - Oxford: Oxford University Press, 2009. - 272p.
6. Merritt M. Bioethics, Philosophy and Global Health // The Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics. - 2007. - No. 7. - P. 273-317.
7. Norman D. Just Health: Meeting Health Needs Fairly. - New York: Cambridge University Press, 2008. - 397p.
8. Hegel G.W.F. Collected Works. Vol. 2. Philosophy of Nature. - M.: Media, 2012. - 768 p.
9. Rosenblum P. Teaching Human Rights: Ambivalent Activism, Multiple Discourses and Lingering Dilemmas // Harvard Human Rights Journal. - 2002. - No. 15. - P. 301-315.
10. Tomas J., Humphrey J. Human Rights and the United Nations: A Great Adventure. - New York: Transnational Publishers, 1984. - P. 350.
11. Sunstein C. Incompletely Theorized Agreements // Harv. L. Rev. - 1995. - No. 108. - P. 1733-1740.
12. Marshall A. Principles of Economics [Electronic resource]. - 2012. - URL: <https://library.wunu.edu.ua/files/EVD/HTML/marshall/marshall.htm> (accessed: 23.06.2023).
13. Becker D.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. - Chicago: The University of Chicago Press, 1964. - 412 p.
14. Adler N.E., Newman K. Socioeconomic Disparities In Health: Pathways And Policies // Health Affairs. - 2002. - No. 2. - P. 60-76.
15. Social Determinants of Health: Results of the World Conference on Social Determinants of Health [Electronic resource]. - 2011. - URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/25902/B130_15-ru.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 21.10.2023).
16. WHO Official Website [Electronic resource]. - 2008. - URL: <https://www.who.int/ru/about/what-we-do/who-brochure> (accessed: 01.04.2023).
17. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families [Electronic resource]. - 2019. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml, as of January 20, 2019 (accessed: 01.04.2023).
18. Council of Europe Website [Electronic resource]. - 2015. - URL: <https://www.coe.int/T/E/Social-cohesion> (accessed: 01.04.2023).
19. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. [Electronic resource]. - 2008. - URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:115:0047:0199:en:PDF> (accessed: 01.04.2023).
20. The WHO Regional Committee for Europe: an explainer [Electronic resource]. - 2018. - URL: <https://www.who.int/europe/about-us/governance/regional-committee/the-who-regional-committee-for-europe---an-explaine> (accessed: 01.04.2023).
21. Regional report on the status of implementation of the Protocol on Water and Health to the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. [Electronic resource]. - 2010. - URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2010/wat/> (accessed: 11.07.2023).
22. The Tallinn Charter: Health Systems for Health and Wealth [Electronic resource]. - 2020. - URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf/ (accessed: 18.07.2023).
23. Declaration of Astana [Electronic resource]. - 2018. - URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-HIS-SDS-2018.61> (accessed: 19.07.2023).

THE NEED AND WAYS TO UPDATE THE MODERN INTERNATIONAL ORDER

Nurlan Nurseit

Professor of the Faculty of Economics and
Entrepreneurship, Doctor of Economics
(Kazakh-German University, Almaty), e-mail: nurseit@
dku.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.06>

Abstract. The purpose of this study is to consider the problems of the modern international order that impede its effective functioning. The article focuses on a critical assessment of the modern international order, the consequences of its failures and ways to eliminate them. The modern international order is a well-designed decentralized system of multilateral governance that generally reinforces the norms of equality and non-discrimination. But in practice, this mechanism often fails. The reasons for its failures are the lack of effective mechanisms for neutralizing wars, the absence of uniform rules, the outdated structure of the UN Security Council, and the unequal right of veto among its members. This is evidenced by the ongoing local military conflicts in the world. The article substantiates the need and suggests ways to update the international order that ensures sustainable peace and security for all countries of the world. In addition, issues of calculating reparations for damage caused by the annexation and occupation of the territory of another country are considered.

Keywords: *international order; conflicts, reparations, UN Security Council.*

ҚАЗІРГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘРТІПТІ ЖАҢАРТУ ҚАЖЕТТІЛІГІ МЕН ЖОЛДАРЫ

Нұрлан Нұрсейіт

Қазақстан-неміс университетінің экономика және кәсіпкерлік факультетінің профессоры, экономика ғылымдарының докторы, e-mail: nurseit@dku.kz

Аңдатпа. Бұл зерттеудің мақсаты қазіргі заманғы халықаралық тәртіптің тиімді жұмыс істеуіне кедергі келтіретін мәселелерін қарастыру болып табылады. Мақалада қазіргі заманғы халықаралық тәртіпке сыни баға беру, оның сәтсіздіктерінің салдары мен оларды жою жолдары қарастырылады. Қазіргі заманғы халықаралық тәртіп теңдік пен кемсітушілікке жол бермеу нормаларын тұтастай күшейтетін көпжақты басқарудың жақсы жобаланған орталықсыздандырылған жүйесі болып табылады. Бірақ іс жүзінде бұл механизм жиі сәтсіздікке ұшырайды. Оның сәтсіздікке ұшырау себептері

соғыстарды бейтараптандырудың тиімді тетіктерінің және бірыңғай ережелердің жоқтығы, БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің ескірген құрылымы, оның мүшелері арасындағы вето құқығының теңсіздігі. Бұған әлемде болып жатқан жергілікті әскери қақтығыстар дәлел. Мақалада әлемнің барлық елдері үшін тұрақты бейбітшілік пен қауіпсіздікті қамтамасыз ететін халықаралық тәртіпті жаңарту қажеттілігі негізделеді және жолдар ұсынылады. Сонымен қатар, басқа елдің аумағын аннексиялау және басып алу салдарынан келтірілген залал үшін репатриацияларды есептеу мәселелері қарастырылады. .

***Түйін сөздер:** халықаралық тәртіп, қақтығыстар, репарациялар, БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесі.*

ПОТРЕБНОСТЬ И ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Нурлан Нурсейт

Профессор факультета экономики и предпринимательства Казахстанско-немецкого университета, доктор экономических наук, e-mail: nurseit@dku.kz

Аннотация. Целью данного исследования является рассмотрение проблем современного международного порядка, препятствующих его эффективному функционированию. В статье основное внимание уделяется критической оценке современного международного порядка, последствиям его провалов и путям их устранения. Современный международный порядок представляет собой хорошо продуманную децентрализованную систему многостороннего управления, которая в целом укрепляет нормы равенства и недискриминации. Но на практике этот механизм часто дает сбой. Причинами его неудач являются отсутствие эффективных механизмов нейтрализации войн, отсутствие единых правил, устаревшая структура Совета Безопасности ООН, неравное право вето среди его членов. Об этом свидетельствуют продолжающиеся локальные военные конфликты в мире. В статье обосновывается необходимость и предлагаются пути обновления международного порядка, обеспечивающего устойчивый мир и безопасность для всех стран мира. Кроме того, рассмотрены вопросы расчета репатриации за ущерб, причиненный аннексией и оккупацией территории другой страны.

***Ключевые слова:** международный порядок, конфликты, репарации, Совет Безопасности ООН.*

Introduction

After the World War II, the United States (US) and its partners built a multifaceted and sprawling international order, organized around economic openness, multilateral institutions, security cooperation and democracy [1]. The prevention of interstate wars and the regulation of the use of force were two founding principles of the liberal international order that took shape after World War II. The main strength of this world order is it's a win-win economic model: growth in one country breeds growth in another [2].

As a result, the number of major conflicts has sharply decreased and their nature has changed. Conflicts now tend to be less deadly and often waged between domestic groups rather than states. The number of combat losses also decreased. According

to UCDP estimates, in 1950 there were 236 deaths per million people, and in 2015 - already 13 deaths [3]. Today, crime kills far more people than armed conflicts [4].

International agreements have also helped to reduce the number of victims. In 1949, all countries signed four Geneva Conventions - agreements that govern the rules of conflict. All of them pledged to protect prisoners of war and the wounded and not to attack civilians who are not participating in the war [5].

However, despite the creation of the United Nations [6] in 1945, in practice, the international system to this day is deprived of a real ability to ensure world security. Small local military conflicts continue to occur. This is facilitated by the development of new technologies and types of weapons, such as cyberattacks, the use of artificial intelligence, robotization and the livestreaming of extremist attacks, and by new ways of conducting military operations, such as the hybridization of war, information and cyber-attacks, and support for insurgents on enemy territory [5]. Today's conflicts are less numerous but deeply rooted [6].

A particularly striking example, when international order does not work properly, is the current situation in Ukraine. This escalation was caused by Russia's direct military invasion of Ukraine on 24 February 2022, despite the fact that Russia, according to the Budapest Memorandum concluded in exchange for Ukraine's renunciation of nuclear weapons, became one of the guarantors of its territorial integrity on 5 December 1994. To be more precise, this conflict began nine years ago, when Russia annexed Crimea in February-March 2014, and in May of the same year established military control over part of Eastern Ukraine, creating the self-proclaimed Lugansk and Donetsk People's Republics (LPR and DPR).

Thus, it becomes obvious that the mechanism of international security is experiencing serious failures. Existing international bodies, such as the UN, have so far shown themselves to be "toothless" organizations that exhort violators, but do not have sufficient capabilities to bring the aggressor to justice and restore the initial status quo.

Therefore, the purpose of this article is to study the shortcomings of the modern international order that impede its effective functioning, as well as to find ways to modernize it to ensure more sustainable peace and security throughout the world.

Liberal internationalism emerged after the Second World War as a vision for the western order [7]. It is a collective security system in which sovereign states act together to uphold a system of security and peace. This vision is reinforced by open trade, national self-determination, and the liberal democracy [1].

Research methods

The work examines the modern world order and defines its distinctive features. Using the method of historical cases made it possible to determine the possibility of restoring the initial status quo violated during the war conflicts. The use of method of structural analysis made it possible to identify the key causes of failures in the world order associated with the institutional problems of the functioning of international organizations, in particular the UN and its Security Council, as well as to determine effective measures to address them.

Research results

Liberal internationalism emerged after the Second World War as a vision for the western order [7]. It is a collective security system in which sovereign states act

together to uphold a system of security and peace. This vision is reinforced by open trade, national self-determination, and the liberal democracy [1].

The contemporary international order

The post-war liberal order was built around a system of multilateral governance. The key feature that distinguishes international from domestic politics is that, in the international sphere, political units are forced to co-exist in the absence of an overarching authority [8].

National governments are remaining the primary source of authority. They conduct relations through multilateral institutions that facilitate cooperation. Such an order allows reinforcing norms of equality and non-discrimination, thereby giving the order more legitimacy. This is the main difference from the system proposed after the First World War, which was built around civilizational, racial and cultural hierarchies [1].

The four components constitute the core elements of the post-war international order: a rules-based free trade system; strong alliances and sufficient military capabilities for effective deterrence; multilateral cooperation/international law to solve truly global problems, such as the non-proliferation of weapons of mass destruction, the spread of democracy [9].

The existing international order includes not only institutions like the IMF, the WTO, the UN, the G-20, formal and informal cooperation between states, and rules like Basel, but also the way major states operate in the global economy, the general principles underlying global economic activity, and the relevant patterns [2], [10].

At this order the US plays a decisive role. In security affairs, the US established an array of security partnerships, beginning with NATO and alliances in East Asia. In the management of the world economy, the Bretton Woods international financial institutions became tied to the American market and dollar. The American domestic system - its market and polity - became 'fused' to the evolving and deepening post-war liberal order [1].

The UN was created as central collective body to manage international order. It consists of two institutions: the UN Security Council and the General Assembly.

The UN Security Council has primary responsibility for the maintenance of international peace and security [11]: plays a leading role in determining whether there is a threat to the peace or an act of aggression; calls on the parties to the dispute to settle it amicably; recommends its methods or conditions; may take coercive measures to maintain or restore peace and security, which range from economic sanctions to international military action. It also establishes UN peacekeeping operations and special political missions. Security Council has fifteen members, of which five are permanent members (China, France, Russia, the UK and the US) and ten members are non-permanent members elected for two-year terms. Each member has one vote. The members of the UN agree to abide by and carry out the decisions of the Security Council. A state which is not its member may participate in deliberations, without the right to vote [12].

The General Assembly plays an important complementary role in promoting peace and security, as it is the main deliberative, policy-making, and representative body of the UN and offers opportunities to reach consensus on difficult issues, providing a forum for diplomatic negotiations and grievances. Peace and security issues are dealt with by the First Committee (Disarmament and International Security Issues) and the Fourth Committee (Special Political and Decolonization Issues) [13].

Evidence of the failures of the contemporary international order

This seemingly well mechanism does not always cope with the expectations placed on it. Sometimes it crashes. Some experts attribute this to the rapid growth in the number and diversity of states with different levels of development, attitudes and traditions at the end of the Cold War and the beginning of globalization, which undermine the sense of security of community [1].

However, the growing divergence does not mean that it will necessarily damage the current world order. This can only be the case if the order itself is imperfect. Other experts believe that the reason for its failure is adverse economic conditions that lead to stagnation in the fortunes of the western working and middle classes [14]. However, any stagnation is also a consequence of the imperfection of the order itself, and not its cause. The failures, in our opinion, are due to the fact that the existing international order has built-in flaws.

The first such flaw is the orientation of the existing world order towards maintaining the status quo of the leading world countries at the time of its creation, that is, at the end of World War II. However, since then the situation in the world has changed a lot. Therefore, the international order today should be served not in the interests of the former leading world powers, but in the interests of the majority of states, since many of their previous military gains, which were associated with the violation of the sovereignty, rights and freedoms of other countries, were left unchanged.

Let's explain this with a simple example. Suppose one person occupied part of another person's house. According to the norms of criminal law used at the national level of each country, this person will be considered a robber, must be detained, rendered harmless, and the part of the housing seized by this person must be returned to the victim with full compensation for the damage caused. However, in the relationship between countries, such a fair solution to the problem in current conditions often does not occur. If one country seized by force a part of the territory of the neighbour country, and holds it in its own interests, then the world community does not always have the opportunity to bring the offending country to justice. This is especially true when it comes to a large country with a large arsenal of modern weapons, including nuclear ones. As a result, the occupying country finds itself unpunished for those norms of international law that it has violated, which encourages the further development of its aggressive behaviour. At the same time, the victim country cannot return the occupied territories and property to its jurisdiction, which undermines the population's faith in the international order.

Unfortunately, this situation can last for a long time, sometimes years and centuries, until the victim country achieves a military opportunity to return the lands and property illegally seized from it. For example, on 5 December 1994, Ukraine gave up its nuclear weapons, which it inherited after the collapse of the USSR, in exchange for economic assistance from Western countries and guarantees of the integrity of its territory. This was spelled out in the Budapest Memorandum. The guarantors of its territorial integrity were Russia, UK, and the US. Later, China and France joined the memorandum (with reservations). However, despite its international obligations to be the guarantor of the territorial integrity of Ukraine, in 2014 Russia grossly violated its obligations by annexing part of its neighbouring territory, namely Crimea (explicitly) and part of the Donbass (implicitly). Since then, for nine years, the world community has not been able to take effective measures to

return the situation to its original status quo. The exception is its verbal admonitions and the adoption of a number of sanctions against certain Russian citizens and firms involved in the annexation. The reason for its indecisive behaviour was that Russia had the second largest army in the world and a significant nuclear arsenal. The reaction only changed in 2022, when Russia launched a military aggression against Ukraine with the aim of annexing its entire territory. In this case, the West not only extended the sanctions against Russian citizens and firms but also began to provide Ukraine with military equipment and assistance. This attempt helped Ukraine not only to survive, but also to launch a counteroffensive.

Consider another example. As a result of World War II, the USSR annexed the entire Sakhalin and the Kurile Archipelago, although Japan did not declare any war on it. As a result, the Japanese still believe for 77 years that these lands are under Russian occupation [15]. The world community has made no attempt to restore the status quo. The reason was that Japan was the losing side in World War II.

One more example, the Kazan Khanate was captured by Russia by military means in 1552. The key purpose of the capture was the expansion of its territory [16]. Even after 470 years, there is no question of return of the territories, and the payment of reparations, since Russia won the war.

The second flaw of the existing international order is that there are no uniform laws binding on all countries that would regulate all aspects of international interaction between countries. In particular, strong countries do not consider themselves obliged to obey the general rules. This is the fundamental difference between international law and national law, where, unlike the latter, even an illegal result is not disputed by anyone. Currently, the ancient Roman principle of “vae victis” continues to operate - according to which the winners can treat the vanquished as they see fit.

Of course, over the past two centuries, some international acts were adopted that regulate various aspects of international security, as the Hague Conventions of 1899 and of 1907, the Geneva Conventions of 1949, the Genocide Convention of 1948 [17], and the Universal Declaration of Human Rights [18]. Many international acts have also been adopted in the field of finance, transport, pollution, etc.

However, despite the adoption of these norms, their acceptance for each country is voluntary and there is no single international legislation binding on all countries. For instance, the George W. Bush administration believed that the US should not be limited by the potential for investigations, inquiry, or prosecution by the International Criminal Court, whose jurisdiction does not extend to Americans and which we do not accept [19]. However, if the most powerful actor is not constrained by the order it has created, how can the order be sustained? [9].

The third drawback is that there is no effective international body with all the necessary powers and effective tools that could stop any aggression and return to the original status quo, punish the occupier and compensate for the harm caused to the victims of the seizure.

In modern international practice, for the illegal annexation of a foreign land of a country, the aggressors, along with the return of the occupied territories, must pay reparations, that is, payments that compensate for the losses to the affected party from the violation of international law. Reparations mean the recognition of the guilt of the aggressor country in the crimes committed, allow compensating for the damage caused by it within a specified period of time, and lay the foundation

for reconciliation between countries after the conflict. Reparations concern not only compensation for damage to countries, but also to specific citizens who have suffered from the crimes of the state, the actions of its armed forces.

The obligation to compensate for damages can arise either on the basis of a peace treaty between the parties, or by decision of international organizations such as the Security Council or the International Court of Justice. The first option (a peace treaty) can be concluded in the event of a military defeat and the capitulation of the aggressor country. The second option (the decision of international organizations) assumes the presence of a positive decision of an authorized international body (such as the Security Council or the International Court of Justice).

However, in modern international law, illegal territorial and other property acquisitions that countries have received in the past as a result of wars can still be considered legal. For example, the annexation of the territories of Kazan Khanate by Moskoviya in 1552, and Texas by the USA in 1845, and etc. just confirm it. These annexations were not disputed in court, as they occurred at a time when there were no international organizations like the UN. However, this does not negate their unfair nature, and, consequently, the possibility of filing a complaint against them in the future.

The annexation of the territory of other countries took place despite the creation of the UN in 1945. These include the annexation of Kashmir by India in 1947, Tibet by the PRC in 1950, Goa by India in 1961, Gaza Strip and the West Bank of the Jordan by Israel since 1967, Nagorno-Karabakh of Azerbaijan by Armenia in 1991-2023, South Ossetia and Abkhazia by Russia in 2008, Crimea, parts of Donetsk and Lugansk regions by Russia c 2014 and other cases.

All this testifies to the weakness of the current international order, which has not been able to resolve these conflicts. The failure of the international order is especially obvious when the territorial annexation was carried out along with the genocide of the people, how it happens today in Ukraine and Gaza Strip.

Unlike international law, in the national law, such a situation is not possible. No matter how much time has passed, the illegal seizure and appropriation of someone else's property is considered a crime and the guilty party must not only return this property, but also pay compensation for the damage caused, as well as incur criminal penalties.

At present, the following instruments are used to force the aggressor country to pay reparations: agreement, coercion and confiscation.

The first tool is usually used in the event of a military defeat of the aggressor country, its complete surrender, when it agrees to any conditions that return the status quo. If the aggressor country did not suffer defeat, but only returned to its former borders, that tool is difficult to apply, since the aggressor country will not want to take on the cost of reparations in favour of the injured party without external coercion.

The second tool is coercion, when the international community of the aggressor country to pay reparations by decision of the UN Compensation Court or the International Court of Justice (ICJ). For example, by decision of the Compensation Court, Iraq was forced to make reparations in favour of Kuwait after the Iraqi invasion and occupation of the country. However, if the aggressor country is a permanent member of the UN Security Council, then this tool does not work, as such a member will try to block the decision of the UN Compensation Court.

“When the U.S. allowed the ICJ to rule on its war against Nicaragua in 1986, the court ruled that deployment of the “Contras” to invade and attack Nicaragua and the mining of Nicaragua’s ports were acts of aggression in violation of international law, and ordered the U.S. to pay war reparations to Nicaragua. When the U.S. declared it would no longer recognize the jurisdiction of the ICJ and failed to pay up, Nicaragua asked the U.N. Security Council to enforce the reparations. The U.S. vetoed the resolution” [20, p. 1].

The ICJ has the right to consider cases only if both parties to the conflict agree to this. Its powers are limited to prosecuting individuals on charges of genocide, crimes against humanity and war crimes. To consider claims related to country aggression, it needs a UN Security Council resolution, and obtaining it is also problematic if the aggressor country is a permanent member of the UN Security Council and has the right to veto its decisions.

And the third tool is the confiscation of the property of the aggressor's country to compensate for the losses of the injured party. Changes in national legislation should make it possible to confiscate such assets. Such a mechanism was set out in the 2005 UN General Assembly resolution on reparations, which was adopted precisely for the case when the aggressor country refuses to compensate for the damage or denies it [21]. Canada was the first to pass such a law in the summer of 2022. Theoretically, in the event of a war in Ukraine, the immunity of Russia’s sovereign assets can be overcome if Russia is prosecuted as an aggressor state by a UN decision. Such a decision also requires the consent of all members of the UN Security Council, which, given the current political position of Russia and China, is now impossible [22].

Thus, the modern architecture of the settlement of international conflicts does not allow a country that is a permanent member of the UN Security Council to be held accountable for the annexation and genocide.

Consequences of failures of the contemporary international order

When one country seizes the territory and property of another country, two scenarios are possible: the first one assumes that the aggressor country receives a worthy military rebuff from the victim country, and the second one assumes that the aggressor country destroys the armed forces of the victim country. The legal and economic consequences for both cases in terms of international law will be completely different.

If the aggressor country receives a worthy military rebuff from its victim, which forces it to surrender, then, the aggressor country can be held accountable for the economic and moral damage caused to it in relation to the victim country. For example, Germany compensated the USSR for the damage caused to it as a result of military aggression. Germany was to pay 20 billion dollars (in 1938 prices), of which ten billion would have the right to receive the USSR, eight billion - the US and the UK and two billion are the other allies [23]. And the war criminals who unleashed the war were prosecuted.

If the aggressor is not completely defeated, then, there is no question of any compensation for the damage caused and punishment of the aggressor. The war between Azerbaijan and Armenia in the fall of 2021 is indicative in this respect. Armenia captured 13.6% of the territory of Azerbaijan and hold full control over it for 30 years. And only because of victory in the 44-day war, Azerbaijan was able to return the most of occupied territories [24]. However, it was unable to impose

reparations on Armenia for the 30-year occupation of its lands and bring war criminals to justice.

If the aggressor country fully defeats the military forces of the victim country, then, as a rule, it avoids any kind of responsibility. Moreover, it is rewarded with the opportunity to dispose of the resources and territory of the victim country at its discretion. For example, after the annexation of Crimea in 2014, Russia appropriated all state property of Ukraine located on the peninsula, two-thirds of its military fleet, and also stopped paying rent for the presence of Russian troops on the peninsula [25].

Naturally, such an order is unfair, but it continues to be preserved and operate. Therefore, it is necessary to reform the current international order of relations between countries so that it fully complies with the spirit of the times and modern requirements for security, transparency and responsibility of each country.

The discussion of the results

There are various reasons why the modern international order fails. These include the lack of effective mechanisms to neutralize wars, the lack of unified rules, the outdated structure of the UN Security Council, and unequal right on veto among its members.

In this regard, we can cite the words of Hanna Maliar, First Deputy Defence Minister of Ukraine, said that modern tools, such as negotiations, sanctions, and the presence of deterrent weapons to stop wars, do not currently work: Negotiation? Try to apply them now. We have been in the Minsk process since 2014. Sanctions do not stop the war. Nuclear weapons, which were supposed to create this balance, to keep the world from war, do not do so, either. There is no tool to moderate wars. They all understand that this is not a problem for Ukraine, it is a problem for all of Western civilization [26].

Let's analyse each of these fails of the international order separately.

Lack of effective mechanisms to neutralize local wars

The UN does not have effective mechanisms to deal with small local conflicts, despite the fact that these challenges are regularly discussed by it. This is due to the fact that they are usually carried out by proxy on the territories of third countries using hybrid methods of warfare, which significantly reduces the UN's ability to resolve them in a timely and complete manner.

So the inability to solve the problems of Donbas in Ukraine by the authorities of the country itself was because the separatist military formations of this enclave were actively and secretly supported by weapons, ammunition, finances, and volunteers from Russia. Formally the Russian authorities never recognized themselves as a participant in the conflict between Kyiv and the self-proclaimed republics and they denied their military assistance to them. Actually, they were interested in its continuation. This is proved by the fact that this conflict turned into a smouldering one, despite the fact that the military power of Ukraine many times exceeded the power of these formations and allowed the situation to be quickly resolved in its favour.

The military operation launched by Russia against Ukraine on 24 February 2022 confirmed that Russia's denial in the conflict was a pure propaganda bluff to mislead the world community regarding its participation in this.

The lack of unified international rules

Another reason is the lack of unified international rules that would unambiguously

interpret the interaction between different countries on a single legal basis, as well as define common legal grounds for imposing sanctions on countries that violate existing norms of international law and also launch a compensation mechanism for countries affected by aggression by seizing and withdrawing this money from the accounts of aggressor countries. There are no such international laws yet, they are only being developed by the international community.

Therefore, at present, no violating country can be legally held accountable and properly punished for violating international law, since there are no uniform binding international rules. Although the UN has the right to take action on behalf of the world community to bring its violators to justice, it is currently unable to effectively perform these tasks due to its outdated architecture.

The outdated structure of the UN Security Council

An important reason for the failures of the contemporary international order is the structure of the UN Security Council, in which five key places were awarded to the five victorious countries of World War II. These countries themselves do not always pursue a responsible foreign policy, since they are former colonial empires (Great Britain, the USA, France, Russia and China). Some of them believe that they are not obliged to follow the rules set by international institutions for their members.

The remaining ten non-permanent members are elected for a two-year term on a geographical basis. If 78 years ago this was a completely logical decision, now such a design does not meet the requirements of the time. For example, Germany occupies an important place not only in the European Union, but throughout the world, but it does not have permanent membership in the Security Council [27]. This situation is unacceptable both in terms of the size of the countries' economies and in terms of their geographical or religious role in the world. In terms of size, the economies of the USA and China, Japan, Germany, and India should have remained in the top five, and Russia and the UK will have to leave the top five. By geography, the countries of Latin America, the Middle East and Africa are not represented among the permanent members, as well as Islamic countries by confessions [27]. In this, Turkish President Recep Tayyip Erdogan is absolutely right when he said that the structure of the UN Security Council, which leaves more than 7 billion people to the discretion of five countries, is neither fair nor sustainable [28].

Recently, the President of Kazakhstan Tokayev noted that there is now stagnation in the work of the UN Security Council, so reform of its activities is required. To do this, he proposed including the countries of the Global South in the UN Security Council [29].

Unequal right to veto among UN members

As mentioned, only the permanent members of the Security Council have the right to veto. This gives them the ability to block any resolution, even if it is supported by all other countries. Some experts even say that members of the "five" sometimes abuse this right in their interests, which do not meet the general interests of the world community. Because of this, some important world problems are not reflected in the resolutions of the Security Council. And these are not isolated cases.

The presence of a veto can slow down the solution to various world problems. Since 1946, the veto has been used 293 times [11]. The egregious use of the veto to achieve unrighteous ends is Russia's veto of a February 25, 2022 Security Council resolution condemning its military attack on a neighbouring country. However, due to the Russian veto, this important resolution was blocked [30]. On December 9,

2023, the United Arab Emirates drafted a humanitarian resolution demanding an immediate ceasefire in the Palestinian-Israeli conflict zone in the Gaza Strip. 13 out of 15 members of the UN Security Council spoke in support of the document. However, the United States exercised its veto power in the UN Security Council and blocked a draft resolution [31].

The lack of equality in the powers of different members of the UN leads to the fact that the UN does not always pursue a single and clear policy towards countries that violate the norms of international law. Its effectiveness often depends on whether they affect the interests of the permanent members of the UN Security Council. If the country is not a permanent member, then the UN pursues a more resolute and tough policy, and if its policy affects the interests of such a member, then the UN pursues a more tolerant and soft policy. The result of such an inconsistent policy is that some international conflicts are not resolved for years, and turn into smouldering hotbeds of tension.

For instance, the current Russian attack on Ukraine could not have taken place if the West had timely intervened in smouldering conflicts in other parts of the world, such as in Chechnya in 1994-1996 [32] and in Syria in 2011-2022, where Russia began for the first time to use carpet bombing of settlements [33], [34]. During this time, the UN has not taken active and decisive steps to end these conflicts, considering them to be an internal affair of these countries, thereby stimulating further aggressive behaviour of their authorities. The main reason for this inconsistent behaviour was that Russia is a permanent member of the UN Security Council. The situation changed only when Russia attacked Ukraine for the second time. In this case, Russia was threatening the very security of Europe, which was unacceptable to the West. This served as a trigger for the West to supply modern weapons to Ukraine.

Another clear example of the abuse of the veto right is the policy of the US, which “systematically violates the U.N. Charter’s prohibition against the threat or use of force, manufacturing political justifications to suit each case and using its Security Council veto to evade international accountability” [20].

The next example of the failure of the international order is the situation with the admission of Turkey to the EU. Turkey cannot become a member for 30 years, while some other states, such as Bulgaria and Romania, which also do not fully comply with EU requirements [35], have long since become its members. In our opinion, the main reason was probably a different religion. But Europeans are embarrassed to talk about it, since they are not mentioned in the EU membership criteria.

Thus, we can state the sad truth that the current international order is by no means functioning properly. It does not prevent military aggression on the part of violating countries, nor does it force them to return to the status quo and pay material and moral compensation to the affected countries, as is usually the case in national legislation. Therefore, it needs urgent and radical reform.

Vision of an updated international order

Similar legal rules should apply between states, as those that apply within each country between its individuals or firms when they commit illegal acts, such as seizure of another's property or robbery. In this case, the aggressor country must return occupied territories and property, and pay mandatory reparations to the victim country for the harm caused to the latter as a result of a military attack. This is due to the principle of sovereignty [9], which means, that each country has the right to

independent development and the priority of national law on its own territory, except in cases where the country has voluntarily signed international treaties restricting its rights in favour of supranational organizations.

The renewed international order requires the creation of unified international laws based on the principle of national sovereignty that would regulate interaction between all countries on a fair, transparent, and mutually beneficial basis. All interested countries should take part in its development, and the introduction should be ensured based on international consensus on all key issues. As in the internal legislation of democratic countries, where there are no exceptions for any citizens, so in the international order, there should be no privileged countries, regardless of their merits in creating world order or maintaining it.

Of course, many contemporary politicians and experts, mostly from developed countries, deny the need to change the international order on an equitable basis. Why do they take such an ostrich stance? Let's make an attempt to answer this question. They fear that changing the international order on an equitable basis will open a Pandora's Box that could lead to unpredictable results. Therefore, they advocate maintaining the status quo, allowing only minor cosmetic improvements. However, such a position is not only politically short-sighted, but also threatens the long-term stability of the world international order, since unresolved and ignored problems are highly likely to lead to new conflicts in the future. We believe that it is better to face the truth and start making the necessary changes than to pretend that all is well, knowing that unresolved issues can, at some point in time, blow up the established international order because it is not inherently fair.

Transformational logic suggests that common rules and norms can drastically reduce conflicts of interest and power politics between states, creating the conditions for a more stable and just order than the power-based logic which was previously practiced in international relations [9]. All countries must be treated as equals before international laws. Otherwise, we will get the old order, where there are both seniors and junior countries, but where there is no real justice in international relations.

The following method of resolving conflicts seems to be the most appropriate. If two countries contest a particular territory, then the real owner should be the country that previously owned this territory and which was forcibly annexed from it as a result of the aggressive actions of other country. Aggressor country that has seized foreign territories must be deprived of them and should pay reparations for the economic and moral damage caused to the people of the occupied country (Annex 1). Even if a long time has passed since the occupation, the people expelled from their homeland should be given the opportunity to return to their homeland with the right to restore the national jurisdiction. A referendum on the restoration of statehood should be held only among indigenous people. If the referendum decides to evict the occupiers from the territory of the victim country, then their resettlement should be financed from the budget of the aggressor country.

The implementation of these obligations must be carried out by the UN Compensation Court or other international bodies, which should be authorized by the UN Security Council. If the indigenous population was completely destroyed by the annexation, then the aggressor country must also pay reparations. But in this case, their final destination, according to the decision of the UN, should not be the victim countries, but kindred peoples or other persons experiencing similar problems. This will be fair in relation to the aggressor country, since not a single

crime against humanity should go unpunished.

All other complex issues, as if the occupation took place many centuries ago and the successors of the affected countries no longer exist, must be clarified by the UN Compensation Court or another authorized international body through a detailed examination of all the relevant facts. For instance, in 1783 Russia seized the lands of Nogai horde in the North Caucasus. As a result, about 500 thousand Nogais were killed, some died from disease and deprivation, and more than 1 million were forced to leave their own country [36]. However, this problem has not yet been resolved, since the deported people still cannot return to their homeland, their status and rights have not been restored, their property has not been returned, and no compensation for damage has been paid.

In order to update the international order, it is necessary to endow a legitimate supranational body with the powers and rights to ensure international law and order and take immediate and inevitable sanctions measures, including military coercion, against violating countries. According to Mazarr et al [9]: A more comprehensive, transformational vision of order would be a global government that includes rules and processes for enforcing them that were largely divorced from the power of each state. This might include an order in which rules were adopted by the UN General Assembly and enforced by a neutral UN court, rather than an order in which such organizations as the UN Security Council grant special status to great powers.

Thus, a fundamental revision of the structure and principles of the UN Security Council is needed. To do this, the following key areas need to be considered:

First, the understanding and procedure for appointing permanent and non-permanent members of the UN Security Council must be changed. The division of countries into permanent and non-permanent members of the UN Security Council reflected the past realities, and now it often hinders the adoption of adequate decisions on pressing issues of world security.

In our opinion, their status should now change as follows. Permanent members should be any countries making regular and significant contributions to finance UN activities, which represent the interests of large regions, and populations. They must be strictly guided by the purposes and principles contained in the Charter of the United Nations and the Universal Declaration of Human Rights, and in case of gross or repeated violation of them, they must be replaced, without waiting for the expiration of their term, on a competitive basis. Non-permanent members can be any countries that are not in a position to make regular contributions to fund UN activities but represent the interests of large groups of countries on a geographical and religion basis. They are to be elected for a two-year term.

Secondly, the number of members of the UN Security Council, both permanent and non-permanent, should be increased. This increase will allow decisions to be made on a more objective and balanced basis.

Thirdly, the UN must completely stop the veto power of the permanent members of the Security Council, which puts different countries in an unequal position in terms of the realization of their national interests. This will make it possible to exclude absurd and incomprehensible situations when international decisions on acute problems of international security are blocked because of the right of veto.

How to implement this proposal?

According to the UN Charter, the reform of its activities requires the consent of at least two-thirds of the members of the General Assembly, as well as the support of

all permanent members of the Security Council. And the reform of the veto requires the consent of all holders of the right to waive it [27]. It is very possible under the current conditions to get the approval of two-thirds of the members of the General Assembly. However, obtaining the consent of all members of the Security Council for a voluntary waiver of the right to veto appears unlikely. None of them want to lose their positions, which give them considerable political and economic benefits. For this reason, the process of reforming the UN is hampered, despite the fact that such proposals have been received repeatedly. For example, in 2005, Brazil, Germany, India, and Japan formed the "Group of Four" (G4) to jointly advance their applications for permanent membership. In 2020, these countries again issued a declaration calling for the expansion of the UN Security Council. The Organization of Islamic Cooperation, the African Union, and the League of Arab States are also in favour of expanding the number of its permanent members [27].

It turns out a paradoxical situation. The changes are long overdue and have become obvious to everyone, but it is not possible to implement them in practice because of the position of the permanent members, who refuse to give up the veto right.

In our opinion, there is only one solution, when all the other members of the UN unite in one coalition and unanimously declare their desire to create an alternative organization to the UN. If this threat does not work and the permanent members of the UN Security Council insist on maintaining the right of veto, then an alternative UN organization will have to be created. In this case, all other members of the UN must completely withdraw from the former organization and create a new organization. This will render the old UN organization incapacitated, and its members themselves will be forced to join the new organization.

Conclusion

This article provides an analysis of the acute problems that prevent the UN from ensuring sustainable long-term global security. It is noted that the lack of a modern order is associated with the lack of a unified international legislation that defines the legal basis for interaction between countries, as well as the lack of an effective international body for resolving disputes and restoring peace and security, including the imposition of sanctions and the use of force.

This is mainly due to the current structure of the UN Security Council, which includes both permanent and non-permanent members with different rights. The first members have the right to veto its decisions; the second members do not have such a right. Unfortunately, some permanent members of the UN Security Council are abusing their veto power. This leads to the fact that some important problems of international security are solved inefficiently, which, in turn, does not contribute to long-term stability and security in the world. The article gives recommendations on how to get out of this difficult situation.

The renewed international order requires the creation of unified international laws based on the principle of national sovereignty that would regulate interaction between all countries on a fair, transparent, and mutually beneficial basis. All countries must be treated as equals before international laws, and the obsolete status quo must be eliminated.

An aggressor country that has seized foreign territories should, if possible, be deprived of them and be obliged to pay reparations for the economic and moral

damage caused to the people of the occupied country, or if this is not possible due to its complete assimilation, to make equivalent reparations to other relatives or backward peoples by decision UN. The total amount of reparations will be equal to the amount of compensation for economic and environmental damage, human losses, compensation for moral damage, compensation for cultural losses, compensation for relocation and employment of people who were deported during annexation and their families or descendants.

Annex 1

Calculation of the repatriations for annexed and non-destroyed assets

In the regard of repatriations, the question also arises: how to assess the amount of damage caused by the annexation and occupation of another country? For destroyed assets, spoiled ecology, compensation should be paid not on the basis of their market value, but on the basis of future costs for their restoration, or the creation of similar new assets, as suggested by Inozemtsev [37]. This will be a more accurate assessment of the amount of damage to such assets.

With regard to annexed and non-destroyed assets (land, deposits, factories, dwellings, etc.), compensation must be paid in the amount of the cost of all economic losses incurred (EL_i) for the entire time of annexation of the territory by the aggressor country (n years) according to the formula:

$$EL = EL_n * (1+r)^n + \dots + EL_1 * (1+r)^1 + EL_0 * (1+r)^0 \quad (1)$$

where:

EL_0 = a current year losses,

EL_1 = 1 year old losses,

EL_n = n year's old losses,

r = the discount rate.

The amount of damage caused to the country as a result of a decrease in the number of indigenous population due to annexation, in our opinion, should be calculated based on the amount of lost GDP per person who dropped out (gdp) and GDP growth rates (g), the number of declines in indigenous population (n) and its demographic growth rate (k) for each year of annexation (i).

The value of lost GDP per person should be calculated as the average GDP per capita of neighbouring countries not affected by the annexation, or, in the absence of such data, the GDP per person in the aggressor country for each year of aggression. As expected demographic growth, the rate of demographic growth in neighbouring countries or, in their absence, in the aggressor country for each year of aggression should be used.

It is also necessary to assess both direct (number of victims) and indirect (decrease in the birth rate) human losses (HL) as a result of the genocide. To do this, it is advisable to use data from similar situations. For example, for seven deported nationalities from Russia to Kazakhstan in 1944-1952, the average percent of direct losses to the number of deportees was 21%, and for Chechens, who suffered the most from deportation, - 31%. If we take into account the decline in the birth rate, then they amounted to an average of 54%, including 51% for Chechens. Hence, the total loss of life as a percentage of those expelled was 75% on average and 82% for Chechens [38]. These data can be used as proxy variables in the absence of data in case of heavy losses (Chechens) or moderate losses (average data) during the deportation of the population.

The calculation of the human losses (HL) as a result of the genocide for each i year can be calculated using the following formula:

$$HL = (gdp_n * n_n) * \prod_{i=0}^n [(1+g_i) * (1+ai) * (1+k_i)] \quad (2)$$

where:

gdp_n = the value of lost GDP per capita in n year ago at the beginning of genocide,

n_n = the number of population in n year ago,

g_i = the real growth of GDP per capita in i year ago,

ai = the percent of direct human losses in i year ago,

k_i = the population growth rate in i year ago.

In addition, the amount of moral damage should be taken into account in the amount of damage from the deportation of the indigenous population. According to the Guidelines developed by the Russian Association of Lawyers for determining the amount of compensation for moral damage to individuals, its amount can be calculated using the formula [39]:

$$MD = BSC \times CDS \times AFG \times CAC \times DGV \times OIH \quad (3)$$

where

BSC – the basic sane compensation for non-pecuniary damage. It reflects the fair amount of compensation in the absence of the unique national characteristics of the victims, with the simple negligence of the doer of harm and the absence of guilt of the victims. This amount is usually fair for most typical situations.

CDS – the coefficient of the degree of suffering, which allows taking into account the national characteristics, the unique features of causing harm and other circumstances that affect the depth and intensity of the suffering of the victims (with $0.01 \leq CDS \leq 2$). The threshold for this coefficient of 1.5 is applied in case of high suffering, and 2 in case of great suffering of the individual.

AFG – coefficient of the aggressor's form of guilt (0.25 – no guilt, 1 – simple negligence, 1.5 – gross negligence, 2 – intent). With the malicious intent of the aggressor, AFG should be multiplied by 2.

CAC – the coefficient of the aggressor's characteristics, which, due to the requirements of reasonableness and fairness, can be taken into account when determining the amount of compensation (in this case, $0.5 \leq CAC \leq 2$). In case of harm caused by the fault of state authorities, a multiplying factor of 2 is used in relation to aggressor state that condoned the criminal behaviour of their citizens.

DGV – coefficient of the degree of guilt of the victims (in this case, $0 \leq DGV \leq 1$). In the absence of intent or gross negligence in the behaviour of the victims, $DGV = 1$, with the intent of the victim, $DGV = 0$; if there is gross negligence, then *DGV* is determined taking into account the degree of guilt of the victims in the range from 0.1 to 0.9. In the case of genocide of the injured party by the aggressor, the coefficient will be equal to 1.

OIH – other factual circumstances accompanying the infliction of harm or the behaviour of the parties after that (in this case, $0 \leq OIH \leq 2$). The aggressor may have attempted to conceal the circumstances of the injury, evade voluntary compensation for pecuniary damage, act in bad faith when making a claim for compensation, or cynically mock the victim's tragedy. In such circumstances, the court should use a factor of 2.

Thus, in relation to the people who died during the annexation, the formula for non-pecuniary damage can be rewritten as follows:

$$MD_1 = BSC \times 2 \times 2 \times 2 \times 1 \times 2 = 12 * BSC \quad (4)$$

For deported people, the formula for moral damage will look like this:

$$MD_2 = BSC \times 1,5 \times 2 \times 2 \times 1 \times 2 = 9 * BSC \quad (5)$$

Of course, the amount of basic sane compensation for non-pecuniary damage (*BSC*) will be different in different countries and will depend on the level of their development. What level should be used to compensate for non-pecuniary damage in the event of genocide? In our opinion, we should take the level of compensation used on average in neighbouring countries.

The total amount of reparations (*R*) will be equal to the amount of compensation for economic and environmental damage (*EL*), human losses (*HL*), compensation for moral damage (*MD*), compensation for cultural losses (*CL*), that is, the restoration of historical and cultural monuments, and compensation for relocation and employment of people who were deported during annexation and their families or descendants (*RE*), and expenses for the resettlement of illegally entered persons and their descendants back to the aggressor country (*ER*):

$$R = EL + HL + MD + CL + RE + ER \quad (6)$$

References

1. Ikenberry, J. The end of liberal international order? // *International Affairs*. -2018. – Vol. 94. - No. 1. –P. 7–23.
2. Jones, B. and Wright, Th. The state of the international order // *Policy Paper*. – 2014. – Vol. 33. – P. 1-33.
3. Pettersson, T. and Wallensteen, P. Armed conflicts, 1946–2014 // *Journal of Peace Research*. – 2015. – Vol. 52. - No. 4. – P. 538-550.
4. A New Era of Conflict and Violence. May 2017. <https://www.un.org/en/un75/new-era-conflict-and-violence>
5. Kak izmenilas' vojna za 75 let i chego nam zhdat' v budushhem [How the war has changed in 75 years and what we can expect in the future]. 23 fevralja 2022 g. <https://trends.rbc.ru/trends/social/60cb88c79a79478efbea889c>
6. Peace and security. March 23, 2022. <https://news.un.org/en/news/topic/peace-and-security>
7. Rose, G. What Obama Gets Right: Keep Calm and Carry the Liberal Order on // *Foreign Affairs*. 2015. – Vol. 94. - No. 5. P. 2-12.
8. Lawson, G. The rise of modern international order. In *The Globalization of World Politics: an Introduction to International Relations*, ed. by J. Baylis et al. (Oxford: Oxford University Press, 2015). P. 37-51.
9. Mazarr, M., Priebe, M., Radin, A., & Cevallos, A. *Understanding the Current International Order*. Santa Monica: Calif, 2016.
10. AlShawi, H., Adnan, Z., Samsu, K. & Fee, L. Political and Security Relations between India and Southeast Asia states after the Cold War // *Pertanika J. Soc. Sci. & Hum.* – 2019, - Vol. 27. No. S1. – P. 1-13.
11. Russia blocks Security Council action on Ukraine. February 26, 2022. <https://news.un.org/en/story/2022/02/1112802>
12. Current Members. January 1, 2022. <https://www.un.org/securitycouncil/content/current-members>
13. Maintain International Peace and Security. January 1, 2019. <https://www.un.org/en/our-work/maintain-international-peace-and-security>
14. Ingelhart, R. and Norris, P. Trump, Brexit, and the rise of populism: economic have-nots and cultural backlash. Working paper, - 2016, No. RWP16-026
15. Japonija zajavila, chto Rossija okkupirovala Juzhnye Kurily [Japan said that Russia occupied the Southern Kuril Islands]. 20 aprelja 2022 g. <https://sakhalin.info/news/218069>
16. Vzjatje Kazani v 1552 godu: harizma cherez sablju, mnimaja družba s Moskvoj i kochujushhij nogajskij pancir' [Capture of Kazan in 1552: charisma through the saber, imaginary friendship with Moscow and the nomadic Nogai armor]. 13 oktjabrja 2017 g. <https://realnoevremya.ru/articles/78849-vzyatie-kazani-v-1552-godu>
17. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide." UN General Assembly, 1948, Approved and proposed for signature and ratification or accession by General Assembly resolution 260 A (III).
18. Universal Declaration of Human Rights. The Universal Declaration of Human Rights (UDHR)." UN General Assembly, 183 plenary meeting of the General Assembly, A/RES/217(III).
19. The United States and the International Criminal Court. November 14, 2002. <https://2001-2009.state.gov/t/us/rm/15158.htm>
20. Decades of U.S. war crimes led to what Israel is doing in Gaza. November 18, 2023. <https://www.yahoo.com/news/decades-u-war-crimes-led-110001737.html>
21. Basic principles and guidelines on the right to a remedy and reparation for victims of gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law. UN General Assembly, General assembly resolution 60/147, A/RES/60/147.
22. Is it possible to force Russia to pay reparations to Ukraine? November 17, 2022. <https://www.dw.com/ru/rf-otvergla-trebovanie-oon-o-reparaciah-ukraine-mozno-li-zastavit-ee-zaplatit/a-63780387>
23. Newskiy, S., Boldyrev, R. and Plumpe. W. German reparations after World War

- II: political decisions and economic appraisals // Istotiya. – 2019, - Vol. 9. – Issue 9. - No. 83
24. Armenia, Azerbaijan gear up for Nagorno-Karabakh peace talks? April 7, 2022. <http://www.aljazeera.com/news/2022/4/7/armenia-azerbaijan-gear-up-for-nagorno-karabakh-peace-talks>
 25. Prisoedinenie Kryma k Rossijskoj Federacii [Annexation of Crimea to the Russian Federation]. 28 ijunja 2022 g. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
 26. The Russians have been preparing for this for 30 years: How can we end the war in Ukraine? January 30, 2022. https://english.nv.ua/opinion_author/anna-malyar.html
 27. The divided nations of the UN were created for the sake of common prosperity. Why couldn't she save the world from wars and crises?" October 28, 2020. <https://lenta.ru/articles/2020/10/28/un/>
 28. Turkey's Erdogan challenges world leaders at UN Assembly to end bloodshed in Syria. 20 September 2016. <https://news.un.org/en/story/2016/09/539522-turkeys-erdogan-challenges-world-leaders-un-assembly-end-bloodshed-syria>
 29. Tokaev predlozhit vkljuchit' v Sovet Bezopasnosti OON strany Global'nogo Juga [Tokayev proposed including countries of the Global South in the UN Security Council]. 2 oktjabrja 2023 g. <https://www.zakon.kz/politika/6412666-tokaev-predlozhit-vklyuchit-v-sovet-bezopasnosti-oon-strany-globalnogoyuga.html>
 30. The Veto. Security Council. January 1, 2020. <https://www.securitycouncilreport.org/un-security-council-working-methods/the-veto.php>
 31. Soedinennye Shtaty nalozhili veto na proekt rezoljucii s trebovaniem nemedlennogo prekrashhenija ognja v sektore Gaza. V podderzhku dokumenta vyskazalis' 13 iz 15 chlenov SB OON [The United States vetoed a draft resolution demanding an immediate ceasefire in the Gaza Strip. 13 out of 15 members of the UN Security Council spoke in support of the document]. December 9, 2023. <https://ru.euronews.com/2023/12/09/unsc-gaza-veto>
 32. Gall, C. and de Vaal, Th. Chechnya: calamity in the Caucasus. New York: New York University Press, 2000.
 33. Rossija/Sirija: Voennye prestuplenija za mesjac osennih bombezhek Aleppo [Russia/Syria: War crimes during the month of autumn bombing of Aleppo]. 30 dekabrja 2023 g. <https://www.hrw.org/ru/news/2016/12/01/296741>
 34. All life in Idlib is a target, available at Syrian-Russian strikes on civilian infrastructure. 20 November 2022. <https://www.hrw.org/ru/report/2020/10/15/376415>
 35. Tanasoiu, C. and Racovita, M. Post-Accession (Anti-)Corruption Record in Romania and Bulgaria // Dans L'Europe en Formation. – 2012. - No. 2. – P. 243-263.
 36. Suvorov noğailardy qalai qyrdy? 12 Tamyz, 2018 j. <https://abai.kz/post/74700>
 37. Crime and reparations. Konstantin Eggert on how Russia will pay for the war after Putin. August 5, 2022. <https://europe-cities.com/2022/08/05/crime-and-reparations-konstantin-eggert-on-how-russia-will-pay-for-the-war-after-putin/>
 38. Jediev, D. Demograficheskie poteri deportirovannyh narodov SSSR [Demographic losses of deported peoples of the USSR]. 27 fevralja 2004 g. <https://polit.ru/article/2004/02/27/demoscope147/>
 39. Rekomendacii po opredeleniju razmera kompensacii moral'nogo vreda pri posjagatel'stvah na zhizn', zdorov'e i fizicheskiju neprikosnovennost' cheloveka [Recommendations for determining the amount of compensation for moral damage in cases of attacks on the life, health and physical integrity of a person]. Moskow: M-logos, 2023.

МРНТИ:
06.56.31

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Талгат Калиев¹,
Ғали Дінмұхаммед^{2*}

¹К.полит.н., директор ИПЭИ, Республика Казахстан

²К.э.н., доцент ВАК, ассоциированный профессор по экономике, директор Центра изучения проблем ксенофобии ИПЭИ, Республика Казахстан, e-mail*: esenai2020@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.07>

Аннотация. В статье рассматривается экономическое неравенство среди этносов республики, оценивается уровень материального положения через «Индекс благосостояния». Исследуются источники и размер доходов у этнических групп. Изучаются особенности финансово-кредитного поведения (закредитованность, сбережения) основные направления формирования доходов, предпринимательская активность, а также жилищные условия. Исследуются проблемы экономической депривации среди этнических групп. Проведен анализ безработицы, проблем с трудоустройством, использование земельных участков этническими группами. .

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, экономическая депривация, индекс благосостояния, уровень благосостояния, финансово-кредитное поведение этносов (закредитованность, сберегательное поведение), источники доходов, жилищный и иные условия, прекаризация/прекариат этнических групп.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТЕНСІЗДІКТІҢ ЭТНИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Талгат Қалиев¹, Ғали Дінмұхаммед²

¹ Саяси.ф.к., ҚҒЗИ директоры, Қазақстан Республикасы

² Э.ф.к., ЖАК доценті, экономика жөніндегі қауымдастырылған профессор, ҚҒЗИ ксенофобия проблемаларын зерттеу орталығының директоры, Қазақстан Республикасы, e-mail*: esenai2020@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Республика этностары арасындағы экономикалық теңсіздік қарастырылды, «әл-ауқат индексі» арқылы материалдық жағдай деңгейі бағаланды. Этникалық топтардың кіріс көздері мен мөлшері зерттелді. Қаржылық-несиелік мінез-құлықтың ерекшеліктері (несиелендіру, жинақ мінез-құлқы) кірістерді қалыптастырудың негізгі бағыттары, кәсіпкерлік белсенділік, сондай-ақ тұрғын үй жағдайлары зерттеледі. Этникалық топтар арасындағы экономикалық айыру мәселелері зерттелуде. Жұмыссыздыққа, жұмысқа орналасу мәселелеріне, этникалық топтардың жер учаскелерін пайдалануына талдау жүргізілді.

Түйін сөздер: әлеуметтік-экономикалық теңсіздік, экономикалық депривация, әл-ауқат индексі, әл-ауқат деңгейі, этностардың қаржылық-кредиттік мінез-құлқы (кредиттеу, жинақ мінез-құлқы), табыс көздері, тұрғын үй және өзге де жағдайлар, этникалық топтардың прекаризациясы/прекариаты.

ETHNIC FEATURES OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Talgat Kaliyev¹, Gali Dinmukhamed^{2*}

¹Candidate of Political Sciences, director of IAER, Republic of Kazakhstan

²Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the HAC, associate professor of Economics, director of the Center for research on the problems of xenophobia IAER, Republic of Kazakhstan, e-mail*: esenai2020@gmail.com

Abstract. The article deals with economic inequality among the ethnic groups of the republic and assesses the level of material situation through the "Welfare Index". Sources and the size of incomes of ethnic groups are investigated. The features of financial and credit behavior (creditworthiness, savings), the main directions of income generation, entrepreneurial activity, as well as housing conditions are studied. The problems of economic deprivation among ethnic groups are investigated. The analysis of unemployment, problems with employment, the use of land by ethnic groups was carried out.

Keywords: socio-economic inequality, economic deprivation, wealth index, wealth level, financial and credit behavior of ethnic groups (crediting, saving behavior), sources of income, housing and other conditions, precarization/ precariousness of ethnic groups.

Введение

Проблемы экономической неравномерности регионов, связана с особенностями социально-экономического развития. Экономические и региональные особенности Казахстана влияют на дифференциацию доходов, уровень жизни и обеспечению равных и доступных возможностей в экономической среде и др [12].

Дифференциацию экономического развития можно объяснить следующими факторами. Во-первых, различиями валового регионального

продукта на душу населения, который имеет региональную особенность (аграрная, индустриально-сервисная и нефтедобывающая). В 2019-2022 гг. по уровню подушевого ВРП высокие показатели отмечены в регионах: Атырауская область (нефтедобывающая), гг. Алматы и Астана (индустриально-сервисные), низкие - в Алматинской, Жамбылской и Туркестанской областях (аграрные). Значение ВРП на душу населения в 4 квартале 2022 года в Атырауской области (341,3 тыс.тенге) превышает аналогичный показатель по Туркестанской области (84,8 тыс.тенге) в 4 раза[13].

Во-вторых, для южных регионов республики характерна перенаселенность и трудоизбыточность аграрного населения, сопровождаемая компактным проживанием отдельных этнических групп. Растущая конкуренция на рынках (продовольственный рынок, рынок труда и др.), обеспечиваемая в том числе высоким предложением дешевой рабочей силой, в том числе из приграничных стран, приводит к удешевлению стоимости (продукции и оплаты труда), которая сказывается на низких доходах. Для северных регионов характерен дефицит трудовых ресурсов и убыль населения. В совокупности указанные региональные факторы усугубляют социально-экономическое неравенство.

В-третьих, в 2022 году (январь-декабрь) регионами с наибольшими среднедушевыми денежными доходами населения являются те же области, которые имели высокие значения ВВП на душу населения: Атырауская область (20,5 тысяч тенге.), г. Астана (8,9 тысяч тенге), г.Алматы (7,8 тысяч тенге) и низкие в Жамбылская (2,3 тыс.тенге), г.Шымкент (2,7 тыс. тенге) и Туркестанская области (1,7 тыс.тенге)[13]. В совокупности указанные факторы усугубляют процессы социально-экономического неравенства по республике.

Таким образом, согласно статистическим данным в республике, отмечается значительная дифференциация экономических показателей (номинальный и подушевой ВРП, отраслевая структура экономики и др.) по областям, что влияет на региональное социально-экономическое неравенство населения. Для анализа субъективных оценок рассмотрим результаты социологического исследования «Этнические аспекты экономического неравенства регионов Республики Казахстан», проведенного по заказу МИОР РК (далее – исследование).

Методы исследования

В статье для анализа региональных диспропорций экономики проводился статистический анализ. Для оценки экономического неравенства среди населения проводился социологический опрос основных 7 этносов Казахстана (казахи, русские, узбеки, уйгуры, дунгане, таджики, курдов) в 20 регионах Казахстана, включая гг. Астана, Алматы и Шымкент. Кроме того, были проведены фокус-группы в разрезе регионов и этнических

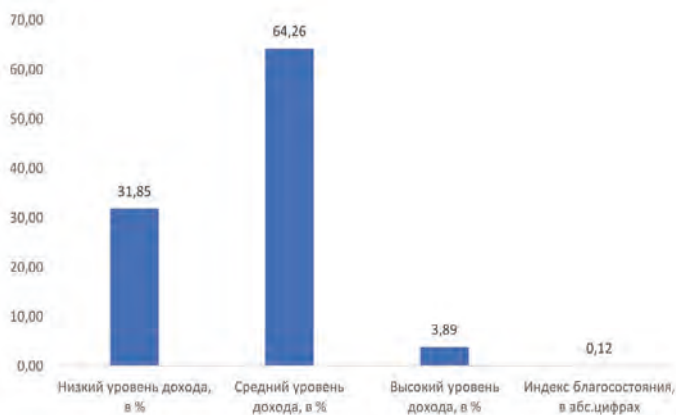
групп¹.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование выявило следующие актуальные проблемы социально-экономического положения этносов.

Первое. Низкие показатели уровня материального положения отмечен у всех этносов (казахов, русских, узбеков, уйгуров, дунган, курдов и таджиков). «Индекс благосостояния»² населения равен 0,12 (т.е., ниже «1» и очень близок к «0»), что показывает высокую долю населения с низким уровнем материального достатка (рисунок 1).

Рисунок 1. Оценка уровня материального положения

Источник: составлено авторами на основе социологического исследования.

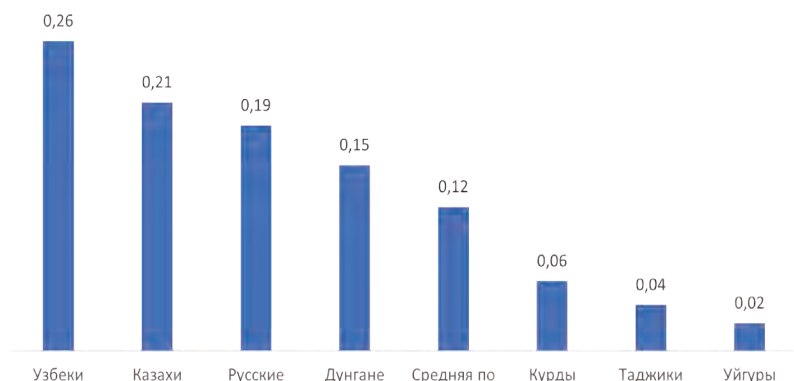
Значение «Индекса материального обеспечения» по этносам представлено на рисунке 2.

Распределение индекса благосостояния имеет следующие тенденции. У казахов высокие показатели по индексу - в Костанайской (0,8), Кызылординской (0,61) и Алматинской (0,57) областях, низкие - в ВКО (0,05), Павлодарской (0,04) областях. По другим этносам показатели индекса благосостояния представлены в таблице 1.

1 Социологическое исследование «Этнические аспекты экономического неравенства регионов Казахстана» проведено Институтом прикладных этнополитических исследований, 2022 год (N= 6800 респонентов). Выборочная совокупность респондентов казахов и русских составил – по 1900 человек, а по компактно проживающим этническим группам рассчитана равными долями: узбеки, уйгуры, дунгане, таджики и курды по 600 респондентов

2 Для оценки дифференциации по уровню материального положения использовался «Индекс благосостояния». Данный индекс рассчитывается как соотношение доли обеспеченных, то есть имеющих «Высокий уровень доходов» к доле, испытывающих материальные трудности – «Низкий уровень дохода». Критерий оценки «индекса благосостояния» составляется по следующей шкале: индекс «равен 1» и выше – уровень благосостояния «высокий», индекс равен «0» и ниже – уровень благосостояния «низкий».

Рисунок 2. Индекс благосостояния в разрезе этносов

Источник: составлено авторами на основе социологического исследования.

Таблица 1. Распределение индекса благосостояния по этносам и регионам РК

Этносы	Регионы с высокими показателями	Регионы с низкими показателями
Казахи	Костанайская - 0,8, Кызылординская - 0,61, Алматинская - 0,57	ВКО - 0,05, Павлодарская - 0,04, Атырауская - 0
Русские	г. Астана - 1,95, Костанайская - 0,93, г. Алматы - 0,75	СКО - 0,06, ЗКО - 0,4, Павлодарская - 0,04
Уйгуры	область Жетісу -0,04, г.Алматы -0,02	Алматинская -0
Узбеки	г. Шымкент - 0,4, Жамбылская - 0,2	Туркестанская - 0,08
Дунгане	г.Алматы - 0,63	Жамбылская - 0,14
Курды	Жамбылская - 0,10	Туркестанская - 0,08
Таджики	Туркестанская - 0,04	

Источник: составлено авторами на основе данных социологического исследования.

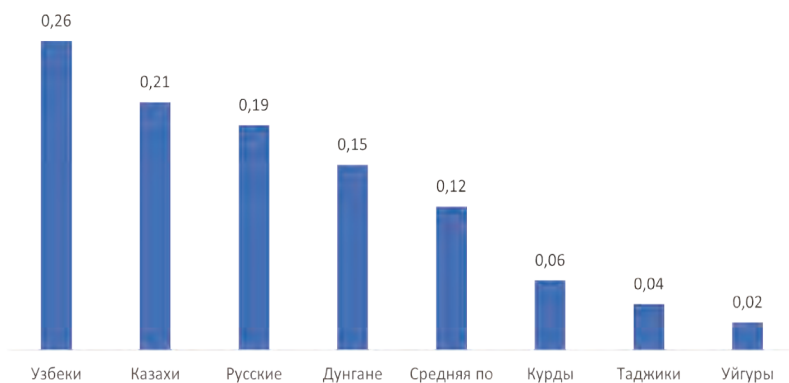
Самооценка материального благосостояния – важный показатель уровня удовлетворенности жизнью. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?» показывает, что в общей выборке 43,3% от всех опрошенных отметили, что им «Хватает на еду и самую необходимую одежду, но не можем позволить себе дорогостоящие предметы». Около четверти респондентов указали что их материальное положение позволяет только «тратиться на питание, но одежду и другие предметы первой необходимости купить не могут». 20% опрошенных оценили свое материальное положение как хорошее, т.е. «средств вполне хватает на самое необходимое, иногда покупают и более дорогие вещи». При этом около 5% оценили свое материально положение как низкое т.е. «приходиться во всем себе

отказывать, денег иногда не хватает даже на питание (покупаю еду в кредит или беру в долг)». В этническом разрезе данные проблемы заметно проявляется у дунган, казахов, уйгуров, русских и более ниже у курдов, уйгуров, таджиков и узбеков.

По уровню среднемесячного дохода на одного члена семьи большинство респондентов (47,8%) имеют доход до 100 тыс.тенге, что в 2,5 раза ниже статистических данных БНС (за 2021 г.). Указанный доход отмечен у основной части опрошенных дунган (70,7%) и курдов (53,7%), а также у менее половины русских (48,1%), уйгуров (47,7%), таджиков (47,3%) и казахов (46,1%).

Средний арифметический ежемесячный доход имеет заметную дифференциацию этносов по уровню доходов. Высокий показатель среднего дохода у узбеков, далее следуют таджики, казахи, русские и низкие у уйгуров и дунган (рисунок 3).

Рисунок 3. Средний арифметический ежемесячный доход на одного члена семьи по этническим группам (в тыс.тенге)

Источник: составлено авторами на основе социологического исследования.

Второе. Для оценки уровня благосостояния и ограниченного удовлетворения определенных потребностей в исследовании использовался комплекс параметров экономической депривации (задержка по оплате коммунальных услуг, просрочка выплат в финучерждения за кредиты или др., а также отсутствие возможности покрыть непредвиденные финансовые расходы в установленные сроки). Экономическая депривация выражается в вынужденном лишении/отказе или ограничения от потребления материальных благ или услуг, которые необходимы личности для удовлетворения ее базовых потребностей[6,8].

При оплате коммунальных расходов 14,6% домохозяйств (семей) имели просрочку один раз в срок в течение года, не платили по коммуналь-

ным счетам более двух раз 18,2%. Среди этносов более чаще отмечали уйгуры (35,5%) и курды (24,7%), менее таджики (7,2%) и русские (12,2%).

18,4% опрошенных не смогли своевременно погасить задолженность хотя бы один раз в течение года перед финансово-банковскими организациями, 16,5% респондентов имели просрочки более 2-х раз. Задержки при уплате кредитов два и более двух раз чаще упоминали уйгуры (39,3%), казахи (18,2%) и курды (16%).

Свыше половины опрошенных домохозяйств (52%) не имели финансовых средств для покрытия непредвиденных расходов на сумму 60 тыс. тенге. По этносам: непредвиденные расходы в случае возникновения не могут покрыть 66,3% курдов, 64% уйгуров, 58% дунган и 51,7% казахов. По регионам: отсутствие возможности покрыть непредвиденные расходы отмечали чаще уйгуры (92%) Алматинской, казахи (88,4%) Павлодарской, русские (81,1%) и дунгане (64,8%) Жамбылской, курды (52%), узбеки (44,8%) и таджики (40,8%) Туркестанской областей.

Свои финансовы обязательства своевременно погасили только 49% респондентов, допускали просрочки два и более раз 16,5%. Более 2-х раз не платили по долгам больше всего у респондентов-уйгуров (39,3%), казахов (18,2%) и курдов (16%). Выплачивать платежи по рассрочке (Kaspi Red и др.) более чем два раза не могли - 9,9% респондентов, один раз - 11,6%. Допустили просрочку два и более раз в год: уйгуры 17%, казахи 14,4%, русские 8,4%, курды 7,7%, таджики 3,8%.

Третье. Важным вопросом в изучении уровня материального благосостояния являются источники доходов населения. Доходы населения в основном формируются, во-первых, за счет заработной платы по найму (56,1%), во-вторых это служебные оклады членов семей (бюджетная сфера) (19,9%), в-третьих - доходы (16,8%) от предоставления частных услуг (такси, продажа излишек с огорода, репетиторство, ремонтные работы, уборка помещений и др.) и в-четвертых - доходы от личного подсобного хозяйства, приусадебного хозяйства, включающего содержание скота и птицы, садоводство, огородничество и др. (16,4%).

Заработную плату от наемной работы больше всего получают респонденты-курды (65%) и менее дунгане (47,8%). На доход в бюджетной сфере в основном рассчитывают узбеки (30%), меньше таджики (7%). Доходы в сфере предоставления частных услуг больше всего получают респонденты-узбеки (38%) что выше среднего показателя по выборке в два раза. Меньшее у курдов (6,5%).

У таджиков более половины опрошенных (65%) имеют доходы от личного подсобного хозяйства, менее у казахов (3,7%). Среди получателей социальных трансфертов (АСП, пособия по многодетности, инвалидности, по потере кормильца и др.) преобладают таджики (8,8%), меньше всего у дунган (2%). У курдов (20,2%) по сравнению с другими этносами показатель получателей пенсий больше, чем у других, менее у дунган (7,3%).

Среди рассматриваемых этносов очень низкий уровень предпринимательства. Только у таджиков 17%, у дунган 10,5% и у уйгур 9,8% из опрошенных являются предпринимателями.

К основным источникам доходов в разрезе этносов относятся:

1. Заработная плата наемных работников (56% по выборке) - высокие показатели отмечены у курдов (65%), низкие у дунган (47,8%);

2. Служебные оклады членов семьи (бюджетная сфера) (19% по выборке), высокие показатели у узбеков (29,7%), низкие у таджиков (7,2%);

3. Доходы от предоставления частных услуг (такси, продажа излишков с огорода, репетиторство, ремонтные работы, уборка помещений и др.) (16,8% по выборке). высокие показатели у узбеков (38%) и низкие у курдов (6,5%);

4. Пенсия (15,3% по выборке) – преобладает у курдов (20,2%), менее у дунган (7,3%);

5. Доля доходов, получаемые от личного подсобного хозяйства, приусадебного хозяйства, включающего содержание скота и птицы, садоводство, огородничество (16,4% по выборке) высокая доля у таджиков (51,2% в три раза больше, чем средний показатель), ниже у дунган (0,3%);

6. Доходы от предпринимательства (12,3% по выборке) больше у узбеков (24,5%) и меньше у представителей русского этноса (7,7%).

В занятости населения отмечается высокая доля респондентов, работающих в сфере неформальной занятости и получающих неофициальные доходы в секторе предоставления частных услуг и от личного подсобного хозяйства. Значительная доля прекариата среди отдельных этносов (до 80%) социально не защищена, имеют низкие и сезонные формы дохода.

Четвертое. Высокая доля закредитованности населения по республике также характерна для данного исследования. У респондентов с низкими доходами имеются долги перед финансовыми учреждениями. Имеют кредиты 62,8% опрошенных семей или микрозаймы, при этом дополнительно хотят взять финансовое обременение на себя еще 8,6% опрошенных. Когда как 4,9% респондентам было отказано в кредите/займе. Вообще не желают брать кредиты только 23,7% опрошенных.

Высокая долговая нагрузка проявляется у узбеков (74,2%), уйгуров (73,3%) и казахов (68,7%). Среди этносов планируют взять кредиты больше всего узбеков (14%) и уйгуров (13,7%), при возможном одобрении выдачи займа общая закредитованность достигнет 90%.

Услугой рассрочки Kaspi Red в основном приобретается одежда, обувь и т.д. (68,3%), продукты питания (44,8%), а также получение определенных услуг для здоровья и красоты (салоны красоты, фитнес и т.п.) (22,7%) и др. По этносам большего всего приобретают в долг одежду, обувь и т.д. курды (83,7%), уйгуры (78,9%), узбеки (72,2%) и менее дунгане (68,8%), русские (65,5%) и таджики (35,4%). Продукты питания покупают в рассрочку более всего дунгане (69,2%), курды (62,7%) и уйгуры (62,6%), ме-

нее казахи (30,6%), узбеки (28,4%) и таджики (22%).

Пятое. Сбережения являются важнейшим показателем уровня и качества жизни населения, непосредственно связанным с такими категориями, как потребление, доходы и расходы населения. Наличие сбережений является залогом финансовой устойчивости домашних хозяйств на случай экономических кризисов. Но при этом надо учитывать, для того, чтобы население перешло к сбережению, необходим высокий доход у домохозяйств, позволяющий перейти от потребительского поведения (обеспечение семьи полноценным питанием, необходимой одеждой, услугами, расходы на поддержание здоровья и др.) к сберегательному.

В общей выборке зафиксирован низкий уровень сбережений. Небольшой уровень доходов у этнических групп не позволяет накапливать сбережения и планировать в будущем свои расходы. Основная часть доходов направляется на текущее потребление. Определенную финансовую подушку безопасности имеют только треть респондентов. В разрезе этнических групп наиболее высокая доля сбережений наблюдается у узбеков (35,7%), русских (34,2%), таджиков (33%), дунган (30,3%), далее по градации курды (28,2%), казахи (27,6%) и уйгуры (22%).

Шестое. Среди этнических групп жилищный вопрос может стать определенным триггером социальной напряженности. Только 57% респондентов проживают в собственном доме/квартире, 19,2% проживают в квартире/в частном доме родителей, 9% в арендованной квартире /комнате/общежитии. В собственных квартирах проживают свыше половины курдов, казахов, русских и таджиков. Не имеют собственного жилья большинство уйгуров (57,2%) и дунган (56,5%), соответственно у них высокий процент проживания в арендованных квартирах. У казахов данная проблема актуальна у 35,5% респондентов.

Важным показателем, влияющего на уровень жизни, являются расходы на аренду квартир. Оплата за аренду квартир является одной из основной статьей расходов в структуре доходов семейного бюджета. Реализация в 2023 году специальной программы субсидирования арендной платы позволит расходовать высвобожденные от аренды квартир деньги семейного бюджета на другие потребности.

Согласно данным исследования, среди представителей этнических групп проживают в арендованной квартире /комнате/общежитии больше всего уйгуры (21,8%), далее, по градации идут дунгане (10%), русские и курды (по 9,3%), казахи (7,2%), низкие показатели у узбеков (3,8%) и таджиков (1,3%). При этом по поселениям доля уйгуров, проживающих в арендованных жилищах, в два раза больше в селах (32,8%), чем в городах (16,2%).

Отмечается тенденция в улучшении жилищных условий. Данный вопрос респонденты решают за счет собственных средств т.е. ипотеки. Только у 5,4% опрошенных оформили ипотечное кредитование. Среди

респондентов больше всего купили жилье в ипотеку дунгане (10,2%), далее следуют уйгуры и курды (по 7,2%). Менее у таджиков (2,3%) и русских (2,9%).

Проживают совместно с родителями больше всего дунгане (29,3%), узбеки (26,2%), курды (20,2%) и казахи (17,3%), меньше - уйгуры (16,8%), русские (14,1%) и таджики (10,7%). При этом ощутимой разницы проживания в родительском доме как в городских, так и в сельских местностях не выявлено. К примеру, у дунган проживают в городе совместно с родителями 28% и в селах 29,6%, у узбеков соответственно в 26,1% / 26,3% и курдов 24,8% / 19,2%.

Учитывая, что дунгане, узбеки и курды традиционно проживают с родителями, в основном это многопоколенные семьи, имеющие общий бюджет. Отцы, деды, матери и бабушки в основном формируют общие жизненные установки и влияют на принятие решений. Данное исследование подтверждает тезис о том, что дети представителей компактно проживающих этносов стареют, в основном, жить с родителями.

Седьмое. Наличие собственного земельного участка (не считая придомового) является одним из факторов жизнеобеспечения домохозяйств, а также служит основой для экономического благополучия. Земельный участок при эффективном использовании может принести для домохозяйств (семей) дополнительный доход, а также служит выгодным ликвидным инструментом в случае его реализации.

По данным исследования, в среднем около 22,2% домохозяйств или семей владеют земельным участком и 70,7% его используют в экономических целях (сдача в аренду, выращивание сельскохозяйственной продукции, для выпаса скота), а 29,3% не совершают никаких действий на участке. В разрезе этносов земельные участки в наличии в основном у узбеков (45%), таджиков (41%), русских (17,3%). Основные направления использования участка – это выращивание сельхозпродукции (41%), сдача в аренду (22,5%) и использование для выпаса скота (7%). В разрезе этносов земельные участки имеются: у узбеков (45%), таджиков (41%), русских (17,3%), дунган (15,8%), казахов (12,9%), уйгуров (12,3%) и курдов (11,3%). Среди тех, кто не используют земельные участки - русские (44,5%), казахи (37%) и курды (35,3%).

Восьмое. Среди этнических групп проблем с безработицей не отмечено. К основным причинам отсутствия работы, треть опрошенных (32,4%) отметили – семейные обстоятельства (уход за детьми, пожилыми или лицами с ограниченными возможностями и др.). Данная ситуация наиболее характерна для таджиков (46%), дунган (41,1%), курдов (40%). Среди казахов данную причину отметили 22,6% респондентов.

Основными барьерами в трудоустройстве выступают несоответствие компетенций, навыков и квалификационных требований работников. Чаще всего об этом упоминали уйгуры (69,5%), курды (64%) и дунгане

(55,5%). Отсутствие практического опыта отмечали узбеки (63,8%), незнание государственного (33,3%) и русского (13,2%) языков представители таджикской общины.

Девятое. Усиление регионального экономического неравенства приводит к росту внутренней миграции. Основными мотивами движения населения являются социально-экономические проблемы – низкий уровень доходов (43,1%), поиск работы или трудности с трудоустройством в месте проживания (25,8%), воссоединения с семьей (23%), жилищные проблемы (16,9%) и др.

Среди респондентов миграционные установки этносов на выезд за пределы республики особо не проявляются. Основная часть респондентов не планирует сменить место жительства. Переезд из республики не планируют 88,7% таджиков, 79,7% дунган, 68,7% казахов, 66,8% русских, 66% курдов, 56,7% узбеков и 48,7% уйгур. Среди тех, кто планирует выехать это только 6,5% узбеков, 5,3% уйгур, 4,5% русских, 3,8% казахов, 2,8% таджиков, по 1,7% дунган и курдов.

Одна из главных причин переезда - низкие доходы, на нее указали свыше половины уйгуров (59,7%), узбеков (55,9%), меньше половины русских (47,8%), казахов (45,7%). Проблемы с трудоустройством отметили таджики (36,7%), узбеки (30,4%), дунгане (28,6%), казахи (24,3%), русские (22,8%), курды (21,3%) и уйгуры (16,7%). В числе других причин миграции необходимость воссоединения с семьей больше всего указали свыше половины узбеков (52,5%) и 1/3 таджиков (30,6%), далее дунган (20%), казахов (18%), курдов (14,7%), русских (14,4%).

О различных государственных программах поддержки бизнеса этнические группы слабо осведомлены. Опрос показал, что только 13,5% узбеков, 11% дунган, 9,3% таджиков и уйгуров, а также 5,4% казахов знают и принимали участие в госпрограммах. Программа переселения с юга на север также остается непривлекательной для населения, независимо от этнической принадлежности респондентов. Среди основных причин – суровый климат, плохие жилищные условия в местах передислокации населения.

Заключение

Таким образом, по итогам исследования отмечается социально-экономическое неравенство среди населения, в частности по уровню удовлетворенности жизнью, доходам, обеспеченностью жильем и т.д. Данные проблемы заметно проявляются у узбеков, уйгуров, дунган, курдов и таджиков. Отмечается экономическая дифференциация в связи с низкими доходами в местах компактного проживания этносов (узбеков, уйгуров, курдов, дунган и таджиков), в особенности в селах. Экономическая депривация наиболее заметна среди уйгуров и курдов.

К одним из возможных последствий социального-экономического нера-

венства можно отнести социальную поляризацию населения из-за низких доходов (индекс благосостояния – 0,12), отсутствие жилья и др., прекаризацию этнических групп (у отдельных этносов до 80%), политическую пассивность (феномен «внутренняя эмиграция»).

Кроме того, неравенство ограничивает экономическую и социальную мобильность и развитие человеческого потенциала и как следствие тормозит экономический рост [9]. В результате экономического неравенства население переходит к чрезмерному потреблению в основном продовольственных продуктов. Основная доля расходов населения состоит из потребительских расходов (93%) связанная с низкой долей доходов. Увеличившийся разрыв в доходах приводит к тому, что население старается взять в долг продукты питания и одежду.

Данные тенденции среди этносов пока проходят в латентных формах, без открытого проявления. Принимаемые государством комплексные решения по организации трудоустройства и содействию занятости населения реализуются, но масштабы их охвата и вовлечения жителей регионов, в том числе среди компактно проживающих этносов низкие. Традиционные общественные институты (многопоколенные семьи, советы махалля и старейшины и др.) оказывают заметное влияние по материальной поддержке и оказании социально-экономической помощи представителям своих этнических групп.

Список литературы

1. Barro R.J. (2000) Inequality and Growth in a Panel of Countries // *Journal of Economic Growth*. No. 5 (1). P. 5–32. // <https://www.jstor.org/stable/40216021>
2. Benhabib J. (2003) The Trade-off Between Inequality and Growth // *Annals of Economics and Finance*. Vol. 4 (2). P. 491–507. // <http://aefweb.net/AefArticles/aef040210.pdf>
3. Alberto Alesina and Eliana La Ferrara *Journal of Economic Literature* Vol. 43, No. 3 (Sep., 2005), pp. 762-800 (39 pages) Published By: American Economic Association // <https://www.jstor.org/stable/4129475>.
4. Pager D, Shepherd H. The Sociology of Discrimination: Racial Discrimination in Employment, Housing, Credit, and Consumer Markets. *Annu Rev Sociol.* 2008 Jan 1;34:181-209. doi: 10.1146/annurev.soc.33.040406.131740. PMID: 20689680; PMCID: PMC2915460. // <https://psycnet.apa.org/record/2008-11969-009>
5. Жаромский В.С. Мигранова Л.А. Токсанбаева М.С. Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки. // *Народонаселение*. – 2018. Т. 21. № 4. – С. 79-95. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-v-rossii-dinamika-i-metody-otsenki>
6. Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф., Корж Н.В. Социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в российском регионе (на примере Пензенской области) // *Регионоведение*. – 2019. - Том 27. - № 3. С. 554-571. [Электрон. ресурс]. – URL

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-indikator-deprivatsii-maloobespechennogo-naseleniya-v-rossijskom-regione-na-primere-penzenskoj-oblasti>

7. Лошкарева-Имгрунт С.И. Социальные последствия имущественного неравенства в современной России. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-posledstviya-imuschestvennogo-neravenstva-v-sovremennoj-rossii/viewer>
8. Материальные депривации как составная часть показателя многомерной бедности. Сопровождение экспертов по измерению бедности и неравенства. Будва, Черногория 26-27 сентября 2017 года. // https://unesc.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2017/Expert-meeting-Montenegro-2017/Informations/PPT_s/Latvia_presentation_rus.pdf
9. Неравенство — сокращение разрыва. Программа развития Организации Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/un75/inequality-bridging-divide>
10. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. — М., 2015, с. 144–14.
11. Шевяков А.Ю. Экономическое неравенство: тормоз демографического роста. // <https://core.ac.uk/download/pdf/6424315.pdf>
12. Темирова А.Б., Абдимомынова А.Ш. Социально-экономическая дифференциация регионов Республики Казахстан. // Вестник РУДН, серия Экономика, 2016, № 1, с. 58-68. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-differentsiatsiya-regionov-respubliki-kazahstan>
13. <https://stat.gov.kz/>

References:

1. Barro R.J. (2000) Inequality and Growth in a Panel of Countries // *Journal of Economic Growth*. No. 5 (1). P. 5–32. // <https://www.jstor.org/stable/40216021>
2. Benhabib J. (2003) The Trade-off Between Inequality and Growth // *Annals of Economics and Finance*. Vol. 4 (2). P. 491–507. // <http://aefweb.net/AefArticles/aef040210.pdf>
3. Alberto Alesina and Eliana La Ferrara *Journal of Economic Literature* Vol. 43, No. 3 (Sep., 2005), pp. 762-800 (39 pages) Published By: American Economic Association // <https://www.jstor.org/stable/4129475>
4. Pager D, Shepherd H. The Sociology of Discrimination: Racial Discrimination in Employment, Housing, Credit, and Consumer Markets. *Annu Rev Sociol.* 2008 Jan 1;34:181-209. doi: 10.1146/annurev.soc.33.040406.131740. PMID: 20689680; PMCID: PMC2915460. // <https://psycnet.apa.org/record/2008-11969-009>
5. Zharomskij V.S. Miganova L.A. Toksanbaeva M.S. Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: dinamika i metody ocenki. // *Narodonaselenie*. — 2018. T. 21. № 4. — S. 79-95. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-v-rossii-dinamika-i-metody-otsenki>
6. Kosharnaja G.B., Karimova L.F., Korzh N.V. Social'no-jekonomicheskie indikator deprivatsii maloobespechennogo naselenija v rossijskom regione (na primere Penzenskoj oblasti) // *Regionologija*. — 2019. - Tom 27. - № 3. S. 554-571. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-indikator-deprivatsii-maloobespechennogo-naseleniya-v-rossijskom-regione-na-primere-penzenskoj-oblasti>
7. Loshkareva-Imgrunt S.I. Social'nye posledstviya imushhestvennogo neravenstva v sovremennoj Rossii. // <https://cyberleninka.ru/article/n/>

sotsialnye-posledstviya-imuschestvennogo-neravenstva-v-sovremennoy-rossii/viewer

8. Material'nye deprivacii kak sostavnaja chast' pokazatelja mnogomernoj bednosti. Soveshhanie jekspertov po izmereniju bednosti i neravenstva. Budva, Chernogorija 26-27 sentjabrja 2017 goda. // https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2017/Expert-meeting-Montenegro-2017/Informations/PPT_s/Latvia_presentation_rus.pdf
9. Neravenstvo — sokrashhenie razryva. Programma razvitija Organizacii Ob#edinennyh Nacij // <https://www.un.org/ru/un75/inequality-bridging-divide>
10. Stiglic Dzh. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. – M., 2015, c. 144–14.
11. Shevjakov A.Ju. Jekonomicheskoe neravenstvo: tormoz demograficheskogo rosta. // <https://core.ac.uk/download/pdf/6424315.pdf>
12. Temirova A.B., Abdimomynova A.Sh. Social'no-jekonomicheskaja differenciacija regionov Respubliki Kazahstan. // Vestnik RUDN, serija Jekonomika, 2016, № 1, s. 58-68. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-differentsiatsiya-regionov-respubliki-kazahstan>
13. <https://stat.gov.kz/>

РЕФЛЕКСИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Кульзада Кудайбергенова¹
Сабира Исалдаева^{2*}
Асел Абен³

^{1*} доктор педагогических наук, доцент кафедры
общей и социальной педагогики

Казахского национального женского педагогического
университета, e-mail: Kulzada.kudaibergeneva@gmail.com

² Преподаватель кафедры рекреационной географии и
туризма Казахского национального университета им.
аль-Фараби, e-mail*: sabira.isaldayeveva@gmail.com

³ Главный эксперт отдела анализа экономической
политики КИСИ при Президенте РК

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.08>

Аннотация. В статье рассматривается проблема качества образования в открытом обществе, которая набирает новые обороты. Ведь качественное образование в настоящее время является залогом определения конкуренции на внутреннем и внешнем рынках на пути создания Нового Казахстана. Также в работе раскрывается значение рефлексивной деятельности по совершенствованию стратегии развития качества образования в условиях создания нового Казахстана.

Исследование рефлексивной деятельности на основе концепции «слышащего государства», позволяет проанализировать образовательную деятельность высших учебных заведений в соответствии с интересами личности, общества и государства.

В статье на основе количественного и качественного анализа рефлексивных отчетов студентов высших учебных заведений Республики Казахстан определены такие показатели, как методы мотивации преподавателей, методы стимулирования профессионального роста, познавательные аспекты, эмоциональный настрой и удовольствие, а также структурируются мнения учащихся относительно действий и отношений учителей.

Было выявлено, что мнения студентов о качестве образования во многом зависят от них самих, их восприятия и способности размышлять над своими действиями. Поэтому можно с уверенностью сказать, что рефлексивная деятельность является основным фактором не только развития личности, но и повышения качества образования.

Ключевые слова: качество образования, качество преподавания, рефлексия, рефлексивная деятельность

РЕФЛЕКСИЯЛЫҚ ІС-ӘРЕКЕТ БІЛІМ САПАСЫН ЖОҒАРТУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Күлзада Күдайбергенова¹, Сабира Исалдаева^{2*}, Әсел Әбен³

¹ Педагогика ғылымдарының докторы, кафедра доценті жалпы және әлеуметтік педагогика Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, e-mail: Kulzada.kudaibergeneva@gmail.com

² Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ рекреациялық география және туризм кафедрасының оқытушысы, e-mail*: sabira.isaldayeveva@gmail.com

³ ҚР Президентінің жаныдағы ҚСЗИ Экономикалық саясатты талдау департаментінің бас сарапшысы

Аңдатпа. Бұл мақала жаңа қарқын алып жатқан ашық қоғамдағы білім сапасы мәселесін қарастыруға көмектеседі. Өйткені, сапалы білім қазіргі таңда Жаңа Қазақстанды құру жолында ішкі және сыртқы нарықтағы бәсекелестікті анықтаудың кілті болып табылады. Мақалада жаңа Қазақстанды құру жағдайында білім беру сапасын дамыту стратегиясын жақсарту бойынша рефлексиялық әрекеттің маңыздылығы ашылған. «Тыңдай алатын мемлекет» концепциясы негізінде рефлексиялық әрекетті зерттеу жоғары оқу орындарының білім беру қызметін тұлғаның, қоғамның және мемлекеттің мүдделеріне сәйкес талдауға мүмкіндік береді.

Мақалада Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары студенттерінің рефлексиялық есептерінің нәтижелерін сандық және сапалық талдау негізінде оқытушылардың ынталандыру әдістері, кәсіби өсуге ықпал ету, танымдық аспектілер, эмоционалдық көңіл-күй және ләззат сияқты көрсеткіштер айқындалып, мұғалімдердің іс-әрекеті мен қарым-қатынасына қатысты білім алушылардың пікірлері құрылымдалған. Студенттердің білім сапасы туралы пікірлері көп жағдайда өзіне, олардың қабылдауына және өз іс-әрекетіне рефлексия жасау қабілетіне байланысты екені атап өтіледі. Сондықтан рефлексиялық әрекет жеке тұлғаның дамуының ғана емес, білім сапасын арттырудың да басты факторы деп сеніммен айта аламыз.

Түйін сөздер: білім беру сапасы, оқыту сапасы, рефлексия, рефлексиялық қызмет.

REFLEXIVE ACTIVITY AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION

Kulzada Kudaibergeneva¹, Sabira Isaldaeva^{2*}, Assel Aben³

¹ Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department general and social pedagogy Kazakh National Women's Pedagogical University, e-mail: Kulzada.kudaibergeneva@gmail.com

² teacher of the Department of Recreational Geography and Tourism of the Kazakh National University. al-Farabi, e-mail*: sabira.isaldayeveva@gmail.com

³ Chief Expert, Department of Economic Policy Analysis, KazISS

Abstract. The article examines the problem of the quality of education in the

open society, which is gaining new momentum. After all, quality education is currently the key to determining competition in the domestic and foreign markets on the path to creating a New Kazakhstan. It also reveals the importance of reflective activities to improve the strategy for developing the quality of education in the conditions of creating a new Kazakhstan.

The study of reflexive activity based on the concept of a “listening state” allows us to analyze the educational activities of higher educational institutions in accordance with the interests of the individual, society and the state.

The article, based on quantitative and qualitative analysis of the results of reflective reports of students of higher educational institutions of the Republic of Kazakhstan, identifies such indicators as methods of motivating teachers, methods of stimulating professional growth, cognitive aspects, emotional mood and pleasure, and also structures students' opinions regarding the actions and attitudes of teachers.

It is noted that students' opinions about the quality of education largely depend on themselves, their perceptions and ability to reflect on their actions. Therefore, we can say with confidence that reflective activity is the main factor not only in personal development, but also in improving the quality of education

Keywords: *quality of education, quality of teaching, reflection, reflexive activity.*

Введение

В условиях создания нового Казахстана рефлексивная деятельность имеет большое значение для оценки эффективности образовательных программ, методов обучения, оценки результатов своей деятельности, принятия мер по повышению качества образования. Рефлексивная деятельность позволяет проанализировать потребности учащихся, их достижения и трудности, классифицировать изменения по принципиальным педагогическим проблемам, а также разработать инновационные методы обучения, отвечающие требованиям современного общества.

Хэттен и Смит [1] описали рефлексию как «намеренное мышление о действиях, нацеленное на улучшение». Студенты, глубоко размышляющие над своими действиями в ходе образовательного процесса, анализирующие проблемы и обдумывающие пути их решения, могут стать членами «слушающего государства», в совместном определении приоритетов для будущего развития страны. «Слушающее государство» – дорога с двусторонним движением. Фундаментальная основа этой концепции требует подготовки молодежи к формированию активных взаимосвязи между государством и обществом и объективному анализу информации [2].

В связи с этим мы считаем, что рефлексивная деятельность является качественным инструментом повышения качества образования, так как рефлексия это совокупность способностей анализировать, оценивать, понимать себя, регулировать собственное поведение и деятельность, проникать в индивидуальное своеобразие ученика, вставить в позицию ученика и с его точки зрения увидеть, понять и оценить себя, конструктивно разрешать свои внутрилличностные противоречия и конфликты [3]. Качественное образование как единая система должна позволять каждому человеку получать образование согласно его интересам, запросам и потребностям. Однако конструктивные усилия по достижению качества

высшего образования сдерживаются доминированием иностранных культур, распространением дезадаптивных западных моделей и недостаточным пониманием студентами собственных траекторий развития. Данное противоречие позволило обозначить исследовательские вопросы: влияет ли рефлексивная деятельность студента на повышение качества образования?

Доминирующая парадигма когнитивной рациональности, которая тратит 80% своего времени на объяснение новой темы, слаба в решении дилеммы между качеством знаний и актуальностью, точностью в решении современных проблем. Принимая во внимание, что само качество начинается с самого человека, его духовной зрелости, творческих возможностей, мы считаем, что изучение качества необходимо в соответствии с потребностями и возможностями человека [4]. Рефлексивная деятельность как дидактический принцип действует на всех уровнях образования: «Важен голос всех учащихся, голос каждого должен доходить до учителя, особенно голос «молчаливых» и «изолированных» учеников». Джин Раддок, известный сторонник организации «Голос студентов», пишет, что общение со студентами помогает понять, как воспринимается обучение и как можно улучшить обучение отдельных учащихся. Система образования переходит на принцип «слушать и слышать».

В своем послании К.Токаев подчеркивает, что качество образования – основа процветания нации. Особое внимание уделяется стремлению к высоким стандартам в развитии и совершенствовании системы образования и удовлетворению потребностей общества. Он подчеркнул актуальность адаптации образовательных программ к новой реальности в условиях глобальных изменений [5].

Развитие цивилизации, сложная геополитическая ситуация в мире и глобальная безопасность, такие как экология, продовольствие, урбанизация, здравоохранение, транспорт, а также мир и конфликты, требуют новых знаний и новых методов образования. Прежде чем ответить на вопрос, каким будет качество новых знаний и новых методов, попробуем найти ответ на вопрос, как мы понимаем качество образования. Рефлексия в действии – это активный процесс, где действие и мысль дополняют друг друга [6].

Студенты, четко понимающие, что рефлексивная деятельность и качество образования являются «третьей социальной силой», имеют возможность учиться в современном духе, привнося свои мысли, идеи и творчество.

Как показывает анализ, в англоязычной литературе основное внимание уделяется рефлексивной практике поиска новых путей достижения наилучших результатов, в русскоязычных педагогических исследованиях внимание уделяется понятию рефлексивной деятельности дидактического характера, направленного на понимание способов и методов работы во время преподавания и обучения. Преподаватели, работающие в условиях обновленного содержания образования, рассматривают рефлексиию как обратную связь, которая позволяет оценить деятельность каждого учащегося на разных этапах урока.

Философское понимание рефлексии требует более глубокого понимания того, что рефлексия – это не для кого-то другого, а прежде всего для себя, для своего разума. Это зависит от того, когда и в каком формате представлена рефлексия, если рассматривать рефлексия как этап процесса обучения, то невозможно достичь глубокого понимания, поскольку временной отрезок не позволяет понять, проанализировать и систематизировать путь и причинно-следственные связи в развитии. Поэтому мы рекомендуем его не как часть урока, а как урок саморефлексии для полного понимания в конце раздела или модуля.

Анализ рефлексивной деятельности в конце модуля станет логичной отправной точкой для развития навыков рефлексивной практики преподавателей. Развитие рефлексивной деятельности преподавателей вузов в нашей системе образования, ориентированной на требования когнитивных стандартов, является непростой задачей. Рефлексивная деятельность, как мы считаем, не является оценочной деятельностью, это вспомогательная деятельность, для ее совершенствования не должно быть определенной стандартной формы мышления, рефлексивная деятельность должна восприниматься как творческая работа, проявляющая свободу мысли. Преподаватели, занимающиеся рефлексивной практикой, должны задуматься о ее последствиях и изменениях, направленных на повышение качества образования. Но преподаватели думают не о качестве образования в целом, а о простых проблемах, улучшающих преподавание своего предмета, потому что эта задача невозможна в условиях ограниченности времени и ресурсов. В процессе обучения преподаватели синтезируют множество отдельных нововведений в методике, но из-за недостаточного внешнего анализа нововведения и рекомендации не используются как фактор повышения качества образования и не реализуются на должном уровне. Следовательно, есть необходимость, на специалиста –эксперта по исследованию рефлексивных действий, которые могли бы помочь опытному учителю и продвижению идеи и практические инновации, направляя результаты исследований на улучшение общего качества образования.

Методология и методы исследования

Цель нашего исследования – оценка применения рефлексивной деятельности для повышения эффективности обучения. Исследование носит свободный характер и следует принципам Парето. Респондентами выступили студенты второго курса образовательной программы «Педагогика» и магистранты программы «Педагогика высшей школы» Казахского национального женского педагогического университета. Исследование проводилось в течение последних 6 месяцев учебного года. За это время было собрано более 300 рефлексивных отчетов.

В целях формирования рефлексии мы внедрили в процесс обучения принципы Lesson Study, метод наблюдения, обратная связь, а также для сбора конкретного материала, рефлексивной беседы в течение учебного периода первой или второй рубежной недели семестра. Главный принцип нашего исследования – развитие свободы мысли. В процессе наблюдения и в анализе рефлексивного отчета мы следовали закону лидерства

Теодора Рузвельта «Не искажай факты собственной интерпретацией». Качественный анализ рефлексивного отчета направлен на более глубокое изучение личности для получения информации о мотивации, установках и отношении студентов к обучению. Анализ рефлексивных отчетов проводился по ключевым словам для составления рубрикаторов, размышления, для конструктивной рекомендации, инструкции более глубокого анализа собственной мысли, действий, чтобы следовать и преуспеть в будущем обучении.

Обзор литературы

Среди широкого спектра научных подходов к проблеме качества образования выделим подход М.М. Поташника, который предложил качество образования как соотношение целей и результатов, как меру достижения цели [7]. Н.А. Селезнева [8] рассматривает качество образования в трех пространствах: система образования, результат, процесс, В.П. Беспалько [9] представляет качество образования как комплексную характеристику, определяемую совокупностью основных и независимых параметров. Эти подходы обеспечивают прочную научную основу для изучения связи между характеристиками учителей и качеством их преподавания.

В философских размышлениях рефлексия рассматривается как один из показателей скрытых качеств преподавателя в системе университетского образования и как необходимое условие создания среды сотрудничества.

Для поколения Альфа отсутствие давления со стороны формальных учебных программ и экзаменов позволяет свободно развивать критическое мышление и аналитические навыки, а также позитивное отношение к обучению. Такие задачи требуют от учителей развития рефлексивной практики. Рефлексия в действии – это активный процесс, в котором действие и мысль дополняют друг друга [10]. Согласно Хаттен и Смит, рефлексия – это «сознательное размышление о действиях, направленных на улучшение».

Л.М. Митина, определяет рефлексия как совокупность способностей анализировать, оценивать, понимать себя, регулировать собственное поведение и деятельность, проникать в индивидуальное своеобразие ученика, вставать в позицию ученика и с его точки зрения увидеть, понять и оценить себя, конструктивно разрешать свои внутриличностные противоречия и конфликты [11]. Внедрение рефлексивной практики стала очень богатой областью исследований.

Преподавание и обучение через рефлексивную практику призвано помочь понять и предпринять позитивные действия по вопросам, касающимся: кто вы; как вы общаетесь с другими и учитесь вместе с ними; что вы можете делать (и не делать), чтобы добиться успеха и процветания; повышение качества преподавания и обучения [12]. Рефлексивная практика позволит учителям изменить свои инструкции для осмысленного обучения своих студентов и дает возможность совершенствовать содержательные аспекты обучения и взаимодействия субъектов в учебном процессе. Рефлексивная практика подчеркивает смысл каждого этапа преподавания и обучения охотясь за предположениями, которые поддерживают сами

себя, чтобы сформулировать свои суждения и действия, предпринятые во время преподавания, во время планирования и после обучения для поиска новых способов наилучшей поддержки своих учеников обучения [13]. Кооперативная рефлексия реализуется в процессах совместной деятельности и позволяет проектировать коллективную деятельность, согласовывать совместные действия субъектов педагогической среды [14]. Интеллектуальная рефлексия определяет её как способность педагога входить в активную исследовательскую позицию по отношению к своей деятельности и к себе как её субъекту с целью критического анализа, осмысления и оценки ее эффективности [15]. Социально-перцептивная рефлексия является основой процесса познания учителем субъектов педагогического и профессионального взаимодействия и состоит в переосмыслении, перепроверке педагогом своих представлений и мыслей о детях и коллегах, которые у него сформировались в процессе общения и совместной деятельности [16]. Личностная рефлексия находит проявление в процессе познания субъектом содержания своего сознания, своей деятельности, общения и отношения к себе, другим и к выполняемой деятельности [17]. Когнитивная рефлексия «является основной составляющей профессионального самоопределения студентов [18].

Результаты исследования и их обсуждение

Качественный анализ позволил собрать представления и неколичественные данные о профессиональных, когнитивных, мотивационных и эмоциональных аспектах развития обучающихся (табл.1). По результатам рефлексивного отчета проведен качественный анализ, структурированы мнения и взгляды, определены признаки, атрибуты. Мнения респондентов были сгруппированы по следующим четырем параметрам:

- 1) мотивирующие методы;
- 2) путь к профессионализму;
- 3) глубокое понимание;
- 4) эмоциональное настроение, удовольствие.

Таблица 1. Качественный анализ рефлексивного отчета

Параметры обратной связи со студентами	Важные моменты и выдержки
Профессиональный рост	<p><i>Магистрант 1.</i> «Могу сказать с уверенностью, что спустя 7 лекций и 7 семинаров у меня уже есть полное представление о педагогике высшей школы. ...».</p> <p><i>Магистрант 2</i> «Каждый урок не только имеет четкий план, но и временные ограничения, что не позволяет зря потратить время и расфокусировать внимание студентов».</p> <p><i>Магистрант 3.</i> «В течение нашей дискуссии преподаватель очень аккуратно подходил к нашей дискуссии, тем самым поддерживая раскрыть тему более глубже».</p> <p><i>Магистрант 4.</i> «Я убедилась, что главным источником всего мышления является учитель. «...здесь свободно и тепло».</p>

<p>Профессиональный рост</p>	<p><i>Магистрант 5.</i> «Преподаватель делится своим профессиональным опытом, приветствуя открытый диалог между студентами и учителем»</p> <p><i>Магистрант 6.</i> «Я никогда не думала, что преподавать — это настолько интересно! Теперь я задумываюсь о карьере преподавателя в будущем».</p> <p><i>Студент 1.</i> «Ведь великие мыслители говорили, что «Учитель – человек, создающий будущее». Чтобы построить и открыть нам эту сферу - педагогическую деятельность, то есть получать наш будущий хлеб, нам помогала преподаватель педагогики и доктор педагогических наук ...».</p> <p><i>Студент 2.</i> Я очень благодарна Вам, после прохождения данной дисциплины я еще больше влюбилась в свою профессию. Если на 1 курсе думала «Почему я поступила на педагога? У меня сердце же не полностью тянется к этому...», то сейчас у меня все наоборот. Я бы рекомендовала этот курс абсолютно всем студентам, которые решили встать на путь учителя, взять на себя такую большую ответственность, как воспитание будущего поколения, потому что, изучая этот курс, мы получаем основные, начальные знания для своей будущей профессии и без таких знаний, я думаю, нельзя считать себя хорошим учителем, ведь, если практические знания будут постепенно приходить с опытом. Я научилась слушать себя и слышать преподавателя, а также самоанализу.</p>
<p>Мотивирующие методы</p>	<p><i>Магистрант 7.</i> «Теперь мы будем проводить уроки по японской технологии Lesson Study. Я рада, что мы будем углубленно изучать эту технологию в этом курсе. Ведь по требованиям новых тенденций, наши диссертационные эксперименты должны проводиться именно в этом формате. То есть этот курс будет на подобие бета версии самого эксперимента. И это мотивирует на изучение».</p> <p><i>Магистрант 8.</i> «Я поняла, как свободное мышление со стороны преподавателя дает свободу группе, как важно не быть категоричным, и как приятно быть понятным».</p>
<p>Когнитивные аспекты</p>	<p><i>Магистрант 7.</i> «На самом первом уроке мы изучили концепцию научных революций Т.Куна, используя метод 6 шляп. Тема персонализация!!! ... а реально возможен ли переход нашей системы образования. Если бы я раньше знала об этой теме, возможно я бы взяла эту тему для диссертации, так как исследовать такое не вызовет скуки».</p> <p><i>Магистрант 8.</i> «... мое особое внимание привлекла заданная статья к прочтению о моделях университета в условиях глобализации. Было увлекательно анализировать разные типы университетов: от классического до корпоративного, поразмышлять какой тип университета подходит именно для нашей страны»</p> <p><i>Студент 3.</i> «Лекцию мы всегда начинали с терминологического диктанта, ведь этот способ помогал нам хорошо знать термины педагогики».</p> <p><i>Студент 4.</i> «...усвоила и поняла, как можно заинтересовать детей и вовлечь их в учебный процесс;</p> <ul style="list-style-type: none"> - узнала о возможных интерактивных приемах в работе с учениками (взяла на заметку); - слушая лекции также слушала комментарии других студентов, их мнения (в каких-то случаях также получала какую-то интересную, полезную информацию от них);

	- ознакомились с методами оценивания, методами воспитания, узнала много новых, полезных терминов.
Эмоциональная картина	<p><i>Магистрант 1.</i> «Хочу начать с моего ожидания от этого курса. Я, после того как узнала название курса, думала, что он будет проходить так же, как педагогика, но с некими дополнениями. Честно сказать, реальность превзошла все мои ожидания...»</p> <p><i>Магистрант 2.</i> Я так же, как и Вы хочу уметь влиять на человека и направлять его в правильное русло. Вы не только слушаете, но и слышите, то, что всячески поддерживаете нас очень сильно повлияло на меня.</p> <p>... Я сделаю все возможное, чтобы стать учителем, как вы!</p> <p>... Я буду использовать ваши методы, чтобы быть похожим на ВАС.</p> <p>... Я считаю, что мне повезло быть вашей студенткой.</p> <p>... «Я очень благодарен за ваше честное и справедливое отношение ко мне».</p> <p>... «Для меня Вы символ «Ответственности!»</p> <p>... «Спасибо вам, за знания, за ваше терпение. Спасибо, что слушали нас, никогда не ругали и не говорили, что наше мнение неправильно. Я вам очень благодарна»</p> <p>... «Я научилась быть честным и справедливым у вас, большое спасибо!»</p> <p>... «Я благодарна, вы мой Идеал!!!»</p>

Источник: составлен авторами на основе обработки рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов.

Качественные данные дают подробную информацию для более глубокого понимания их эффектов, прогнозирования результатов, получения общих выводов по исследованию. В результате проведения контент-анализа, через повторяющиеся слова в рефлексивном отчете были определены приоритеты студентов в процессе обучения, представленные в таблице 2

Таблица 2. Приоритеты студентов в процессе обучения

Приоритеты студентов в процессе обучения		
В профессиональном росте	В когнитивном аспекте	В мотивирующих методах
Реалистичный четкий план	Анализ сложных тем с использованием аналитических методов.	Метод 6 шляп
Тайм-менеджмент		Метод «силового поля»
Активность студента		К.Левина
Поддержка преподавателя	Чтение и рецензирование научных статей.	Кластерный анализ
Свобода мысли		Контент анализ
Теплая атмосфера	Вступление в диалог с автором, комментирование статей.	SWOT анализ.
Открытый диалог		Метод Ишикава
Увлечательность процесса	Анализ определений с использованием ключевых слов.	Терминологический диктант
Удовольствие от процесса	Применение определений при решении определенных ситуаций.	Дебаты
Стремление к большему		Ментальная карта
Достижение больших целей	Понимание необходимости интерактивных методов.	PADLET платформа
Оценивание без стресса		Комиксы.
Справедливые оценки	Обмениваясь идеями, мнениями	

Умение слушать и слышать	получить поддержку команды.	
Восприятие учителя как источника опыта	Задавать открытые вопросы.	
Доверительное отношение.	Выражать свои мысли устно и письменно.	

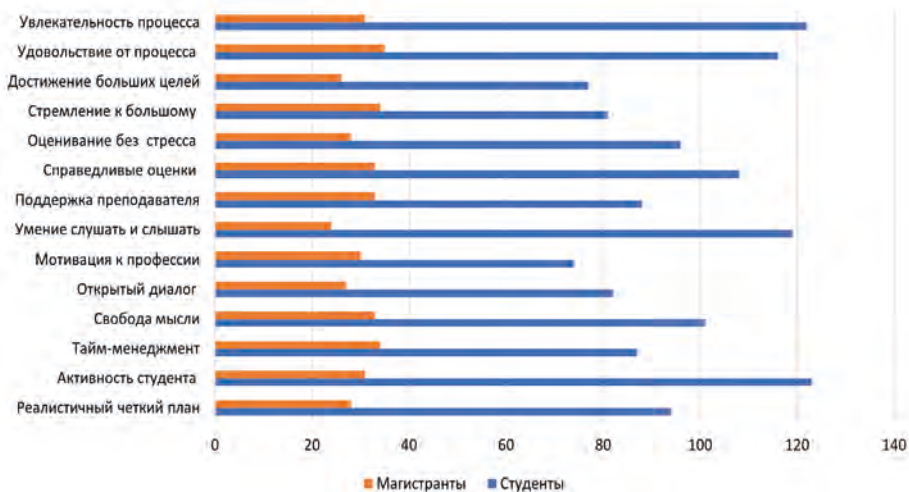
Источник: составлен авторами на основе обработки рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов.

Структурированные данные позволили провести их количественную обработку, чтобы сделать объективные выводы. Полученные данные показывают, что в рамках университетского образования особое внимание следует уделять совершенствованию профессиональной деятельности, совершенствованию рефлексивной деятельности, умению анализировать причинно-следственные связи, ведущие к развитию эмоций.

Количественный анализ показывает, что по мнению студентов и магистрантов, профессионализм характеризуется следующими показателями: теплая атмосфера, активность студента в процессе, умение слушать и слышать, справедливая оценка, удовольствие от процесса, увлекательный процесс, оценивание без стресса, справедливые оценки, мотивация к профессии, умение слушать и слышать, восприятие учителя как источника опыта, доверительное отношение и т.д. , также, можно наблюдать несоответствие рейтинга показателей для студентов и магистрантов (рис.1).

Согласно полученным данным наиболее важным для студентов является теплая атмосфера, в то время как для магистрантов - получение удовольствия от процесса. Понятно, что студенты хотят теплой атмосферы в профессиональном развитии, ведь студенты выросли под строгим контролем учителей и строгими стандартами, не ощутили вкуса свободы и не было равноправных отношений в процессе обучения.

Рисунок 1. Приоритеты респондентов в профессиональном развитии

Источник: составлено авторами на основе количественного анализа рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов

Анализ рефлексивных отчетов и опыт образовательного процесса показывают, что у магистрантов ситуация иная, магистранты – это субъекты, совмещающие учебу и работу, люди, ценящие свое время и знания, полученные за короткий период времени, стремящиеся к формированию доброго отношения с другими субъектами.

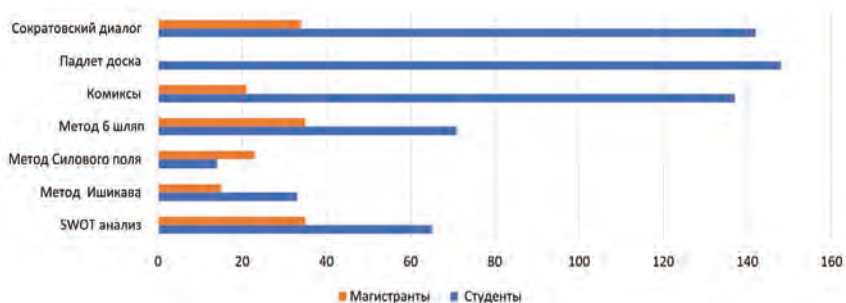
Рисунок 2. Приоритеты респондентов в профессиональном развитии

Источник: составлено авторами на основе количественного анализа рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов

Анализируя вышеизложенные в рефлексивном отчете когнитивные аспекты, можно убедиться, что показатель «выражение своих мыслей устно и письменно» лидирует в рейтинге показателей у студентов. Магистранты оценивают осознанную познавательную часть процесса: «чтение и рецензирование научных статей», «обмен идеями и мнениями». Рейтинг показателей когнитивной области по результатам анализа рефлексивных отчетов приведен на рисунке 2.

Рисунок 3. Приоритеты респондентов в области мотивирующих методов

Источник: составлено авторами на основе количественного анализа рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов

Как показано на рисунке 3, среди методов, мотивирующих студентов, лидером является метод работы с цифровой платформой «PADLET» и решения ситуационных задач с помощью «Комиксов». Магистранты же считают метод SWOT-анализа и метод 6 шляп более эффективным для глубокого понимания и анализа.

Количественный анализ показателей по трем параметрам рефлексивного отчета наглядно показывает, что рефлексия направлена на определение позиции студента в профессиональном мире и анализ его самореализации. Студенты и магистранты отдают приоритет профессионализму, т.е., 53,6% и 52,4% показателей составляет основу профессионального роста (рис.4). Далее следуют когнитивные аспекты – 29,8% и 32,5% опрошенных респондентов, и 16,6% студентов и 15,1% магистрантов выделили мотивирующие методы.

Рисунок 4. Мнения респондентов по показателям: а) студенты, б) магистранты

Источник: составлено авторами на основе количественного анализа рефлексивных отчетов фокус-групп студентов и магистрантов

Заключение

На основе анализа были получены ответы на следующие вопросы: Как можно сформировать рефлексивные навыки? В чем эффективность рефлексивного отчета? По каким параметрам можно проанализировать рефлексивные отчеты студентов?

Поскольку нет четкого руководства для написания рефлексивного отчета, наше исследование дает некоторые идеи по подготовке инструкции, рекомендации для студентов в написании рефлексивного отчета как части их учебного процесса. Организация рефлексивной деятельности на уроке позволила осознать своеобразие, индивидуальность и неповторимость обучающихся. Анализируя пройденный путь, студенты смогли определить факторы, приводящие к изменениям, целостный подход к профессиональному росту, критическое понимание себя и своих действий, знание содержания, методов и инструментов своей деятельности в

личностном развитии. Рефлексивный отчет позволил понять как можно студентам стать субъектом своих действий.

Качественный и количественный анализ показывает, что рефлексия – это инструмент, с помощью которого можно получить информацию относительно внутреннего воображения, идей, мечты, целей добровольно, без стандартных требований. Мы считаем, что рефлексивный отчет – это инструмент, позволяющий заглянуть во внутренний мир обучающихся и выявить их скрытые качества. Это не только инструмент, позволяющий заглянуть во внутренний мир обучающихся, но и инструмент самореализации. Таким образом, рефлексия помогает студентам и магистрантам критически размышлять о себе, сравнить, сформулировать полученные результаты, предопределить цели своей дальнейшей работы, скорректировать свой профессиональный путь.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН BR21882434 «Системный подход к мониторингу, анализу и оценке качества высшего образования в Казахстане» программно-целевого финансирования на 2023-2025 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Heather Fry, Steve Ketteridge, Stephanie Marshall A Handbook for Teaching & Learning in Higher Education. Enhancing Academic Practice, Kogan Page, 1999
2. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана».
3. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. – М.: Академия, 2004. – 318 с.
4. Фомина Н. Б. Новая многоуровневая модель оценки качества образования. Опыт мониторинговых исследований. М.: Новый учебник, 2009. 126 с.
5. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» от 1 сентября 2023 года.
6. Тони Гэй. Преподавание и обучение через рефлексивную практику. Практическое руководство для позитивных действий. Авторское право 2011. Версия 2-е издание. Первая публикация 2010 Электронная книга опубликована 9 декабря 2010 г.
7. Поташник М.М. Качество образования: проблемы и технологии управления [Текст] / М.М. Поташник. - М.: Педагогическое общество России, 2002. - 352 с.
8. Селезнева, Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования: лекция-доклад. [Текст] / Н.А. Селезнева. - Изд. 3-е. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. - 95 с
9. В.П. Беспалько. Слагаемые педагогической технологии. - М:Педагогика, 1989. – 191 с.
10. Болотов В.А., Ефремов Н.Ф. Системы оценки качества образования: учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2007. – 192 с.
11. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. – М.: Академия, 2004. – 318 с.
12. Преподавание и обучение через рефлексивную практику. Практическое руководство для позитивных действий. Тони Гэй. Авторское право 2011. Версия 2-е издание Первая публикация 2010 Электронная книга

опубликована 9 декабря 2010 г

13. Larrivee, B., "Development of a tool to assess teachers' level of reflective practice," *Reflective Practice*, vol. 9, no. 3, pp. 341-360, 2008
14. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Типы взаимодействия науки методологические ориентации в психологии творчества рефлексии. – М., 1989.
15. Бодалев А.А. Психология общения. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996. – 256 с.
16. Кондратьева С.В. Профессионализм в педагогическом общении. – Гродно: Изд-во ГрГУ, 2003. – 330 с.
17. Лидак Л.В., Погребная О.С. Рефлексия как условие формирования адекватной «Я-концепции» педагога: Монография. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. – 128 с.
18. Гончарова Н. В. Развитие когнитивной рефлексии и ее роль в профессиональном становлении студентов педагогического вуза // *Актуальные проблемы современности: наука и общество* – 2017. – №4. – С. 49-51.

References:

1. Heather Fry, Steve Ketteridge, Stephanie Marshall *A Handbook for Teaching & Learning in Higher Education. Enhancing Academic Practice*, Kogan Page, 1999
2. Message from the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 2, 2019 "Constructive public dialogue is the basis for the stability and prosperity of Kazakhstan."
3. Mitina L.M. *Psychology of work and professional development of teachers*. – M.: Academy, 2004. – 318 p.
4. Fomina N. B. *New multi-level model for assessing the quality of education. Experience in monitoring studies*. M.: New textbook, 2009. 126 p.
5. Message from the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan "Economic course of a Just Kazakhstan" dated September 1, 2023.
6. Tony Gay. *Teaching and learning through reflective practice. A practical guide to affirmative action*. Copyright 2011. Version 2nd edition. First publication 2010 E-book published December 9, 2010
7. Potashnik M.M. *Quality of education: problems and management technologies* [Text] / M.M. Potashnik. - M.: Pedagogical Society of Russia, 2002. - 352 p.
8. Selezneva, N.A. *The quality of higher education as an object of systemic research: lecture-report*. [Text] / N.A. Selezneva. - Ed. 3rd. - M.: Research Center for Problems of Quality of Training of Specialists, 2003. - 95 p.
9. V.P. Fingerless. *Components of pedagogical technology*. - M: Pedagogy, 1989. – 191 p.
10. Bolotov V.A., Efremov N.F. *Systems for assessing the quality of education: a textbook*. – M.: University book; Logos, 2007. – 192 p.
11. Mitina L.M. *Psychology of work and professional development of teachers*. – M.: Academy, 2004. – 318 p.
12. *Teaching and learning through reflective practice. A practical guide to affirmative action*. Tony Gay. Copyright 2011. Version 2nd edition First publication 2010 E-book published December 9, 2010
13. Larrivee, B., "Development of a tool to assess teachers' level of reflective practice," *Reflective Practice*, vol. 9, no. 3, pp. 341-360, 2008
14. Semenov I.N., Stepanov S.Yu. *Types of interaction between sciences and methodological orientations in the psychology of creativity and reflection*. – М., 1989.
15. Bodalev A.A. *Psychology of communication*. – М.: Publishing house "Institute of Practical Psychology", 1996. – 256 p.
16. Kondratyeva S.V. *Professionalism in pedagogical communication*. – Grodno: GrSU Publishing House, 2003. – 330 p.
17. Lidak L.V., Pogrebnyaya O.S. *Reflection as a condition for the formation of an adequate "I-concept" of a teacher: Monograph*. – Stavropol: Publishing house SGPI, 2008. – 128 p.
18. Goncharova N.V. *Development of cognitive reflection and its role in professional formation of pedagogical students university // Current problems of our time: science and society* - 2017. - No. 4. – pp. 49-51.

**Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ)
Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы
16 маусымдағы Жарлығына сәйкес құрылған
мемлекеттік болжамдық-талдау мекеме.**

Талдау орталықтарының 2020 жылғы Дүниежүзілік индекс-рейтингіне сәйкес (Global Go To Think Tank Index Report, University of Pennsylvania) ҚСЗИ Кавказ, Орталық және Оңтүстік Азияның жетекші талдау орталықтарының үштігіне кіреді (58 орталықтан), сондай-ақ «Covid-19-ға ең үздік саясат және институционалдық жауап» номинациясы бойынша әлемнің топ ақыл-ой орталықтарының қатарына кірді. Бұл номинацияға әлемнің түкпір-түкпірінен 83 талдау орталығы кірді, олардың ішінде ҚСЗИ Орталық Азия елдерінен кірген жалғыз құрылым болды.

Институттың негізгі қызметі – Қазақстан Республикасы Президентінің қызметін мемлекеттің ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық бағыттары бойынша талдамалық, зерттеу және сараптамалық қамтамасыз ету.

ҚСЗИ мекен-жайы мен байланыс телефоны:

Қазақстан Республикасы, 010000

Астана қ., Бейбітшілік к-сі 4

Тел.: +7(7172) 75-20-20

Факс: +7(7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

kisi_kz

kisi_kz

kisi.kz

kaz_iss

kisi_kz

